НАЦУМЭ СОСЭКИ

•

МАЛЬЧУГАН

- Нацумэ Сосэки
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
- notes

Нацумэ Сосэки
Мальчуган

Предисловие

Автор повести «Мальчуган» Нацумэ Сосэки (настоящее имя писателя – Кинноскэ, Сосэки – это псевдоним), крупнейший представитель японского критического реализма, родился в 1867 году в Токио, в обедневшей дворянской семье.

Буржуазный переворот 1868 года, известный под названием революции Мэйдзи, в числе прочих задач поставил перед японской буржуазией вопрос о национальных кадрах новой интеллигенции, необходимых для страны, вступившей на путь бурного капиталистического развития. Изменившиеся в связи с этим условия и система образования в значительной мере объясняют путь формирования и круг интересов будущего писателя: Нацумэ Сосэки после окончания школы поступил на отделение английского языка и литературы европеизированного к тому времени Токийского университета.

Окончив в 1893 году университет, Нацумэ работает преподавателем английского языка вначале в учительском институте и университете «Васэда» в Токио, а затем по собственной инициативе переходит на работу в среднюю школу небольшого городка на острове Сикоку, вдали от центра политической и культурной жизни страны. Здесь он близко соприкасается с косной в то время провинциала ной учительской средой, и многое из того, о чем рассказывается в повести «Мальчуган», стало хорошо знакомо писателю по собственному опыту. Затем министерство просвещения командирует Нацумэ для пополнения знаний в Англию, где он проводит три года. По возвращении на родину Нацумэ ведет курс английской литературы в Токийском университете.

Печататься Нацумэ начал поздно. Ему было уже около сорока лет, когда в 1905 году появилось его первое произведение – большой сатирический роман «Я – кошка» [1]. Роман сразу же обратил на себя внимание литературных и читательских кругов и принес автору славу.В 1907 году Нацумэ отказался от преподавания и от намечавшейся карьеры ученого и целиком перешел на литературную работу.

За недолгие годы своей писательской деятельности (он умер в 1916 году) Нацумэ создал большое количество произведений, причем самых разнообразных по жанру. Он писал стихи и романы, критические статьи и повести, рассказы. Кроме того, ему принадлежат многочисленные заметки по различным вопросам японской и английской литературы, воспоминания о литературных друзьях И современниках, а также переводы, в частности переводы произведений японской литературы на английский язык. Полное собрание его сочинений составляет двадцать томов.

Советскому читателю Нацумэ Сосэки знаком по роману «Сердце» [2].

Мир, который изображает писатель,- это главным образом японская интеллигенция, ее судьба, положение в обществе, ее интересы, быт и нравы. Чаще всего внимание Нацумэ привлекают писательские и учительские круги, с которыми непосредственно был. связан сам автор.

Повесть «Мальчуган», появившаяся в печати в 1907 году, была одобрительно встречена критикой и читателями. В своих воспоминаниях Нацумэ, между прочим, замечает, что его не раз расспрашивали о персонажах этого произведения и об их дальнейшей участи, полагая, что каждый из них – реально существовавшее лицо. Действие повести происходит в первые годы после русско-японской войны.

«Мальчуган», повесть незамысловатая по своей фабуле, рассказывает историю прямого, бесхитростного юноши, который с открытой душой идет навстречу жизни, не подозревая, что в окружающей его действительности честность и благородство расцениваются лишь как

недальновидность, а то и просто глупость.

После смерти родителей, окончив училище естественных наук, «мальчуган» отправляется в глухую провинцию в качестве учителя математики средней школы. Здесь он сталкивается с жизнью во всей ее неприглядности. Его идеалы, вера в справедливость, наконец его прямота и бескорыстие кажутся дикими и нелепыми людям, с которыми ему приходится общаться. Доверчивый и наивный, он не может ужиться в этой враждебной ему среде, где господствуют интриги, подхалимство, ложь и корысть. И после ряда неудач, не проработав в школе и года, он возвращается в Токио.Не раз задумывается «мальчуган» над дальнейшей судьбой школьников, воспитание которых отдано в руки людей столь низкого морального уровня. Он понимает, что такие «воспитатели», разумеется, не могут привить своим ученикам ни стремления к знаниям, ни уважения к обществу, ни просто элементарной порядочности. Эта мысль не случайна у Нацумэ. Он неоднократно возвращается в своих более поздних произведениях к вопросу о воспитании молодого поколения, о задачах литературы в этой области, о правильном выборе книг для юношеского чтения.

Надо указать, что «Мальчуган» в какой-то мере автобиографическая повесть. Об этом говорят некоторые биографы Нацумэ, да и сам автор в воспоминаниях приводит отдельные эпизоды из собственного детства и юности, позднее воспроизведенные им в «Мальчугане».

Повествование ведется не от имени автора,- характер «мальчугана», его внутренний облик раскрывается перед читателем через поступки героя, в его столкновениях с врагами, в его отношении к друзьям, в теплых воспоминаниях о вырастившей его няньке; оценка окружающего мира и общественных условий также дается через восприятия «мальчугана».

Каждое действующее лицо повести имеет свою индивидуальность, каждому свойственна своя манера говорить и действовать. Как живые выступают перед нами и сам «мальчуган», и директор школы «Барсук», для которого самое важное – собственное благополучие и внешнее соблюдение приличий, и «Красная рубашка» – человек, способный на любую подлость, развратник, маскирующий красивыми фразами свои неблаговидные поступки, и подхалим, трус и сплетник Нода, и тихий, беззащитный «Тыква», которому так сочувствует «мальчуган», и другие.

Все симпатии автора на стороне «мальчугана» и его друзей. Врагов «мальчугана» Нацумэ рисует достаточно непривлекательными красками.

Положительный герой не одинок. Самодурам, карьеристам, завистникам и подхалимам противопоставлены в повести не только сам «мальчуган», но и старая служанка Киё – человек большого душевного благородства, и учитель «Тыква», честный и порядочный, но робкий и неспособный к сопротивлению, и учитель «Дикообраз» – товарищ «мальчугана», близкий ему по духу.

Вдвоем с «Дикообразом» «мальчуган» борется за справедливость. Но борьба эта кончается неудачей, и оба вынуждены оставить школу. Все положительные герои повести терпят крах: Киё умирает, «Дикообраз» и «мальчуган» хотя и учиняют расправу над двумя своими врагами, но это только случайная победа, и обоимдрузьям приходится бежать из города, где они работали. Причина зла не в отдельных плохих людях, она коренится глубже – в обще-ственных условиях, с которыми одиночкам бороться не под силу.

«Мальчуган» – это не просто повесть, описывающая быт и нравы уездного учительства, это сатирическое произведение, обличающее общественные пороки.

Сатирические приемы изображения типов и социальных явлений характерны для творчества Нацумэ. Правда, это не всегда остро бичующая сатира. Чаще это ирония. Ирония умного, очень наблюдательного и очень насмешливого человека. Но в некоторых своих произведениях, в том числе и в повести «Мальчуган», Нацумэ поднимается до уровня

подливной сатиры.

В «Мальчугане» заслуживают внимания также те места повести, где проявляется отрицательное отношение автора к официальной печати (эпизод с газетным сообщением), к чиновничеству (которое в повести олицетворяет директор школы) и к парадной шумихе по случаю ежегодного празднования победы Японии в русско-японской войне.

Японский народ знает и любит Нацумэ Сосэки. Его произведения пользуются широкой известностью. Реалистическое изображение жизни и сатирическое обличение общественных пороков, гуманизм, с которым Нацумэ рисует простого среднего человека своего времени,- все это объясняет нам популярность его произведений. И вполне закономерно, что журнал Дзэн'эй – орган Коммунистической партии Японии – в редакционной статье «О борьбе в области культуры и задачах КПЯ по созданию единого культурного фронта» назвал имя Нацумэ Сосэки в числе выдающихся деятелей национальной японской культуры, юбилей которых японская компартия предлагает отмечать как дату, имеющую мировое значение.

На русский язык повесть «Мальчуган» переведена впервые.

Р. Карлина

Глава 1

С самого детства я был отчаянным сорванцом и поэтому вечно попадал в какие-нибудь истории. Однажды, еще в начальной школе, я прыгнул со второго этажа школьного здания и с неделю потом не мог разогнуть спину. Может быть, спросят, почему я выкинул такую штуку? Особенных причин не было. Просто я высунулся из окна второго этажа, а один из моих одноклассников увидал меня и нарочно стал дразнить:

– Э-э-э, задаешься, а спрыгнуть-то небось боишься! Эх ты трус!

Я взял да и прыгнул.

Когда я прибыл домой на спине школьного служителя, отец широко раскрыл глаза.

– И какой это дурак прыгает со второго этажа? Ведь ты шею себе сломаешь! – возмущался он.

– Ничего, в следующий раз прыгну лучше, – ответил я.

Один из родственников подарил мне заграничный перочинный ножик, и я показывал этот ножик товарищам, поворачивая его красивое лезвие на солнце. Вдруг кто-то из них сказал:

– Блестеть-то блестит, да, поди-ка, не режет?

– Как это не режет? Что угодно разрежет! – поручился я.

– Ах так! А ну-ка разрежь свой палец, – предложил тот.

– Что, палец?…

И я вот так, наискось, резанул по пальцу правой руки.Счастье, что нож был маленький и кость оказалась крепкой, а то быть бы мне без большого пальца. Правда, шрам остался на всю жизнь.

У нас во дворе был небольшой огород, в самой его середине, в двадцати шагах от дома, росло каштановое дерево. Это дерево было для меня дороже жизни. Когда каштаны поспевали, я, как только просыпался, выскальзывал из дома черным ходом и бежал подбирать паданцы, а потом грыз их в школе. Одной стороной наш огород примыкал ко двору закладной лавки Ямасироя. У владельца этой лавки был сын Кантаро, лет тринадцати. Кантаро, разумеется, был трус, но у него все же хватало смелости лазить через бамбуковый плетень и таскать каштаны. Как-то вечером я спрятался за калиткой и поймал вора. Убедившись, что бежать некуда, Кантаро отчаянно набросился на меня. Противник был старше меня года на два. Он был труслив, но силен. Улучив момент, Кантаро хотел было боднуть меня в грудь, но промахнулся, и его плоская голова, скользнув, угодила в рукав моего авасэ [3]. Стараясь освободиться, я стал как попало трясти рукой, а голова Кантаро моталась в моем рукаве из стороны в сторону. Кончилось тем, что вконец замученный Кантаро вцепился зубами в мою руку. Это было очень больно, и я, прижав Кантаро к плетню, дал ему подножку. Участок Ямасироя располагался метра на полтора ниже нашего огорода, и Кантаро, ломая плетень, вверх тормашками полетел вниз и с хриплым криком брякнулся у себя на дворе. Падая, он оторвал напрочь мой рукав, и рука сразу освободилась.

Когда мать в тот же вечер ходила к Ямасироя извиняться, она заодно принесла обратно и мой рукав.

Много было и других проделок. Однажды мы с сыном плотника Канэко и Каку – мальчишкой из закусочной – перепортили участок, засеянный морковью. Там, где морковь еще не взошла, земля сверху была прикрыта соломой, а уж после того, как трое ребят на этой соломе полдня возились и боролись, ясно, что от грядки моркови ничего не осталось. А то еще помню, как мне попало за то, что я замусорил колодец на рисовом поле У Фурукава. Колодец был устроен так, что через отвод, сделанный из колена толстого бамбука, вода из глубины била

ключом и растекалась по полю. Что это за устройство, я в то время не знал, а потому набросал в колодец камней, палок и щепок и, удостоверившись, что вода перестала идти, вернулся домой и сел обедать. Но тут, громко бранясь, явился побагровевший Фурукава.

Кажется, дело обошлось возмещением убытков.

Отец совсем меня не любил. Мать питала привязанность только к моему старшему брату. У брата было белое лицо, и ему нравилось играть женские роли, подражая актерам. Отец каждый раз, когда видел меня, говорил: «Из тебя-то уж во всяком случае ничего путного не выйдет». Ему вторила мать: «Все только хулиганит да хулиганит. Беспокоит меня его будущее». И в самом деле, как видите, ничего путного из меня не вышло. Беспокойство за мое будущее тоже не лишено было оснований. Правда, вот на каторгу я не угодил, потому и жив остался.

Мать болела, а за два-три дня до ее смерти я кувыркался на кухне и зашиб себе ребро об угол печки, мне было ужасно больно. Мать очень рассердилась: «Чтоб глаза мои тебя не видели!» – сказала она. Ну что ж, я взял да и ушел к родственникам. А тут вскоре сообщили, что мать умерла. Я совсем не ожидал, что она так скоро умрет. «Надо бы мне быть немножко послушнее, раз у нее была такая серьезная болезнь», – думал я, вернувшись домой. А мой братец сказал, что всему виной моя непочтительность к родителям и что это из-за меня матушка так скоро скончалась. С досады я дал брату по морде, и за это мне здорово влетело.

После смерти матери мы жили втроем: отец, старший брат и я. Отец мой был человек, который сам ничего не делал, но стоило ему только посмотреть на кого-нибудь, как он говорил: «Эх, негодный ты, негодный!» Манера, что ли, у него такая была? Отчего негодный, почему негодный – до сих пор не понимаю. Странный у меня был отец.

Брат объявил, что намерен стать коммерсантом, и усердно зубрил английские слова. Он был хитрый, и характер у него был, как у женщины, поэтому мы с ним плохо ладили. Хоть раз в неделю, но мы обязательно ссорились. Однажды за игрой в шахматы он смошенничал и открыто злорадствовал, что я попал впросак. Я сильно вспылил и швырнул ему прямо между глаз ладью, кото-рая была у меня в руке. Из ссадины на переносице чуть-чуть выступила кровь. Брат наябедничал отцу. Отец объявил, что лишает меня наследства. Тут уж ничего не поделаешь, придется оставаться без наследства, решил я. Но наша служанка Киё, которая проработала у нас лет десять, со слезами стала просить за меня отца, и гнев его постепенно прошел. Я все-таки не очень испугался отца, – скорее мне было жалко нашу служанку Киё. Говорили, что она была из хорошей семьи, род ее давно пришел в упадок, и в конце концов дошло до того, что ей пришлось пойти в прислуги. У нас ее звали бабушкой. Не знаю почему, но эта бабушка очень меня любила. Удивительное дело! Матери я опротивел перед самой ее смертью, отец вообще не знал, что со мной делать, во всем околотке от меня сторонились, как от испорченного мальчишки и хулигана, – а она во мне души не чаяла. Я уж примирился с мыслью о том, что у меня нет способности располагать к себе людей. «Поэтому-то и относятся ко мне, как к деревянной чурке», – думал я. Все это было привычно. И тем более мне казалась странной постоянная забота Киё обо мне. Иногда на кухне мы оставались вдвоем, и Киё принималась расхваливать меня: «Ты честный, прямой, у тебя хорошая душа», – говорила она. Но я не понимал смысла ее слов. Будь у меня хорошая душа, думал я, тогда не только Киё, но и другие тоже немножко получше бы ко мне относились. И я всегда отвечал ей:

– Терпеть не могу, когда ко мне подлизываются!

– Вот поэтому-то я и говорю, что у тебя хорошая душа, – не унималась бабушка, с радостью поглядывая на меня. Казалось, она гордится мною, как своим собственным изделием. Мне это было не совсем приятно.

После смерти матери Киё привязалась ко мне еще сильнее. Иной раз в мое ребячье сердце закрадывалось сомнение: за что она так любит меня? «Ерунда все это! Уж лучше бы оставила в

покое. Жалеет, что ли?» – думал я. Но Киё все-таки действительно любила меня. Не раз на свои деньги она покупала мне разные сласти и печенье. В холодные вечера она тихонько приносила и ставила у изголовья моей постели горячую похлебку из припасенной потихоньку гречневой муки. Случалось, что она даже покупала мне жареную лапшу. Но дело не ограни-чивалось только съестным. Я получал от нее башмаки и носки и карандаши, и тетрадки. А впоследствии Киё как-то даже одолжила мне три иены. И не потому, что я попросил взаймы, – нет. Она сама принесла эти деньги ко мне в комнату и сказала: «Трудно, наверное, без денег-то? На-ка, возьми себе на расходы». Я, конечно, сказал: «Не нужно». Но она настаивала на своем, и я, наконец, согласился взять их в долг. По совести говоря, эти деньги очень обрадовали меня. Я положил три иены в кошелек и сунул его за пазуху, а потом, когда пошел в уборную, нечаянно уронил в яму. Что тут было делать! Спотыкаясь, я вышел из уборной и чистосердечно – так, мол, и так – рассказал все Киё. Бабушка немедленно отыскала бамбуковую палку и сказала: «Достану!» Вскоре послышался плеск воды у колодца. Я вышел посмотреть – и увидел, что Киё, подцепив на конец палки завязки кошелька, обмывала его водой. Потом она открыла кошелек и вытащила оттуда одну неновую бумажку; бумажка стала бурого цвета, знаки на ней расплылись. Киё подсушила деньги у хибати [4] и протянула мне.

– Ну, теперь, пожалуй, ладно будет.

– Кажется, маленько припахивает, – сказал я.

– Тогда давай схожу обменяю.

Не знаю, как она это сделала – сплутовала, что ли, – только принесла мне вместо бумажных денег на три иены серебра. Забыл, на что я истратил эти три иены. Я обещал ей вернуть долг, но так и не вернул. А теперь хотел бы отдать в десять раз больше, да поздно!

Киё дарила мне что-нибудь только тогда, когда ни отца, ни брата при этом не было. Но что может быть противнее, чем тайком от других получать только для себя? Конечно, с братом мы не ладили, но все же мне не хотелось, чтобы Киё давала мне сласти и цветные карандаши потихоньку от него.

– Почему ты даешь одному мне, а брату нет? – спросил я как-то Киё.

Киё сухо ответила:

– Да потому, что брату отец покупает.

Это было несправедливо. Верно," отец был человек своенравный, но все же он не был так несправедлив. Однако в глазах Киё все выглядело иначе, – она самозабвенно любила меня. Ну что можно было поделать с невежественной старухой, хотя в прошлом ее семья и имела какое-то общественное положение. Этим дело не ограничивалось. Пристрастный глаз – страшная вещь! Киё твердо верила, что в будущем я непременно добьюсь успеха, сделаю блестящую карьеру и буду жить припеваючи. Зато у моего прилежного братца только и есть, что белое лицо, а ни к чему он не пригоден. Так она решила сама раз и навсегда. Перечить ей было бесполезно. Киё была уверена, что те, кого она любит, непременно станут выдающимися людьми, а кого не любит – тех обязательно постигнет неудача. У меня и мысли не было, что я могу стать чем-то особенным. Но Киё все твердила: «Станешь, станешь», и я уж невольно начал подумывать: «А может быть, и в самом деле из меня что-нибудь выйдет?» Вспомнишь теперь – экая глупость! Раз я попробовал спросить Киё, кем я буду. Но, по-видимому, у нее тоже не было отчетливого представления на этот счет. Она только сказала: «Ясно, что ты выстроишь себе дом с роскошным подъездом и будешь разъезжать на рикше». С этих пор Киё стала беспокоиться о том, чтобы нам с ней жить вместе, когда у меня будет свой дом и я стану самостоятельным человеком.

– Уж ты, пожалуйста, оставь меня у себя, – не раз просила она.

И я, как будто и в самом деле являюсь хозяином дома, отвечал:

– Гм… оставить? Ну ладно, оставайся.

Но у этой женщины была очень пылкая фантазия.

– Тебе где больше нравится, в Кодзимати или в Адзабу? [5] Устрой в саду качели. И пусть в доме будет одна европейская комната [6]. Одной хватит.

Так она сама, без моего участия, строила всякие планы. Какой там дом! Ни к чему мне все это было. Мне совсем не нужен был ни европейский, ни японский дом. И каждый раз я отвечал Киё:

– Да зачем это мне?

– Сердце у тебя чистое, вот потому ты и не жадный, – опять хвалила меня Киё.И что бы я ни говорил, в ответ я слышал одни похвалы.

Так мы прожили лет пять-шесть после смерти матери. Отец меня ругал, с братом я ссорился. Киё приносила мне сласти да по временам хвалила. Особых желаний у меня и не было, – я считал, что хватает и того, что есть. «У других ребят, наверно, то же самое», – думал я. И когда Киё по какому-нибудь поводу неосторожно говорила: «Бедный ты, несчастный!» – я задумывался: почему это я бедный и почему несчастный? А больше ничего не тревожило меня. Только мне было трудновато без денег на карманные расходы, а отец мне их не давал.

На шестой год после смерти матери, в январе, от удара скончался отец. В этом же году в апреле я кончил частную среднюю школу, а в июне окончил коммерческое училище мой брат. Он должен был уехать на Кюсю, где ему предложили место в отделении какой-то торговой фирмы. Мне же нужно было еще учиться в Токио. Брат заявил:

– Продам дом, разделаюсь с имуществом и затем поеду.

– Как хочешь, так и делай, – отвечал я.

Во всяком случае, я не думал жить на иждивении брата. При первой же ссоре он непременно попрекнул быменя этим, и пришлось бы из-за каких-то подачек сносить все от этого братца. «Нет уж, – решил я, – найду чем прокормиться и без него, – наймусь хоть молоко по домам разносить».

Брат вызвал торговца подержанными вещами и сбыл за бесценок весь унаследованный хлам, оставшийся от предков. Дом с участком через какого-то человека продали одному богачу. Все вместе, надо полагать, составило довольно значительную сумму, но сколько – толком не знаю. Я еще за месяц до этого переехал в квартал Кан-да, где снял на улице Огавамати комнатку со столом, и рассчитывал, пока не определится будущее, некоторое время пожить там. Киё очень горевала, что дом, где она прожила столько лет, переходит в чужие руки, – но дом был не ее, и она ничего не могла поделать. «Вот был бы ты немного постарше, мог бы все это получить по наследству», – горячо убеждала она меня. Но если можно было получить наследство, будь я немного постарше, то, значит, его можно было получить и теперь. Бабушка же нив чем не разбиралась и поэтому верила, что если бы я только был постарше, то дом достался бы мне.

Мы с братом, таким образом, расставались. Но что было делать с Киё? Брат, конечно, не мог взять ее с собой, не такое у него было положение, да и у Киё не было ни малейшей охоты тащиться за моим братом куда-то на Кюсю. Я же в то время ютился в крохотной дешевой комнатушке; да и эту комнатушку мне, может быть, в любой момент пришлось бы освободить, – так что я ничем не мог помочь Киё. Я попробовал спросить у нее самой, как быть. Я спросил, не пойдет ли она куда-нибудь в прислуги. Но Киё ответила:

– Ничего не поделаешь, думала я, думала, да и решила: пока ты не имеешь своего дома и не женился, буду жить у племянника.

Племянник этот служил писцом в суде и теперь в общем жил неплохо; он и раньше не раз предлагал ей: «Хочешь, переходи ко мне», но тогда она не соглашалась: «Пусть хоть в прислугах, да на обжитом месте», – говорила она. Но теперь Киё, видно, решила: чем

наниматься в какой-нибудь незнакомый дом, лучше пойти на житье к племяннику. Однако она все твердила:

– Приобретай поскорее дом да заводи себе жену, а я тогда буду о твоем хозяйстве заботиться.

Похоже, что меня, чужого ей человека, она любила больше, чем своего родного племянника.

За два дня до отъезда на Кюсю брат пришел ко мне, отсчитал шестьсот иен и сказал:

– Можешь использовать эти деньги как капитал и открыть торговлю или потрать их на плату за обучение и учись. В общем, делай с ними, что хочешь, но зато уж что там будет с тобой дальше – меня не касается.

Для моего брата это все-таки был замечательный поступок! Я, правда, подумал, что как-нибудь мог бы обойтись и без его шестисот иен, но все же такой необычный для него хороший поступок тронул меня, и, поблагодарив брата, я принял деньги. Потом он вынул пятьдесят иен и сказал:

– Передай это как-нибудь Киё.

Их я взял без возражений.

Два дня спустя мы расстались с братом на вокзале Симбаси, и я никогда больше его не видел.Ложась спать, я размышлял о том, как употребить мои шестьсот иен. Торговлю открыть – хлопотно, да и ловкости у меня для этого нет; притом на шестьсот иен настоящую торговлю, наверно, и не откроешь. А если и откроешь, тоже ничего хорошего не будет, – останусь я таким, как есть, и не придется похваляться перед людьми, что я, мол, образованный.

Раз я могу с этим капиталом делать, что хочу, так уж лучше использую я его как плату за обучение. Разделить шестьсот на три – это по двести иен в год; значит, можно три года учиться. А если три года усердно заниматься, что-нибудь да получится. Тогда я стал думать, в какое училище пойти. Но мне сроду не нравилась ни одна наука, особенно языки или там литература, – уж от этого вы меня увольте! Взять хотя бы новую поэзию – да я из двадцати строк и одной не пойму! А в конце-то концов, если все не по душе, так чем ни занимайся – все равно, решил я. По счастью, проходя мимо училища естественных наук, я увидел, что вывешено объявление о приеме учащихся. Ну, значит судьба! Я взял там программу и тут же выполнил все формальности, нужные для зачисления.

Когда я теперь вспоминаю училище, мне ясно, что и это было ошибкой, порожденной все той же безрассудностью, которая была присуща мне с детских лет.

Три года я занимался вместе с другими учениками, однако особых способностей не обнаружил и поэтому всегда был на одном из последних мест. Но три года как-то прошли, и я окончил училище. Мне и самому все казалось забавным, однако не возражать же против этого; и вот я благополучно прошел курс наук.

На восьмой день после окончания училища меня вызвали к директору. «Наверно, какое-нибудь дело», – подумал я и пошел. Оказалось, что в одну среднюю школу, где-то на острове Сикоку, требуется учитель математики. Жалованье – сорок иен в месяц. Предложили мне, не поеду ли. Я проучился три года, но, по совести говоря, у меня не было ни желания стать учителем, ни мысли-о том, чтобы поехать в провинцию. Впрочем, что я еще мог бы делать, кроме как стать учителем? Поэтому я тут же, не раздумывая, ответил, что поеду.

И это решение тоже было вызвано от роду присущим мне безрассудством.Но предложение было принято, и нужно было отправляться на место службы. За три года, что я прожил в своей комнатушке, меня ни разу никто не ругал, как бывало дома, и ни с кем я не ссорился. Пожалуй, это было самое беззаботное время в моей жизни. Теперь же приходилось покидать мою маленькую комнатку. За городом я был всего один лишь раз, когда вместе со своими

одноклассниками ездил на экскурсию в Камакура. Но сейчас предстояла поездка не в Камакура. Дорога была дальняя… На карте морского побережья это место казалось крохотным, как булавочная головка. Вряд ли оно могло быть стоящим. Кто его знает, что там за город, что за люди живут в нем? Ну, не беда. Волноваться нечего. Нужно ехать, вот и все! Правда, это, как-никак, немного хлопотно…

С тех пор как продали наш дом, я несколько раз бывал у Кие. Племянник Киё оказался прекрасным человеком. Когда я приходил, он всегда очень радушно принимал и угощал меня, всячески стараясь, чтоб я оставался у них подольше. А Киё, выдвигая меня вперед, на все лады расписывала ему мои достоинства. Однажды она даже объявила,, что вот я, мол, заканчиваю училище, покупаю себе дом в районе Кодзимати и буду ходить на службу. Сама выдумала, сама и наболтала, а меня поставила в неловкое положение и заставила краснеть. И такое случалось не раз и не два. Киё выкладывала обо мне всякие подробности, вплоть до того, как я в раннем детстве иногда по ночам делал лужу в постели. От таких рассказов я окончательно терялся и не знал, что сказать.

Неизвестно, что думал племянник, слушая болтовню Киё. Она была женщина старого закала и отношения между мною и собой понимала в духе отношений между господином и слугой феодального времени. Ну а если я был для нее господином, то она, видимо, полагала, что я, конечно, являюсь господином и для ее племянника. Каково было это племяннику!

Я уже связал себя обещанием поехать. До отъезда оставалось три дня, и я пошел проститься с Киё. Когда я пришел, она лежала, простуженная, в маленькой комнатушке, выходившей окнами на северную сторону. Увидев меня, Киё приподнялась и сразу же спросила: «Мальчуган, а когда же у тебя будет свой дом?…» Она думала,что раз я кончил училище, то теперь деньги сами собой хлынут ко мне в карманы. Тем более глупо было хватать такую «высокую персону» за рукав да еще называть мальчуганом! Я просто сказал ей, что пока у меня нет своего дома и что я еду в провинцию. Когда я упомянул о провинции, она с разочарованным видом стала быстро и как-то растерянно приглаживать свои растрепанные поседевшие волосы. Мне стало жаль старуху.

– Поехать-то я поеду, но скоро вернусь, – утешал я ее. – В будущем году непременно приеду на летние каникулы.

Но Киё попрежнему растерянно смотрела на меня. И тогда я сказал:

– Я тебе гостинцев привезу. Скажи, чего бы тебе хотелось?

– Этигоских тянучек, – сразу ответила она.

Мне даже не приходилось слышать, что это за этиго-ские тянучки. К тому же и ехал я не в Этиго, а совсем о другую сторону.

– Там, куда я еду, кажется, нет этих тянучек, – заметил я.

– Да? А куда же ты едешь?

Я ответил, что на запад. Тогда она спросила:

– Это до Хаконэ или дальше? Ну что ты с ней будешь делать!

В день отъезда Киё пришла ко мне с утра и всячески старалась помочь. Она положила в мой парусиновый чемодан зубной порошок, зубную щетку и полотенце, которые купила по дороге в мелочной лавке.

– Да зачем мне все это? – говорил я; но она и слушать не хотела.

Мы приехали с ней на вокзал на двух рикшах и вышли на платформу. Когда я сел в вагон, Киё, пристально глядя на меня, тихонько сказала:

– Вот, кажется, и расставаться пора… Ну, самого счастливого пути тебе!… – Глаза ее были полны слез.

Я не плакал. Но еще немного, и я бы тоже заплакал. Поезд сразу набрал скорость.

Ну, вот и все!… Я высунул голову из окна и оглянулся: Киё все еще стояла и казалась какой-то совсем маленькой…

Глава 2

Пароход загудел и остановился; от берега отчалила лодка и подошла к пароходу. Лодочник был совершенно голый, в одной только красной набедренной повязке. Экая дикость!. Впрочем, в такую жару кимоно и не наденешь. На воде ярко горело солнце. Посмотришь – глаза слепит.

Я обратился к пароходному служащему, и тот сказал, что мне здесь слезать. Кажется, я попал в большое рыбацкое село вроде Омори [7]. «Вот и поживи здесь, – подумал я, – не каждый выдержит». Но теперь отступать было поздно. Я первый бодро прыгнул в лодку. За мной сели еще человек пять-шесть. Потом с парохода сгрузили четыре больших ящика, и лодочник в красной повязке стал грести обратно.

Когда мы пристали к берегу, я раньше всех выпрыгнул из лодки и, поймав сопливого мальчишку, стоявшего на берегу, спросил его, где здесь средняя школа. Мальчишка растерянно пробормотал, что он не знает. Вот деревенщина тупая! Весь-то город с кошкин лоб, а он не знает, есть ли тут средняя школа! Подошел какой-то мужчина в узком кимоно странного покроя и сказал мне: «Пойдем туда». Я пошел за ним, и он привел меня к гостинице, которая называлась что-то вроде «Минатоя». Какие-то женщины наперебой стали приглашать: «Заходите, заходите, пожалуйста». Но мне все это не понравилось. Остановившись у входа, я попросил показать мне, где здесь средняя школа. Оказалось, что до школы отсюда нужно ехать поездом километров восемь. Это мне уж совсем не понравилось. Я отобрал у человека в узком кимоно свои чемоданы и побрел прочь. А они все растерянно смотрели мне вслед.

Вокзал я нашел быстро. Билет купил легко. Сел в поезд и огляделся: вагон – как спичечная коробка. Поезд, громыхая, шел минут пять, и я был на месте. «Не удивительно, что билет так дешево стоит, – подумал я. – Всего только три сэны». Я нанял рикшу и подъехал к школе, но там занятия уже окончились и никого не было,а ночной дежурный, как объяснил мне школьный служитель, ненадолго отлучился да каким-то делам. Вот так дежурный!

Надо бы разыскать директора школы, но я уже очень устал и поэтому велел рикше отвезти меня в гостиницу. Рикша бойко подкатил к подъезду с вывеской «Ямасироя». Забавно! То же самое название, что и у закладной лавки отца Кантаро.

Меня почему-то провели в полутемное помещение под лестницей. Там было невыносимо жарко. Я пытался возразить, что мне не нравится комната, но провожатый ответил, что, к сожалению, все занято, поставил мои чемоданы и ушел. Что было делать! Обливаясь потом, я вошел в эту комнату и решил как-нибудь потерпеть. Вскоре меня позвали принять ванну; я с плеском погрузился в воду и сразу же вылез. Возвращаясь к себе, я тихонько заглянул в другие номера и убедился, что было много никем не занятых прохладных комнат. Вот подлец! Как обманул меня!

Пришла служанка и внесла столик с обедом. Комната была душная, «о еда куда вкуснее, чем у хозяев, где я жил в Токио. Служанка, подавая мне кушанья, поинтересовалась, откуда я изволил прибыть. Я ответил, что приехал из Токио.

– А что, Токио, наверное, хорошее место?

– Разумеется, хорошее! – воскликнул я. Служанка убрала со стола, ушла на кухню, и оттуда донесся громкий смех. «Ерунда», – подумал я и сразу же лег спать, но заснуть не мог. Было не только жарко. Было шумно. В том доме, в Токио, я чувствовал себя куда спокойнее. Задремав, я увидел во сне Киё. Чавкая, она уписывала тянучки, прямо вместе с листьями молодого бамбука. «Ведь это вредно – листья бамбука! Брось, не ешь!» – кричал я, но Киё возразила: «Нет, это полезно», – и продолжала уплетать за обе щеки. Все это было так странно, что я громко захохотал и проснулся. Служанка открывала ставни. Из глубины неба вставал неизменно

ясный день.

Я слыхал, что если человек прибыл с дороги, то полагается, чтобы он давал на чай. Я слыхал еще, что если не дашь на чай, то с тобой будут грубо обращаться. Может быть, меня и поместили в такую тесную и темную комнату потому, что я не дал чаевых? А может быть, этооттого, что я бедно одет, что в руках у меня был парусиновый чемодан и зонтик из бумажной ткани? Ну, а сами-то они что? Серость провинциальная, а еще других ни в грош не ставят! Что если удивить их: взять да и дать на чай!

После всех расходов на обучение, из Токио я все же уехал с тридцатью иенами в кармане. За вычетом стоимости билетов на поезд и пароход да еще других расходов у меня оставалось четырнадцать иен. Даже отдать все – и то не беда, потом жалованье получу. Но эта деревенщина – скряги, им и пять иен дай, так, поди, от удивления глаза вылупят. Ладно, посмотрите у меня! Я с важным видом пошел умылся, потом вернулся в комнату и стал ждать. Вскоре вчерашняя служанка принесла столик; с подносом в руках она прислуживала у стола и все время ухмылялась. Вот невежа! И рожа-то какая противная! «Ладно, – думал я, – вот поем и тогда дам на чай». Но ее присутствие так меня раздражало, что, не окончив завтрака, я вынул пятииеновую бумажку и, подавая ей, сказал: «Снесешь потом в контору». Служанка, видимо, была удивлена. Покончив с едой, я тут же отправился в школу и ботинки не почистил.

Дорогу в школу я в общем знал: вчера я ездил туда на рикше. Два-три раза свернув на перекрестках, я очу-тился прямо перед школьными воротами. От ворот до подъезда все было выложено гранитом. Вчера, когда с грохотом подкатил сюда на рикше, я даже немного струхнул, – уж очень большой шум поднял.

По пути мне попадалось много школьников в ученической форме из бумажной ткани, все они входили в ворота. Некоторые из них были выше меня ростом и с виду очень здоровые. «Неужели придется учить вот этаких парней?» – подумал я. И мне стало как-то не по себе.

Я подал визитную карточку, и меня провели в кабинет директора школы. Директор был мужчина с жиденькими усами и темным цветом лица, похожий на пучеглазого барсука. Держался он величественно.

– Ну, надеюсь, будете усердно работать, – сказал он, важно передавая мне припечатанный большой печатью приказ о моем назначении. (Когда я возвращался в Токио, то скатал из этого приказа шарик и швырнул его в море.)Директор сказал, что сейчас представит меня всем преподавателям, при этом каждому из них я должен показать этот приказ. Вот уж лишняя морока! Чем затевать всю эту канитель, лучше бы просто на три дня вывесить этот приказ в учительской.

Преподаватели должны были собраться в учительской, когда прозвучит труба после первого урока. Времени еще оставалось много. Директор вынул часы, взглянул на них и вознамерился поговорить не спеша. Он начал с того, что попросил меня понять и усвоить основное, после чего произнес длинное наставление на тему о педагогическом духе. Я, конечно, слушал его с пятого на десятое, но уже посередине этой проповеди подумал, что влип в скверную историю. То, о чем говорил здесь директор, было просто невозможно. И нужно быть идеалом для учеников… и пусть на тебя взирают с почтением, как на образец для всей школы… и педагогом может быть только тот, кто, помимо преподавания, оказывает еще и личное нравственное воздействие на учеников…

Выходит, что такой сорви-голова, как я, должен быть для всего этого пригоден!… Что за нелепые и бессмысленные требования! Да будь я такой выдающейся личностью, чего ради я поехал бы в эту глушь на сорок иен жалованья в месяц? Все люди одинаковы, и, поди, каждый ругается, когда сердится, – а тут, значит, и слова лишнего не скажи и погулять не выйди! Если здесь такие сложные обязанности, то, перед тем как нанимать человека, надо бы сказать ему об

этом. Я сам не могу кривить душой, но тут я был не виноват: меня подвели. Подумав, я решил отказаться от места, махнуть на все рукой и уехать обратно. В моем кошельке оставалось всего-навсего девять иен – ведь пять иен я дал на чай, – а на девять иен в Токио не вернешься. И зачем было давать эти чаевые! Зря я это сделал. Ну да ладно! Пусть даже девять иен, как-нибудь да обойдется! «Денег на дорогу не хватит – это ясно; и все-таки лучше уехать, чем вводить людей в заблуждение», – подумал я.

– Нет, то, что вы говорите, никак невозможно, а этот приказ… вот, возьмите его обратно, – сказал я.

Директор уставился на меня, моргая своими барсучьими глазами, потом рассмеялся:

– Вам незачем беспокоиться. Я ведь сейчас говорютолько о том, что вообще желательно, и прекрасно знаю, что этим пожеланиям вы соответствовать не можете!

Если уж он так хорошо все знает, зачем было с самого начала меня запугивать?

В это время раздался звук трубы. В классах сразу зашумели.

– Преподаватели, наверно, уже собрались, – сказал директор и пошел в учительскую; я следом за ним.

Учителя сидели за столами, расставленными вдоль стен большой комнаты. Когда я вошел, все они, будто сговорившись, разом принялись глазеть на меня. Тоже нашли себе зрелище! Затем я, как мне было сказано, подходил к каждому из них по очереди и, подавая приказ о моем назначении, кланялся. Некоторые только отвечали мне на поклон, привстав со стула, но те, кто был полюбопытнее, брали приказ, бегло просматривали его и затем почтительно возвращали. Это было очень похоже на представление в театре. Когда я подходил к пятнадцатому по счету – учителю гимнастики, я уже был слегка раздражен многократным повторением одного и того же. Им-то что – поклонились по одному разу и все! А я проделывал это уже в пятнадцатый раз. Хоть бы кто-нибудь на миг представил себе мое состояние!

Среди • тех, кому я кланялся, был старший преподаватель. Говорили, что он кандидат словесности. Ну, раз кандидат словесности, думал я, значит он окончил университет и, должно быть, важная персона. У кандидата оказался какой-то пискливый, как у женщины, голос. Но больше всего меня удивило то, что в такую жару он носил фланелевую рубашку. Как бы фланель ни была тонка, ясно, что в ней жарко. Только кандидат словесности был в столь неудобной одежде. К тому же рубашка была красная, и это придавало ему нелепый вид. Мне потом рассказали, что он круглый год ходит в красной рубашке. Какая-то странная болезнь у него. Он же сам объяснял, что красное полезно для организма, и поэтому специально из гигиенических соображений он, мол, и заказывает себе красные рубашки. Вот лишние хлопоты! Коли так, пусть бы уж кстати носил и красное кимоно и красные хакама [8].

Следующий был преподаватель английского языка – мужчина с на редкость плохим цветом лица, по фамилии, кажется, Кога. Обычно люди с зеленоватым лицом бывают тощие, а этот был бледный и разбухший. Давно, еще в те времена, когда я ходил в начальную школу, в одном классе со мной учился мальчик, которого звали Тами, по фамилии Асаи; у отца этого Тами Асаи было тоже зеленоватое лицо. Асаи был крестьянин, «я все спрашивал Киё: не потому ли у него такое лицо, что ой крестьянин? А Киё объяснила мне: нет, это все оттого, что он питается только одной зеленой тыквой. Когда я встречал потом человека с зеленовато-отечным лицом, я всегда думал, что это у него потому, конечно, что он питается тыквой. Учитель английского языка, несомненно, тоже ест зеленую тыкву, решил я. Впрочем, что это за тыква – я так и не знаю. Однажды я спросил об этом Киё, но она засмеялась и ничего не ответила. Видно, Киё и сама толком не знала.

Следующий, по фамилии Хотта, оказался, так же как и я, учителем математики. Это был грузный человек с бритой головой, точно бонза, и с таким выражением лица, что хотелось

сказать: вот уж зловещий монах! Когда я вежливо протянул ему приказ о назначении, он даже не взглянул на него.

– А, ты вновь назначенный? Ну, приходи как-нибудь в гости, ха-ха-ха! – сказал он.

Что за «ха-ха-ха»? И кто это пойдет в гости к такому грубияну? С этого момента я прозвал его «Дикообразом».

Преподаватель классической китайской литературы был, как и следовало ожидать, человеком старых правил. Этот милый старичок сказал плавно и без пауз:

– Вчера только изволили прибыть? Наверно, утомились и тем не менее уже приступаете к преподаванию, это весьма ревностно с вашей стороны.

Учитель рисования держался совершенно так, как подобает человеку искусства. На нем было хаори [9]. Обмахиваясь веером, он сказал:

– Из каких краев? Токио? Прелестно, присоединяйтесь к нашей компании… Я сам тоже в некотором роде эдокко [10]. «Ну, если уж такой, как он, – эдокко, то не всякому охота была бы родиться в Эдо!» – подумал я про себя.

Понадобилось бы много времени для описания остальных, но я думаю, что и этого достаточно, все равно о всех не расскажешь.

Когда церемония с моим представлением была закончена, директор сказал мне:

– Сегодня можете идти домой. Относительно занятий согласуйте все со старшим по математике и послезавтра приступайте к урокам.

Но когда я спросил, кто здесь старший по математике, оказалось, что это тот самый «Дикообраз». Я был в отчаянии. Проклятье! Работать в подчинении у такого человека! Вот тебе и на!

«Дикообраз» обратился ко мне:

– Ты где остановился? В «Ямасироя»? Ладно, зайду, потолкуем, – бросил он на ходу и с мелком в руке направился в класс.

Выходят, он сам придет ко мне поговорить о делах. Ничего, держится по-простецки, хоть и старший! Во всяком случае, это куда лучше, чем по вызову идти к нему.

Выйдя из школы, я было сразу хотел идти к себе в гостиницу, но потом подумал, что еще успею, решил немножко пройтись по городу и побрел наобум, куда ноги понесли.

Видел префектуральное управление. Это старое здание прошлого столетия. Видел казармы. Они не лучше, чем казармы в квартале Адзабу в Токио. Видел главную улицу. Сама улица вдвое уже, чем улица Кагурадзака в Токио, и дома вдоль нее похуже. Повидимому, это был городок при замке какого-нибудь захудалого феодального владения.

Я шел и размышлял: «Жалкие люди! Гордятся, что их город, видите ли, при замке…» Так, незаметно, я вышел к гостинице «Ямасироя». Только сначала кажется, что в этом городе простора много, а на самом-то деле здесь тесно. Я уже все осмотрел. Теперь нужно было пойти домой и пообедать, и я вошел в ворота гостиницы.

Хозяйка, сидевшая за конторкой, увидев меня, поспешно выскочила навстречу и, поклонившись до самого полу, сказала: «С возвращением вас». Когда я снял ботинки [11] и вошел в гостиницу, служанка доложила, что свободна самая лучшая комната, и провела меня на второй этаж.

На втором этаже была просторная комната в пятнадцать цыновок [12], с окнами на улицу и с большой стенной нишей. Мне еще сроду не приходилось бывать в такой роскошной комнате, и неизвестно, случится ли такое еще когда-нибудь. Я снял европейский костюм, переоделся в легкое летнее кимоно и растянулся во весь рост па самой середине комнаты. Настроение у меня было прекрасное.

После обеда я немедленно сел писать письмо Кие. Я не мастер сочинять, к тому же и иероглифы знаю плохо, потому терпеть не могу писать письма. Да обычно и писать-то было некому. Однако. Киё, конечно, беспокоилась. Она, наверно, тревожилась – думала, не погиб ли я при кораблекрушении или что-нибудь в этом роде. Пришлось постараться и написать ей длинное письмо. Вот оно:

«Вчера приехал. Нестоящее место. Лежу в комнате в пятнадцать цыновок. В гостинице дал пять иен чаевых. Хозяйка терла лбом пол. Вчера ночью не спалось. Видел тебя во сне, будто ты, Киё, ешь тянучки прямо с бамбуковыми листьями. В будущем году летом приеду. Сегодня ходил в школу, надавал всем прозвища: директору – «Барсук», старшему преподавателю – «Красная рубашка», учителю английского языка – «Тыква», учителю математики – «Дикообраз», учителю рисования – «Шут». Скоро напишу тебе обо всем подробно. До свиданья».

Покончив с письмом, я почувствовал себя совсем хорошо, тут меня стало клонить ко сну, и я снова растянулся во весь рост посередине комнаты. На этот раз я спал крепко и не видел никаких снов.

Меня разбудил громкий голос:

– Здесь, что ли?

Я открыл глаза. Вошел «Дикообраз».

– Здорово! Так вот насчет того, что тебе поручено… – начал он сразу деловой разговор.

Я только успел подняться с полу и вконец растерялся. Но когда я узнал о своих обязанностях, я сразу же согласился. Они показались мне не особенно сложными.Раз все в таких пределах, то чего там оттягивать. Я готов хоть завтра приступить к работе.

Когда вопрос с занятиями был улажен, «Дикообраз» спросил:

– Конечно, ты не собираешься оставаться навсегда в этой гостинице? Послушай, я тебя устрою к хорошим хозяевам, давай-ка перебирайся. Чужих там не пускают, но я поговорю, и тебя сразу примут. Чем скорей, тем лучше. Сегодня сходи посмотри, завтра переедешь, а послезавтра пойдешь в школу. Вот и хорошо будет, – рассудил он сам, не спрашивая меня.

И в самом деле, вряд ли я смогу долго жить в такой комнате: месячного жалованья только-только хватит, чтобы платить за гостиницу. Немного жаль, что совсем недавно дал пять иен на чай – и сразу же переезжать. Но в конце концов если уж переезжать, так переехать поскорее и устроиться как следует. Поэтому я решил в этом деле положиться на «Дикообраза».

– Ну что ж, – сказал «Дикообраз», – пойдем вместе посмотрим. – И мы пошли.

Дом находился на окраине города и стоял на склоне холма. Здесь было очень тихо и спокойно. Хозяин, которого звали Икагин, занимался покупкой и продажей редких вещей. Жена у него была года на четыре старше. Когда-то, еще в средней школе, я выучил английское слово «witch» – «ведьма», – так вот она была в точности похожа на witch. Ну что ж, ведьма так ведьма! Раз у нее муж, то не беда. В конце концов было решено, что я завтра переезжаю к ним.

На обратном пути «Дикообраз» угостил меня стаканом воды со льдом. Тогда, в школе, он показался мне бесцеремонным и грубым, но теперь, видя его заботу обо мне, я подумал: «Непохоже, чтобы «Дикообраз» был плохой человек. Наверно, он просто такой же вспыльчивый и неуравновешенный, как и я сам». Позже я узнал, что среди учеников он пользуется наибольшим авторитетом.

Глава 3

И вот, наконец, я пошел в школу. Когда впервые я вошел в класс и поднялся на кафедру, мне было очень не по себе. Я вел урок, а сам думал: «Это я-то учитель!…»Ученики вели себя шумно. Время от времени кто-нибудь из них нарочито громко выкрикивал: «Учитель!» И я откликался. В училище естественных наук я сам ежедневно обращался таким образом к преподавателям. Но одно дело назвать кого-нибудь учителем, и совсем другое, когда тебя так называют, – от одного до другого, как от облака до болота! Мне вдруг так захотелось сбежать из класса, что даже пятки зачесались. Я не трус и не из робких, но мне, к сожалению, выдержки не хватает. Это- громкое «Учитель!» каждый раз действовало на меня ошеломляюще.

Кое-как я довел до конца свой первый урок. Хорошо еще, что никто не прицепился с каким-нибудь каверзным вопросом. Вернулся в учительскую. «Дикообраз» поинтересовался:

– Ну, как?

Я коротко ответил:

– Ничего.

И он как будто успокоился.

Но когда с мелком в руке я вышел из учительской на второй урок, у меня было такое ощущение, будто я вступаю на неприятельскую территорию.

На этот раз вся группа состояла из ребят куда более взрослых, чем на первом уроке. Сам я, как и большинство эдокко, был худенький и маленького роста, так что, хоть на кафедру влезь, все равно внушительного вида иметь не будешь. В драке я еще бы себя показал, а тут попробуй-ка – одним только языком держи в страхе сорок таких рослых парней, сидящих перед тобой! На это у меня не хватало умения. «Однако, покажи этой деревенщине хоть один раз, что робеешь, они сразу с этим освоятся», – подумал я и, как мог громче, бойко начал вести урок. Вначале мои ученики были сбиты этим с толку и сидели немного растерянные. «Ага! – подумал я. – Смотрите вы у меня!» – и, уже заранее торжествуя, понесся было на всех парах. Но тут из середины первого ряда внезапно поднялся самый здоровенный парень:

– Учитель!

«Ну вот, началось!» – подумал я. И спросил:

– В чем дело?

– Вы слишком быстро говорите, не понять. Помедленнее бы! Извините уж!… – сказал он.«Помедленнее бы. Извините уж…» – слова-то какие корявые.

– Слишком быстро? Ладно, буду говорить помедленнее. Только я эдокко и не употребляю таких выражений, как вы. Непонятно? Что ж, подождем, со временем поймете.

В таком духе, но все же лучше, чем я ожидал, прошел второй урок. И только в самом конце, когда я уже собирался уходить из класса, один из них обратился ко мне с просьбой:

– Пожалуйста, объясните вот…

И он прижал меня таким сложным вопросом по геометрии, что у меня холодный пот выступил. Что было делать?

– Непонятно что-то, в следующий раз объясню… – пробормотал я и поспешно ретировался под насмешливые возгласы учеников.

Среди общих восклицаний выделялся голос: «Не может, не может!» Олух! Ну, не могу объяснить, хоть и учитель! Не могу, так не могу, что ж тут удивительного? Человек, который все это знает, разве поехал бы на сорок иен в этакую глушь?» – думал я, возвращаясь в учительскую.

– А на этот раз как? – снова опросил «Дикообраз».

– Ничего, – буркнул я, но потом не удержался и добавил: – В этой школе ученики, видно, бестолковые!

При этом «Дикообраз» как-то странно посмотрел на меня.

И третий урок, и четвертый, и занятия во второй половине дня прошли в том же духе. Во всех классах, где побывал я в мой первый школьный день, я неизменно терпел неудачу. «Не так-то легко быть учителем, как это кажется со стороны», – думал я.

Мои занятия в общем закончились, но я еще не мог уйти домой и в одиночестве дожидался трех часов: в три часа, сказали, классные дежурные придут доложить об уборке помещений, и мне надлежит осмотреть классы; затем я должен буду проверить список присутствовавших на занятиях и только тогда могу быть свободным. Как бы человек ни запродал себя за месячное жалованье, но по какому закону привязывают его, как на веревке, к школе и заставляют играть вдвоем со столом в «кто кого переглядит» до тех пор, пока можно будет уйти?… «Однако остальные все безропотно подчиняются здешнему распо-рядку, – размышлял я, – только я один, новичок, недоволен. Так не годится». И я решил взять себя в руки.

На обратном пути из школы я пожаловался «Дикооб-разу»:

– Подумай, нелепость какая – заставили понапрасну сидеть в школе до четвертого часа!

– Ну да? – засмеялся «Дикообраз», но потом серьезно добавил: – Послушай-ка, ты слишком много ругаешь школу! Смотри, если ругать, так уж давай только при мне, а то, знаешь, люди ведь есть всякие… – сказал он, как будто предостерегая меня.

На углу мы с ним разошлись, и расспросить подробно обо всем не было времени.

Когда я пришел домой, явился хозяин.

– Заварю-ка чайку! – сказал он.

«Раз говорит «заварю», значит угостить хочет», – подумал я. Но хозяин без стеснения заварил мой чай и стал пить сам. По всему было видно, что и без меня он не раз практиковал это «заварю-ка чайку!»

Хозяин, по его словам, любил книги, картины и антикварные вещи и якобы поэтому в конце концов стал потихоньку торговать ими.

– Вы вот тоже, судя по вашему виду, изволите обладать весьма утонченным вкусом, – однажды заявил он, после чего обратился ко мне с совершенно нелепым предложением: – -Не начать ли и вам ради удовольствия понемножку тоже заниматься этим? Как вы думаете, а?

Два года тому назад, когда я по одному поручению зашел в отель «Тэйкоку», меня там по ошибке приняли за слесаря, – было такое дело. Когда, повязав голову платком, я осматривал статую Будды в Камакура [13], то какой-то рикша назвал меня старшиной, – и это было. Не мало, было в прошлом и других случаев, когда меня принимали не за того. Но чтобы кто-нибудь сказал, что я обладаю весьма утонченным вкусом, – такого еще не бывало! Да это вообще сразу поймешь по одежде и по всему моему виду. Посмотрите хотя бы на картинах: там человек с изысканным вкусом обязательно с капюшоном на голове или с листками бумаги для стихов. Всерьез сказать такое обо мне мог только изрядный жулик! – А по-моему, это противное занятие, – сказал я. – Вроде как отмахнуться от всего и уйти на покой, бездельничать.

– Хе-хе-хе! – засмеялся хозяин. – Сначала-то оно, верно, никому не нравится, но уж если займешься, то не разлюбишь, – сказал он и, опять налив себе чаю, стал пить, как-то странно придерживая чашку.

Собственно говоря, я сам накануне вечером попросил его купить чаю, но такой горький, как этот, мне не нравился. Выпьешь чашку – и в животе делается нехорошо. Я заметил хозяину, чтобы он впредь не покупал горький чай.

– Слушаюсь, – ответил хозяин и нацедил себе еще чашку: чай-то чужой, вот и пьет сколько влезет!

Наконец, он откланялся, и я, подготовившись к завтрашним занятиям, сразу же лег спать.

И вот началось: изо дня в день я ходил в школу и занимался там по распорядку, и изо дня в день, как только я возвращался домой, появлялся хозяин и говорил: «Заварю-ка чайку!» Через неделю я уже знал, что творилось в школе, и достаточно познакомился с хозяйской четой.

Я стал присматриваться к другим преподавателям. Оказалось, с тех пор как они подержали в руках приказ о моем назначении, в течение недели, а то и месяца, их очень беспокоило, какое у меня сложилось о них мнение – хорошее или плохое? Меня же мысли о моей репутации ничуть не тревожили. Случалось, что в классе я допускал какой-нибудь промах и на какой-то момент становилось скверно на душе, но проходило полчаса, и это ощущение исчезало бесследно. Такой уж я человек: может, и хотел бы, да не могу долго волноваться. Как ученики воспринимают мои ошибки в классе, как на это реагируют директор и старший преподаватель – на все мне было ровным счетом наплевать. Я не был слишком самоуверенным человеком, но характер у меня был такой, что я иной раз мог поступить и очень энергично. Я решил, что, если эта школа мне не подойдет, я сразу же уйду куда-нибудь в другое место, и поэтому нисколько не боялся ни «Барсука», ни «Красной рубашки». Тем более я не заботился о том, чтобы угождать каким-то мальчишкам в классе или подлизываться к ним.

Школа меня устраивала, но вот о квартире этого нельзябыло сказать. Если бы хозяин приходил только чай пить, это еще можно было бы терпеть, но он приносил с собой разные вещи. То, что он показал мне в первый раз, по всей вероятности были заготовки для личных печатей [14], хозяин разложил передо мной их штук десять и предложил:

– Покупайте. Три иены за все, недорого.

– Что я, какой-нибудь бродячий художник, что ли? – возразил я. – Мне эти вещи ни к чему!

Тогда в следующий раз он принес какэмоно [15] с цветами и птицами, работы не то Кадзана, не то еще кого-то там. Он сам повесил картину в токонома.

– А ведь здорово!… – сказал он. – Не правда ли?

Я сделал вид, что мне нравится, и вежливо отозвался:

– Н-да… пожалуй…

Тогда он пустился в разъяснения:

– Видите ли, есть два Кадзана: один из них – это Кадзан, и другой – Кддзан, а эта картина – она работы этого Кадзана.

Высказав этот вздор, хозяин стал наседать:

– Купите! Только для вас отдаю за пятнадцать иен!

– Денег нет, – отказывался я. Но он не унимался:

– Денег нет? Отдадите, когда вам будет угодно.

– И были бы деньги, все равно не купил бы! – наконец, сказал я, и только тогда удалось от него избавиться.

В следующий раз он приволок большущую плитку для растирания туши, величиной с кровельную черепицу.

– Это танкэй [16], – объявил он.

Хозяин так важно два «ли три раза повторил это слово, что я, шутки ради, спросил:

– А что это такое – танкэй? Он сразу же начал рассказывать. – Танкэй, – сказал он, – бывает из верхнего слоя, из среднего слоя и из нижнего слоя. Теперешние все – из верхнего слоя, но эта плитка, наверно, из среднего слоя. Поглядите на ее пятнышки: их у нее три. Это большая редкость. И тушь на ней хорошо растирать. Попробуйте, пожалуйста! – совал он мне под нос огромную плитку.

– А сколько она стоит? – полюбопытствовал я.

– Видите ли, эту вещь привезли из Китая, и ее владелец говорит, что непременно хочет продать ее, поэтому можно отдать вам по дешевке, за тридцать иен.

«Нет, он окончательно спятил с ума! В школе я еще как-нибудь смогу продержаться, но этой пытки антикварными вещами мне, кажется, долго не вынести!» – думал я.

Однако и школа мне скоро опротивела. Однажды вечером, прогуливаясь по улице Омати, я увидел рядом с почтой вывеску: «Лапша из гречневой муки». Под этой надписью было добавлено: «Токио». Я очень люблю гречневую лапшу. Еще, бывало, в Токио, идешь мимо закусочной, вдохнешь аромат пряностей – и захочется тебе нырнуть за бамбуковую шторку, висящую у входа. До этого дня из-за математики и старинных вещей я не вспоминал о гречневой лапше, но тут, когда я увидел эту вывеску, пройти мимо было невозможно. «Раз уж такой случай, – подумал я, – зайду-ка съем мисочку». Я вошел в закусочную, огляделся: совсем не соответствует вывеске. Если уж написали «Токио», хоть бы почище сделали. Но то ли они не видели Токио, то ли денег у них не было, только в закусочной было невероятно грязно: цыновки выцветшие и вдобавок шершавые, стены совершенно черные от сажи, потолок закопчен лампой и притом до того низкий, что невольно голову втягиваешь в плечи. Единственное, что здесь было совершенно новым и чистым, – это вывеска «Лапша из гречневой муки» и под ней меню с указанием цен. Не иначе – хозяин купил старый дом и всего два-три дня как открыл свою торговлю.

В меню на первом месте значилась тэмпура [17].

– Эй, дайте-ка тэмпура! – громко сказал я.

Три человека, которые сидели компанией в углу и, причмокивая и чавкая, что-то ели, все разом обернулись в мою сторону. В помещении было полутемно, и сначалая не обратил на них никакого внимания, но тут, взглянув на их лица, я увидел, что все трое были ученики из нашей школы. Они поклонились мне; я тоже поклонился им. Я давно не ел гречневой лапши, и в этот вечер она показалась мне такой вкусной, что я умял четыре порции тэмпура.

Когда на другой день, ничего не подозревая, я вошел в класс, на классной доске иероглифами величиной чуть ли не во всю доску красовалось: «Учитель – тэмпура». А все ученики, глядя на меня, открыто смеялись. Это было так глупо, что я спросил:

– Разве есть тэмпура смешно?

– Да, но четыре порции – это уж чересчур! – крикнул один из них.

– Четыре порции или пять, кому какое дело? За свои же деньги я ем! – сказал я и, побыстрее закончив урок, ушел в учительскую.

Через десять минут я пошел в другой класс и на доске увидел: «Четыре порции одной тэмпура! Но смеяться воспрещается!» В том классе я даже не особенно и рассердился, но здесь это меня здорово разозлило. Это уж была выходка, переходившая границы шутки! Все равно что взять лепешки и сжечь дочерна, вместо того чтобы сделать их румяными. Кому это нравится? А эти чурбаны таких тонкостей не понимают: они, видно, думают: «Э, жми, сколько влезет, не беда!» Живут в этом тесном городишке, где час походишь – и уже смотреть не на что, развлечений никаких нет, вот и готовы случай с тэмпура раздуть до события вроде японо-русской войны. Жалкие людишки! С малых лет их так и воспитывают. А потом получаются вот такие ничтожества, вроде искривленного клена, выращенного в цветочном горшке. Если бы это делалось по простодушью, можно бы вместе посмеяться с ними – и все тут. Ну а это что же такое? Дети, а уже такие злые!

Я молча стер с доски написанное и сказал:

– По-вашему, такая выходка забавна? Это подлая насмешка! Вы знаете, что значит подлость?

Тогда один мальчишка ответил:

– Подлость – это если человек злится, когда смеются над тем, что он сам натворил, – наверно, так?

Вот негодяи! И я специально приехал из Токио, чтобы их учить! При этой мысли мне стало больно за себя. – Перестаньте болтать и занимайтесь делом! – прикрикнул я на учеников и начал урок.

В следующем классе, куда я пришел позже, на доске было: «Поешь тэмпура – захочешь поболтать». Ну что ты с ними сделаешь! Совершенно рассвирепев, я крикнул:

– С такими хамами я заниматься не буду! – и быстро вышел из класса, а ученики мои, говорят, только обрадовались, что избавились от урока.

Теперь мне стало казаться, что даже хозяин с его антикварными вещами и то лучше, чем школа.

Я вернулся домой, и за ночь вся моя досада улетучилась. Когда я снова пришел в школу, оказалось, что явились и мои ученики. Не поймешь, что творится. Дня три после этого все было спокойно. На четвертый день вечером я отправился в Сумита и там угощался рисовыми лепешками. Сумита – это городок с горячими минеральными источниками. Добираться туда поездом минут десять, а пешком можно дойти минут за тридцать. Тут тебе и ресторанчик, и заведение с ваннами, и парк есть, и даже квартал публичных домов имеется.

Закусочная с рисовыми лепешками, куда я зашел, находилась рядом с публичными домами. Говорили, что в этой закусочной очень вкусно готовят, и я решил на обратном пути после купанья зайти туда поесть. На этот раз я никого из своих учеников не встретил и считал, что теперь-то, наверное, никто ничего не узнает. Но на следующий день, когда я пришел в школу и вошел в класс на свой первый урок, то на доске увидел: «Рисовые лепешки, две порции – семь сэн». И в самом деле, я съел две порции и уплатил семь сэн. Вот негодники, покоя от них нет! Входя в класс на второй урок, я только успел подумать: «Непременно что-нибудь да будет» – и увидел надпись на доске: «Эх, и лакомы же рисовые колобки в публичных домах!» Прямо поразительные негодяи!

С рисовыми лепешками на этом как будто было покончено, но тут стали болтать о красном полотенце. По сути дела вся эта история и выеденного яйца не стоила. Побывав в Сумита, я подумал, что стану ежедневно посещать горячие источники. Все остальное и в подметки не годилось тому, что я видел в Токио, а вот минеральные источники – это действительно было великолепное место. «Буду ежедневно принимать там ванну», – решил яи стал совершать прогулки туда перед ужином, для моциона. Отправляясь в Сумита, я обязательно тащил с собой огромное европейское полотенце. Это полотенце как-то вымокло в горячей воде, красная полоса на нем расплылась, и издали оно казалась красным. Полотенце это обычно висело у меня на плече, когда я отправлялся на источники и когда возвращался обратно, когда ехал в поезде и когда шел пешком. Поэтому школьники стали дразнить меня: «Красное полотенце! Красное полотенце!» Да, поживи в таком тесном мирке – совсем изведут тебя! Но это еще не все. Купальня с горячими ключами помещалась в новом трехэтажном здании; в первом классе не только давали напрокат купальные халаты, но и обслуживали, и за все брали восемь сэн. Кроме того, там служанка подавала чашку чая. Я всегда ходил в первый класс. Мне заметили, что при сорока иенах жалованья в месяц каждый день ходить в первый класс слишком роскошно. Суются тоже не в свое дело! Но и это еще не все. Бассейн был выложен гранитом и разбит на отделения шириной примерно в пятнадцать цыновок. Обычно здесь сидело по тринадцать – четырнадцать человек, но случалось, что и никого не было. В бассейне воды было по грудь, и очень приятно было просто ради спорта поплавать в горячей воде. Я выбирал время, когда никого не было, и с наслаждением принимался плавать вдоль всего бассейна. И вот однажды, предвкушая удовольствие поплавать, я бодро спустился с третьего этажа и у входа в бассейн

вдруг увидел большое объявление, написанное густой тушью: «Плавать в горячей воде воспрещается». Кроме меня, тут никто будто бы этим не занимался, так что объявление, по всей вероятности, было придумано специально для меня. И пришлось мне с этих пор отказаться от плавания.

От плавания-то я отказался, но, прийдя в школу, увидел, что на классной доске, как обычно, красуется надпись: «Плавать в горячей воде воспрещается». Я был просто потрясен. Выходит, что все школьники занимаются тем, что выслеживают меня одного! Настроение было испорчено. Конечно, я не из таких, чтобы отступать от своего, – пусть себе говорят, что хотят. «Но зачем я приехал в этот городишко, где так тесно, что все носами сталкиваются», – подумал я и снова разозлился. А когда пришел домой, опять началась пытка антикварными вещами.

Глава 4

В школе были установлены ночные дежурства, и дежурили поочередно все преподаватели. Только «Барсук» и «Красная рубашка» являлись исключением из общего правила. Я попытался узнать, почему собственно этн двое избавлены от обязанностей, которые надлежит выполнять всем. И мне сказали, что они приравнены к государственным чиновникам среднего класса. Недурно однако! И жалованье получают большое, и преподавательских часов у них мало, да еще освобождены от ночного дежурства! Где же тут справедливость? Установили какие-то своя правила и думают, что так и нужно. Совести у людей нет! Я был этим очень недоволен, но «Дикообраз» говорил, что мне следовало молчать, так как все равно у меня одного ничего не выйдет. «У одного ли, у двух ли – если дело справедливое, то выйдет!» – думал я.

– Might is right [18], – назидательно заметил «Дикообраз», приводя английскую поговорку. Я сразу не уловил смысла и переспросил. Оказалось, что это означает: право сильного. Что такое «право сильного» – известно с давних пор. Это я знал и без «Дикообраза». Но ведь «право сильного» и ночное дежурство – вещи разные. И почему «Барсук» и «Красная рубашка» «сильные»? Однако все эти рассуждения остались рассуждениями, а очередь дежурить в конце концов дошла и до меня.

Вообще-то говоря, я никогда не высыпался, если приходилось ложиться не в свою постель. С детских лет я не любил оставаться на ночь у кого-нибудь из товарищей. И если мне неприятно было ночевать в доме товарища, то уж дежурить ночью в школе было тем более неприятно. Так-то оно так, но что поделаешь: это дежурство входило в сорок иен моего месячного жалованья. Приходилось мириться.

И учителя и школьники разошлись по домам, а я остался один сидеть как дурак и зевать от скуки. Комната для дежурства была отведена позади классных помещений, в западном крыле школьного общежития. Я вошел туда. Лучи клонившегося к западу солнца нестерпимо били прямо в лицо. Наверно, только в провинции так бывает: осень наступила, а жара спадает медленно.Принесли ужин со школьной кухни, все было поразительно невкусно. Если часто есть такую гадость, пожалуй из-за одного этого начнешь скандалить. Я глотал наскоро и к половине пятого героически разделался с этим ужином.

На улице еще было светло, и ложиться спать не годилось. Мне захотелось хоть ненадолго пойти на горячие источники. Я не знал, попадет мне или нет за то, что во время дежурства уйду из школы, но у меня не хватало терпения сидеть тут зря, как в строгом тюремном заключении. Когда я впервые пришел в эту школу и попросил вызвать дежурного, служитель сказал, что он куда-то вышел по делам; тогда я удивился, но теперь мне самому представлялся такой случай. Правильно, пойду! Я сказал служителю, что ненадолго отлучусь.

– Наверно, дела какие-нибудь?

– Да ничего особенного, просто хочу на горячие источники сходить, – ответил я и быстренько вышел. К сожалению, свое красное полотенце я оставил дома, но решил: не беда, там возьму напрокат.

Пока я дошел туда, пока принимал там ванну, стало вечереть, поэтому я сел на поезд и доехал до станции Комати. Отсюда всего четыре квартала до школы. Расстояние было пустяковое, и я отправился пешком, как вдруг увидел, что навстречу мне идет «Барсук». Он, вероятно, тоже рассчитывал съездить поездом на горячие источники. «Барсук» торопился, но когда мы гюровня-лись, он взглянул на меня и слегка поклонился, затем сухо спросил:

– Разве вы сегодня не дежурите?

Конечно, «Барсук» знал, что я дежурю. Ведь всего два часа назад он сам вежливо напомнил

мне об этом: «Сегодня вам впервые придется нести ночное дежурство. Извините за беспокойство». У директора была неприятная манера выражаться не прямо, а как-то уклончиво. Я вспылил.

– Да, я дежурный, поэтому теперь вернусь в школу и, конечно, останусь там на ночь! – бросил я и зашагал дальше.

Дойдя до угла, я наткнулся на «Дикообраза». Действительно теснота! Шагу не сделаешь, как непременно кого-нибудь да повстречаешь. – Послушай, ты разве не дежурный? – спросил «Дикообраз».

– Ну да, дежурный.

– Что ж ты уходишь из школы и разгуливаешь тут? Неудобно как-то…

– А чего здесь неудобного? Вот если бы я не пошел – это было бы неудобно! – нарочито небрежно ответил я.

– Смотри, наживешь себе беды таким халатным отношением! Налетишь на директора или на старшего преподавателя – хлопот не оберешься!

Это было как-то не похоже на «Дикообраза», и, чтобы подразнить его, я сказал:

– А директора я как раз только что встретил, и он даже похвалил, что я пошел прогуляться: «Если, говорит, не погулять, так и сил не хватит дежурить в такую жару».

Однако, чтобы не нажить себе неприятностей, я все-таки скорее пошел в школу.

Солнце вскоре закатилось. Когда стемнело, я позвал к себе в дежурку служителя, и мы часа два с ним болтали, но и это надоело; тогда я решил забраться в постель, хотя спать и не хотелось. Я переоделся в ночной халат, приподнял москитную сетку, отбросил красное шерстяное одеяло и, плюхнувшись на тюфяк, принял горизонтальное положение. У меня с детства была привычка: ложась спать, со всего размаху садиться на постель и потом сразу опрокидываться на спину. В Токио студент-юрист, который жил этажом ниже меня, находил, что это плохая привычка, и не раз выражал свое недовольство. Студенты-юристы вообще-то народ хилый, но язык у них хорошо подвешен; вот и этот студент длинно и растянуто молол какую-то чушь, но я осадил его.

– Что я так плюхаюсь в постель, – сказал я, – ничуть не вредит моему заду. А если это кому и мешает, то виноват наш дом, выстроенный что называется на живую нитку. Так что со своими протестами обращайтесь к хозяевам.

Комната для дежурства находилась не на втором этаже, и я мог сколько угодно плюхаться на постель, не беда! А я уж так привык, что если по-настоящему, с силой не сделаю этого, то и сон не в сон.

– Э-эх! Вот как хорошо!Я только что с удовольствием вытянулся, как вдруг что-то прыгнуло мне на ноги. Что-то шершавое. Блохи? Нет, не блохи… Не понимая, в чем дело, я раза два поддал одеяло ногой. Шершавых тварей сразу же стало больше, штук пять ползало у меня по ногам, две-три полезли выше, одну, как оказалось, я расплющил задом, а одна добралась далее мне до самого пупа. Тут я перепугался. Вскочив на ноги, я разом отбросил одеяло, и тогда из тюфяка повыскакивало, наверно, пятьдесят или шестьдесят кузнечиков. Пока я не знал, что именно это такое, мне было немного жутко, а когда увидел, что передо мной только кузнечики, я взбесился. Кузнечики, а как напугали! Ну, смотрите вы у меня! И, схватив подушку, я стал колотить ею насекомых. Но противники у меня были настолько малы, что мои сокрушающие удары редко достигали цели. Что было делать? Я опять сел на тюфяк и стал колотить вокруг себя куда попало, как это делают во время уборки, когда выбивают из цыновок пыль. Кузнечики с перепугу начали скакать, да и взмахами подушки их подбрасывало вверх, и они то прыгали мне на плечи, то на голову и даже вцеплялись в кончик носа. Тех, что запутались у меня в волосах, подушкой бить не годилось, поэтому я хватал их и давил изо всей силы руками.

Особенно досадно было то, что при всем моем старании большинство ударов приходилось по москитной сетке, а она только пружинила – и больше никакого толку, недобитые кузнечики так и оставались в сетке. Мало-помалу, минут этак через тридцать, кузнечики были уничтожены. Тогда я принес метелку и вышвырнул вон их трупы.

– Что такое? – спросил прибежавший на шум служитель.

– Я тоже спрашиваю: что это такое? Где это видано: разводить кузнечиков в постели? Болваны! – ругался я.

Служитель стал оправдываться.

– Я ничего не знаю, – говорил он.

Думает, сказал «не знаю», так и все тут? Нет! Метелку я выбросил на веранду, и перепуганный служитель принес ее обратно.

Я велел немедленно вызвать трех представителей от школьников, живших в общежитии. Явилось шесть человек. Ну пусть шесть человек, пусть хоть десять, все равно! Я, как был в ночном халате, засучив рукава, приступил к переговорам. – Что это такое? Зачем мне в постель насовали кузнечиков?

– А что это за кузнечики? – спросил мальчишка, стоявший впереди всех.

Они были возмутительно спокойны. В этой школе, видно, не только директор, но и все, даже школьники, изъясняются как-то уклончиво.

– Не знаешь, что такое кузнечик? Не знаешь? Так я тебе покажу! – сказал я, но, к сожалению, сам до этого вымел из комнаты всех кузнечиков. Тогда я позвал служителя и приказал ему:

– Принеси-ка тех кузнечиков!

– Я их уже выбросил в мусорную яму. Пойти подобрать? – спросил он.

– Ладно, сбегай поживее и принеси. Служитель опрометью выбежал из комнаты и вскоре на листке писчей бумаги принес штук десять.

– Простите, пожалуйста, – сказал он, – но уже ночь, темно, и я больше не нашел. Завтра, как рассветет, схожу еще поищу.

Здесь даже служитель и тот дурак! Я показал одного кузнечика ребятам и сказал:

– Вот это кузнечик! Такие верзилы, а кузнечика не знаете! Куда это годится?

Тогда круглолицый, стоявший первым слева, нахально заявил:

– Это? Это саранча.

– Дурень! Не умеешь даже кузнечика от саранчи отличить! Саранча это или кузнечики – все равно, но почему подсунули их мне в постель? Когда-нибудь я просил пускать ко мне кузнечиков?

– Никто и не пускал!

– А если не пускали, то как они оказались в постели? – Видите ли, саранча любит тепло, и вполне естественно, что она сама решила к вам забраться.

– Глупости! Кузнечики сами решили забраться? А обычно кузнечиков приглашают, что ли? Ну, вот что, почему вы такую штуку выкинули? Отвечайте!

– А что отвечать-то? Никто их вам в постель не совал.

Скверные мальчишки! Уж если не хватает духу сознаться в том, что натворили, лучше бы не затевали ничего. Прямых улик против них нет, вот и норовят прикинуться незнайками, – на это у них хватает наглости!Я ведь и сам немало проказничал, когда учился в средней школе. Но если опрашивали, «то это сделал, – я никогда не трусил и не увиливал в сторону. Сделал так сделал, а не делал так не делал, – и все тут. Сколько я ни шалил, какие бы проделки ни устраивал, я всегда был честным. А лгать и стараться ускользнуть от наказания – это уже не просто шалость. Проказы и наказания нераздельны. Знаешь, что существуют наказания, вот и

проказничаешь с легкой душой. Но где это видано, чтобы такие подлецы и пользовались успехом у окружающих? Набедокурить они всегда готовы, а отвечать – тут их нет! Вот из таких и набираются те, что, например, берут деньги в долг, а отдавать – так извините! Зачем они вообще пошли учиться? Занимаются только тем, что врут, обманывают, потихоньку, за спиной других, делают всякие мелкие пакости, и в конце концов если закончат школу, то будут ходить с самодовольным видом и морочить людей – мол, мы образованные! А на деле невежественнее простых солдат!

Мне стало тошно продолжать разговор с этими балбесами, головы которых набиты только всякими пакостными мыслями.

– Если вы так ничего и не скажете, то и толковать с вами не о чем. Очень жаль, что вы хоть и посещаете школу, а хорошего от плохого отличить не можете, – сказал я и выставил всех шестерых.

Сам я и по выражениям, которые употребляю, и особенно по своим манерам вряд ли мог служить образцом «хорошего», но душа у меня, полагаю, куда лучше, чем у них.

Все шестеро преспокойно удалились. И внешне-то они держались гораздо лучше, чем я, их учитель. Самое возмутительное, что они были совершенно спокойны, а у меня не хватало на это выдержки.

Я опять залез в постель – и только улегся, как под москитной сеткой вновь послышалось шуршанье. Это возились недобитые кузнечики. Я зажег свечу, но палить кузнечиков по одному было бы слишком канительно. Я отцепил крючки москитной сетки, вытянул ее во всю длину и посреди комнаты хорошенько встряхнул сначала вдоль, потом поперек. При этом кольца сетки так больно ударили меня по рукам, что я даже вскрикнул.Когда в третий раз я забрался в постель, то уже немного успокоился, но заснуть так и не мог. Я взглянул на часы, было половина одиннадцатого. Подумать только, в какое беспокойное место я приехал! Собственно говоря, куда бы ни пошел работать учитель средней школы вроде меня, везде его ждет горькая участь, если ему придется иметь дело с такими учениками. Учителей всегда сколько угодно. Наверно потому, что все они терпеливые ослы. А я не в состоянии этого вынести.

Размышляя обо всем этом, я вспомнил Киё. Ни образования, ни общественного положения у этой старушки, а какой она на редкость благородный человек! До сих пор я как-то не испытывал особого чувства благодарности за ее заботы обо мне и лишь теперь, один в далеком краю, я впервые по-настоящему оценил ее сердечность. Если она хочет этигоских тянучек, то теперь я готов был специально ехать за ними хоть в Этиго. Это стоило сделать. Киё расхваливала меня за бескорыстие, за то, что- у меня прямая, честная душа, но сама она была человеком несравнимо более достойным, чем я, которого она так превозносила. Мне вдруг почему-то захотелось повидать Киё.

Я лежал, ворочаясь с боку на бок, и думал о Киё, как вдруг над моей головой раздался такой грохот, будто рушился второй этаж. Человек, наверно, тридцать – сорок там, наверху, топали в такт по деревянному полу – топ-топ-топ! Топанье сопровождалось громкими и воинственными криками. В изумлении я вскочил на ноги. Что там случилось? Но тут.же сообразил, что это скандалят школьники и что они устроили весь этот тарарам в отместку за то, что я отчитал их за кузнечиков. Все ясно!

Ну, ладно, пока сами не сознаются, что поступили скверно, – прощения им не будет. А что скверно, они, надо полагать, сами хорошо знают. На их месте самое правильное было, ложась спать, обдумать, что они натворили, а завтра утром прийти извиниться. Допустим, у них не хватает смелости просить прощения, но могли бы хоть лежать тихо. А тут такой шум и гам! Ведь общежитие выстроили не для того, чтоб здесь свинарник устраивать! Они там, наверно, ведут себя, как помешанные. Ну, смотрите вы у меня! И я как был, в ночном белье, выскочил из

своей дежурки и в три прыжка взлетел по лестнице на второй этаж. Удивительно! Вот только что над моейголовой стучали и буянили, в этом нет никакого сомнения, – и вдруг все совершенно стихло; ни голосов, ни топота – все прекратилось. Просто чудеса! Лампа уже погашена, в темноте ничего нельзя разобрать, и есть тут кто или нет, об этом можно только догадываться. В длинном коридоре, тянувшемся через все здание, даже мыши негде было спрятаться. Его дальний конец был освещен луной.

Пожалуй, все это очень странно, но в детском возрасте я часто во сне вскакивал с постели, бормотал какой-то вздор, и надо мной частенько смеялись. Когда мне было лет шестнадцать, мне однажды приснилось, что я нашел бриллиант, и, проснувшись утром, я стал настойчиво требовать, чтобы брат, который спал рядом со мной, сказал, куда девался мой бриллиант.

Дня три после все надо мной смеялись, зато я сам чувствовал себя совсем не весело. А может быть, то, что сейчас происходит, тоже сон?… Однако совершенно ясно, что здесь действительно творилось какое-то буйство. Пока я раздумывал обо всем этом, посередине коридора, в его дальнем конце, освещенном луной, вдруг раздалось: «Раз… два… три! У-у-у!!!» Этот вой прозвучал так громко, что казалось – его испускали разом тридцать или сорок глоток. За воем сразу же послышался прежний ритмический топот. Ну нет, это уже не сон, это наяву!

– Тише вы! Ведь ночь кругом! – стараясь пересилить шум, закричал я и бросился вперед. Под ногами ничего не видно, только там, вдали, полоска лунного света. Я не пробежал и пяти метров, как налетел коленом на что-то большое и твердое да так больно ударился, что даже в голове зазвенело. С глухим стуком я растянулся на полу. А, черт побери! Поднявшись, я почувствовал, что не могу бежать дальше. Духом-то я рвался вперед, да нога не пускала. Сгоряча я поскакал было на одной ноге, но топот и голоса затихли, и наступила полная тишина. Бывают же наглецы, однако таких еще я не видел! Настоящие скоты! Ну, ладно, раз так, не отступлюсь, пока не вытащу всех этих попрятавшихся мерзавцев и не заставлю их просить прощения, решил я и попробовал открыть одну из спален, – дверь не открывалась. Заперто на замок, что ли?… Или стол изнутри придвинут?… Нажал на дверь раз, нажал другой – не поддается. Тогда я попытался войти в комнату напротив. То же самое – не открывается!Пока я суетился у двери с намерением добраться до мальчишек, на другом конце коридора вновь раздались боевые крики и послышалось мерное топанье. Я понял, что эти прохвосты сговорились поиздеваться надо мной и согласованно действуют с двух сторон. Я совсем растерялся. Нужно б честно сознаться: при всей моей смелости смекалки у меня не хватало. В ту минуту я совершенно не мог сообразить, что предпринять дальше. Я не знал, как быть, но ни в коем случае не собирался сдаваться. Оставить все так? Нет, это затрагивает мою честь! Обидно, если будут говорить, что эдокко растерялся. Скажут, что вот, мол, во время ночного дежурства его задразнили сопливые мальчишки, он не в состоянии был с ними справиться и с досады всю ночь проплакал в постели. Это же позор на всю жизнь! А ведь мой предок был хатамото [19] и происходил от Сэйва Гэндзи, потомка Тада-но-Мандзю. Так что я и по своему происхождению отличался от этих неотесанных. Жаль только, что вот разума у меня было маловато. Я попал в трудное положение, потому что не знал, как поступить лучше. Но разве тот, кто оказался в затруднении, побежден? Я прямой человек, поэтому я и не знал, как мне быть. Сами посудите: если честность не приносит победы, тогда что же другое побеждает? Ну ладно! Не добьюсь своего ночью, добьюсь завтра утром. Не завтра, так послезавтра. А если и послезавтра ничего не выйдет, буду посылать домой за завтраками и останусь здесь до победы!

Приняв столь твердое решение, я уселся на полу посреди коридора, скрестив ноги, и стал ждать, пока рассветет. С жужжанием летали москиты, но я и внимания на них не обращал. Я потер ушибленную ногу и почувствовал что-то липкое. Должно быть, кровь. Ну и пусть, экая важность!

Тем временем меня стала одолевать усталость, я начал клевать носом и в конце концов заснул.

Меня разбудил какой-то шум, и, открыв глаза, я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Ах ты черт побери! Дверь справа была полуоткрыта, и передо мной стояли двое ребят. Опомнившись, я моментально схватил за ногу мальчишку, стоявшего перед самым моим носом, и изовсей силы потянул к себе, тот сразу грохнулся навзничь. Поделом тебе! Второй растерялся. Воспользовавшись замешательством, я налетел на него и, схватив за плечо, раза два-три так его тряхнул, что он совсем ошалел и только хлопал глазами.

– А ну, пошли! – Потащил я их к себе в дежурную; и эти трусы с готовностью поплелись за мной.

Кругом уже, оказывается, давно рассвело.

Я начал чинить допрос тем двум, которых привел с собой, но свинью хоть бей, хоть колоти, она все равно свиньей останется; так и они, видимо, решили от всего отпираться и ни в чем не сознавались. Пока я с ними возился, со второго этажа, по одному, по два, стали спускаться и другие ученики, все они сходились сюда, в дежурную. Лица у всех сонные, глаза припухшие. Хилые создания! Одну ночь не поспали, и вот уже с какими рожами! Разве скажешь, что это мужчины?

– Хоть бы умылись, а потом приходили спорить, – сказал я; но никто из них умываться не пошел.

Я уже около часу препирался со своими противниками, которых собралось человек пятнадцать, как вдруг совершенно неожиданно появился «Барсук». Потом я узнал, что служитель специально сбегал к директору и сообщил ему, что в школе происходят беспорядки. Стоило из-за такого пустяка директора вызывать, что за малодушиг! Потому-то он и работает только школьным служителем.

Директор попросил коротко рассказать о случившемся, потом послушал немного, что говорят ученики.

– Пока не будет дальнейших распоряжений, – сказал он им, – ступайте на занятия, как ходили до сих пор. Скорее умывайтесь да завтракайте, а то опоздаете на уроки. Поторапливайтесь! – И он отпустил их всех. Мягкие меры! Будь я директором, я бы тут же, не сходя с места, исключил из школы всех учеников, которые жили в этом общежитии. Ну, а при таком попустительстве школьники так и будут издеваться над ночными дежурными.

Затем директор обратился ко мне:

– Вы, должно быть, тоже поволновались и, наверно, утомлены. Не стоит вам сегодня идти на занятия.

– Я нисколько не волновался! – ответил я. – Если бы то же самое случалось со мной каждую ночь, я и тогда бы не стал волноваться! Я буду сегодня вести занятия. Если я не смогу работать из-за того, что одну ночь не поспал,тогда нужно вернуть школе часть жалованья, которое мне заплатили.

Директор о чем-то задумался и некоторое время внимательно смотрел на меня, потом заметил:

– У вас все лицо распухло.

В самом деле? То-то мне показалось, что лицо как будто отяжелело и чешется. А, понял! Это москиты меня так искусали.

– Ну что ж, что лицо распухло, языком-то я владею, значит ничто не мешает мне вести занятия, – почесывал щеку, ответил я.

Директор, смеясь, похвалил меня:

– Ну и молодец!

Но, по правде говоря, это, кажется, была не похвала, а скорее насмешка.

Глава 5

– Поедешь рыбу ловить? – спросил меня однажды «Красная рубашка».

«Красная рубашка» – это тот самый преподаватель с неприятным тонким голосом. Никак не поймешь – мужчина это или женщина. У мужчины и голос должен быть мужской. Тем более у человека с университетским образованием. У меня и то вон какой голос, а я всего лишь училище окончил, кандидату же словесности так пищать, как он, совсем неприлично.

– Что ж, можно… – не очень охотно ответил я. Тогда он невежливо спросил:

– А вообще-то тебе случалось когда-нибудь рыбу ловить?

– Да не то чтобы очень часто, но, помню, в детстве я как-то выудил трех карасей в цурэбори [20]. Потом еще на базаре, на улице Кагурадзака, во время праздника Биссямон [21], – там я поймал карпа почти в четверть метра длиной, но только подумал: «Вот это здорово!» – как он сорвался с крючка и был таков; и сейчас вспомнишь – жалко становится!«Красная рубашка» расхохотался, выдвигая вперед подбородок. Так-то он был бы ничего, если б не этот противный смех.

– Ты, наверное, не понимаешь, в чем прелесть рыбной ловли! Хочешь, могу тебя в этом деле немного просветить? – самодовольно предложил он.

А кому нужно такое «просвещение»? В самом деле, только бессердечные люди могут ловить рыбу и охотиться. Но человеку с сердцем какая радость убивать живое? И рыба и птица хотят жить и не хотят, чтобы их убивали. Я понимаю, если нет иных средств к существованию, тогда другое дело, но когда человек, имея всего вдоволь, не может спать спокойно, потому что не убивает, – это уж просто излишнее баловство. Так думал я, но ничего не сказал. Ведь мой собеседник – кандидат словесности и говорить мастер, поэтому я решил, что вступать с ним в спор бесполезно. Тогда «Красная рубашка» вообразил, что убедил меня.

– Так я тебя немедленно обучу! – сказал он. – Если ты свободен, давай сегодня вместе и поедем. Нас только двое – я и Ёсикава, но вдвоем скучно; поедем с нами, – усердно уговаривал он меня.

Ёсикава – это был учитель рисования, тот самый, которого я прозвал «Нодайко» [22]. Этот Нода (буду его так называть), не знаю, из каких соображений, дневал и ночевал у «Красной рубашки» и всюду за ним таскался. Однако они совсем не были товарищами. В их отношениях больше было похожего на барина и слугу. Если «Красная рубашка» куда-нибудь отправлялся, Нода тоже непременно шел с ним; не удивительно, что так было и на этот раз. Вот и поехали бы себе вдвоем, и зачем нужно было приглашать такого неловкого в компании человека, как я? Наверно, «Красной рубашке» захотелось похвастаться своим искусством в излюбленном занятии – рыбной ловле; конечно, для этого он и заманивал меня. Но как раз я-то и не подходил для того, чтобы передо мной этим хвастаться. Ну поймает он двух-трех тунцов, ну и что? Я тоже человек, и хоть не мастер рыбу ловить, но если заброшу удочку, наверно что-нибудь да поймаю. Не ехать нельзя! Ведь это «Красная рубашка»! Обязательно скажет: не еду оттого, что не умею удить, а непотому, что мне это противно. Я прикинул все это в уме и ответил:

– Ладно, поедем.

После школы я забежал сначала домой, собрал все, что нужно было взять с собой, потом пошел на станцию, дождался там «Красную рубашку» и Нода, и мы отправились на берег.

Лодочник был один; лодка узкая и длинная, – в Токио на взморье я таких не видел. Заглянув в лодку, я не увидел там ни одной удочки и спросил Нода:

– Как же вы собираетесь ловить? Разве можно удить без удилищ? На что он, поглаживая подбородок, ответил авторитетным тоном знатока:

– При ловле на море удилища не нужны, достаточно лески.

Раз он меня так осадил, я предпочел молчать и больше ни о чем не спрашивать.

Лодочник греб не спеша, но очень умело, и когда я оглянулся, мы уже отъехали настолько, что берег виднелся далеко-далеко. Над лесом, как стрелка, торчала пятиярусная башня храма Кохакудзи. Навстречу нам выплывал покрытый зеленью остров. Говорили, что он необитаем. Присмотревшись, я заметил, что там были только скалы да сосны. Действительно, если, кроме скал да сосен, ничего.нет, как же там жить? «Красная рубашка» сказал, что это вид, которым можно бесконечно любоваться.

– Прелестный пейзаж! – в тон ему подхватил Нода. Я не разбирался, прелестный ли там пейзаж, или нет,

но на душе у меня было очень хорошо. Какая это благодать, когда на просторе моря тебя обдувает морским ветром! Только ужасно хотелось есть.

– Взгляни-ка на ту сосну, как стройна! А крона – словно зонт раскрытый, совсем как на картине Тернера [23], не правда ли? – обратился «Красная рубашка» к Нода.

И тот с понимающим видом сейчас же сказал:

– Совершенный Тернер! Таких изгибов больше нигде не увидишь! Ну в точности Тернер!

Я не знал, что такое «Тернер», но решил лучше не спрашивать и молчал.

Лодка плавно обогнула остров слева. Волн совсем небыло. Даже не верилось, что это море, такая была гладь! Это благодаря «Красной рубашке» я испытывал такое удовольствие. «Хорошо бы высадиться на том острове, подняться наверх и посмотреть, что там», – подумал я и спросил:

– А может ли лодка причалить вон к тому скалистому берегу?…

Но «Красная рубашка» возразил:

– Причалить-то можно, но рыбу с берега не ловят. Я замолчал. Потом Нода высказал никому не нужное

предложение:

– Слушай-ка, профессор! – обратился он к своему приятелю. – А не назвать ли нам этот остров островом Тернера?

– Что ж, это недурно, – одобрил «Красная рубашка», – отныне мы так и будем его называть.

Если в это «мы» он включал и меня, то напрасно. По мне, достаточно было просто «зеленого острова».

– А на той скале посадить бы мадонну Рафаэля! Вот это получилась бы картина, а? – заявил Нода.

Но «Красная рубашка» с противным смешком заметил:

– Давай-ка не будем говорить о мадонне! Хотя… – добавил он, покосившись на меня, – тут никого нет, так что не беда! – и опять захихикал, нарочно отвернувшись в сторону.

Мне стало как-то не по себе. Мадонна или коданна [24], меня это не касается, пусть себе водружают там кого им заблагорассудится, но они говорили об этом с таким видом, что мне, мол, все равно непонятно, и наплевать, если я и слышу их разговор. Подлая игра! И этот Нода еще твердит, что он тоже эдокко! Я подумал, что мадонна – это, вероятнее всего, прозвище какой-нибудь гейши, с которой «Красная рубашка» близко знаком. Если они собираются любоваться этой хорошо знакомой гейшей, усадив ее под сосной на необитаемом острове, пусть их! Пусть Нода напишет с нее картину хоть масляными красками и потом отправит эту картину на выставку, мне-то какое дело!

– Здесь, наверное, в самый раз? – и лодочник, остановив лодку, бросил якорь. – Какая тут глубина? – спросил «Красная рубашка».

– Да метров тринадцать, – ответил лодочник.

– Тринадцать… Да, таи [25] привередливая рыба! – И с этими словами «Красная рубашка» забросил леску в море. Казалось, он собирается поймать короля всех таи. Куда там герой!

– Ничего, с таким умением, как у профессора, и таи наши будут! К тому же и ветра нет, – льстиво отозвался Нода и тоже размотал и забросил леску. На конце лески почему-то болтался только кусочек свинца, вроде гирьки. А где же поплавок? Удить без поплавка – все равно что мерить температуру без градусника. Мне казалось, что это совершенно невозможно. Но тут я услышал:

– И ты тоже закинь, там есть еще леска.

– Лески сколько угодно, но поплавка-то нет, – ответил я.

– Это только дилетанты не умеют удить без поплавка. Вот смотри: этот конец лески уйдет на дно, а ты здесь, у борта лодки, придерживаешь леску указательным пальцем и чувствуешь малейшее шевеление, – как только рыба клюнет, ты сразу же узнаешь. Вот как раз!… – И мой учитель, поспешно перебирая руками, стал тянуть лесу.

«Что-то поймал», – подумал я. Но он ничего не поймал, только наживка исчезла. Так ему и надо!

– Ах, какая досада! – сказал Нода, обращаясь к старшему преподавателю. – Не иначе, это была большая рыбина! Ну, уж если у тебя сорвалось, значит нам сегодня нужно быть начеку! А хоть и сорвалась, так что ж… По крайней мере это лучше, чем сидеть, как те дураки, уставившись на поплавок, будто играя с ним в «кто первый рассмеется». На велосипеде без тормоза не поедешь, так и тут… – Нода молол явную чепуху.

«Закинуть, что ли? – подумал я. – Я ведь тоже человек, не отдано же все море на откуп одному только старшему преподавателю. Вон какая ширь! Попадется и мне хоть одна макрель». Я размахнулся и с плеском забросил леску в воду, затем подсунул под нее кончик пальца.

Вскоре я почувствовал, что леску начало дергать. Я стал соображать. Это рыба, конечно рыба! Неживое не стало бы так дергать. Вот здорово! Поймал! Я стал с силой тянуть к себе леску, перехватывая ее руками. – Ишь ты, никак поймал? А юноша-то, оказывается, многообещающий! – язвительно заметил Нода.

В воде уже оставалось только метра полтора лески, не больше. С лодки было видно, как небольшая полосатая рыбка металась в воде из стороны в сторону и, повинуясь движениям моей руки, всплывала наверх. Интересно! На поверхности она с плеском взметнулась и обдала мне все лицо морской водой. Наконец, я схватил ее и хотел вынуть крючок, но он никак не вынимался. Рука, которой я держал рыбу, скользила; это было очень неприятно. Мне надоела вся эта канитель. Я взмахнул леской, стукнул рыбу о борт лодки, и она сразу же околела. «Красная рубашка» и Нода с изумлением смотрели на меня. Я ополоснул руки в море, потом понюхал их, они еще пахли сырой рыбой. Хватит с меня, не хочу больше дотрагиваться до рыбы, даже если бы еще что-нибудь выудил. И рыбе тоже, наверное, не хочется, чтобы до нее дотрагивались. Я смотал леску.

– Почин сделал, молодец, но это горуки [26], – опять съязвил Нода.

– Ты говоришь: «горуки», – это звучит, как фамилия русского писателя, – скаламбурил «Красная рубашка».

– И верно! Точь-в-точь как фамилия русского писателя, – немедленно согласился Нода.

У «Красной рубашки» была скверная привычка: какое бы имя ему ни попалось, он сейчас же начинал сравнивать его с изображаемым катаканой [27] именем какого-нибудь иностранца. Каждый человек в чем-нибудь да специалист. Для такого, как я, учителя математики, что горуки, что маруки – все едино! Где ж мне разобраться!… Совести у них нет! Называли бы лучше имена, которые и мне известны.

«Красная рубашка» иногда приносил с собой в школу какой-то литературный журнал в яркокрасной обложке, кажется «Тэйкоку бунгаку», и читал его с явным удовольствием. Я как-то спросил «Дикообраза», и он рассказал мне, что всю эту катакану «Красная рубашка» вычитывает из этого журнала. Значит, и «Тэйкоку бунгаку» был грешен тем же.Потом «Красная рубашка» и Нода с большим рвением принялись удить рыбу и примерно за час вдвоем выловили штук пятнадцать мелочи. Забавно, рыба ловилась и ловилась, и все только горуки! А таи, как ни старались рыбаки, так и не попадалась.

– Сегодня большой успех русской литературы, – заметил «Красная рубашка», обращаясь к Нода.

– Все благодаря вашему уменью… а потому и мне-то ничего другого не попадает. Это уж само собой! – ответил Нода.

По словам лодочника, эта мелкая рыбешка неприятна на вкус и очень костлява, поэтому совсем несъедобна. «Она идет только на удобрение», – сказал он. Значит, «Красная рубашка» с Нода наловили только «удобрение»! Незавидный успех!

Мне было достаточно одной пойманной рыбы, я уже давно лежал на дне лодки и смотрел в небо. Это было куда приятнее, чем удить.

Тем временем мои спутники начали потихоньку о чем-то шептаться. Мне было плохо слышно, о чем они там говорили, да и слушать их не хотелось. Глядя в небо, я думал о Киё. Эх, были бы деньги, взял бы Киё да поехал погулять с ней вот в такое красивое место. Сколько было бы радости! А в обществе таких, как Нода, и самый красивый уголок природы не радует. Киё – сморщенная старушка, но с ней не стыдно где угодно показаться. Зато вот с такими, как Нода, везде нехорошо. Если бы старшим преподавателем был я, а «Красная рубашка» был на моем месте, Нода, разумеется, совершенно так же заискивал и лебезил бы передо мной и насмехался над ним. Говорят – эдокко все лицемерны. И в самом деле, если такие люди, как Нода, живя в провинции, всегда и всюду твердят: «я эдокко», конечно провинциалы будут считать, что лицемерие свойственно эдокко и что все эдокко лицемерны. Размышляя об этом, я вдруг услышал, как мои спутники захихикали. Смех перемежался с разговором, но до меня долетали только отдельные слова, так что сути я не мог уловить.

– Да ну? Неужели так?… – Абсолютно… не знаю, так что… наказать! – Едва ли… кузнечиков… честное слово!

Хотя я и не прислушивался к чужому разговору, но, когда услышал сказанное Нода слово «кузнечики», то невольно насторожился. Нода для чего-то особенно под-черкнул именно слово «кузнечики», как будто хотел, чтобы оно отчетливо дошло до моего слуха, после чего нарочно понизил голос. Я не двигался и продолжал слушать.

– Опять этот Хотта… Да, пожалуй, что… – Тэмпура… ха-ха-ха… – подговаривает… – и рисовые лепешки тоже?

Все это были какие-то обрывки фраз, но стоило только сопоставить такие слова, как «кузнечики», «тэмпура», «рисовые лепешки», как стало совершенно ясно, что они сплетничали обо мне. Говорить, так говорили бы во всеуслышание. А если шушукаться, то незачем было уговаривать меня ехать вместе! Отвратительные люди! Ну, кузнечики, ну, топали, – но ведь это же не моя вина. Раз директор сказал: «Оставим пока что…», – я ради него и сдерживался все время. А этот Нода разводит тут критику. Заткнулся бы лучше! Что касается моих дел, то рано или поздно я сам в них разберусь. Это меня не задело. Но меня взволновали сказанные им слова: «опять этот Хотта…» и «подговаривает». Что это? Я не мог понять, значило ли это, что Хотта подговаривал меня поднять скандал, или что Хотта подзуживал школьников, чтобы они меня изводили?

Пока я смотрел на голубое небо, яркий день постепенно стал меркнуть, потянул

прохладный ветерок. Облака, напоминавшие тонкий дымок от курительных свеч, медленно тянулись в прозрачной глубине неба, потом они незаметно растворились в этой глубине, и осталась только легкая дымка.

– Не пора ли домой? – как бы спохватившись, сказал «Красная рубашка».

И Нода мигом откликнулся:

– Да, как раз самое время! У тебя сегодня вечером свиданье с Мадонной?

– Не болтай глупости, – оборвал его «Красная рубашка», – а то еще будут потом недоразумения!… – и, переменив позу, он сел выпрямившись.

– Эка важность, – засмеялся Нода, – даже если и услышит!… – и он обернулся в мою сторону.

Я в упор пристально посмотрел на него. Нода заметно смутился и, втянув шею, почесал затылок: сдаюсь, мол. До чего развязный тип!

По спокойной глади моря лодка направилась к берегу. – Тебе, кажется, не очень-то понравилось ловить рыбу? – спросил меня «Красная рубашка»,

– Да, лежать и смотреть в небо приятнее, – ответил я и бросил в море недокуренную папиросу; папироска зашипела, покачалась на волне, поднятой веслами, и ее унесло.

– Все очень рады, что ты приехал, даже ученики, так что ты старайся. – Он завел теперь разговор на тему, не имевшую никакого отношения к рыбной ловле.

– Вряд ли они уж очень рады…

– Нет, верно; это я тебе не комплименты говорю. Страшно рады. Правда ведь, Ёсикава?

– Да где там рады! Вон какой шум подняли… – сказал Нода со смешком.

Странно, каждое его слово меня раздражало.

– Но ты неосторожен, вот это рискованно, – добавил «Красная рубашка».

– Ну и пусть рискованно! Если на то пошло, я готов и на риск.

В самом деле, я так и полагал, что в конце концов или меня уволят со службы, или всех поголовно школьников, которые живут в общежитии, заставят извиниться, но на чем-нибудь все-таки да порешат.

– Вообще-то и говорить было бы не о чем, но, видишь ли, я, как старший преподаватель, право же, забочусь о твоих интересах, потому и говорю. Боюсь только, что ты неправильно истолкуешь…

– Старший преподаватель искренне расположен к тебе! И я со своей стороны, поскольку я ведь тоже эдок-ко, всей душой желаю, чтоб ты как можно дольше работал в школе. Я надеюсь, мы будем поддерживать друг друга. И если понадобится, я отдам все силы… – принялся болтать Нода.

Лучше удавиться, чем дойти до того, чтобы Нода обо мне заботился!

– Так вот, ученики от всей души приветствовали твое появление в школе, – продолжал «Красная рубашка», – но имеются кое-какие обстоятельства… Может быть, ты даже рассердишься, но пойми, что нужно смириться и быть терпеливым. Я ведь ни в коем случае не хочу тебе зла.

– Кое-какие обстоятельства?… Что ж это за обстоятельства?

– Это несколько запутанно, однако со временем тыпоймешь. Я не стану рассказывать тебе, ты и сам постепенно разберешься. Верно, Ёсикава?

– Да, это очень и очень запутанное дело. Сразу тут нипочем не разобраться. Но постепенно поймешь. Я рассказывать не буду, сам поймешь. – Нода попросту повторил слова «Красной рубашки».

– Если все действительно так сложно, мне лучше, может быть, не расспрашивать; но раз вы сами заговорили, то я хочу знать.

– Твоя правда! Раз уж мы начали разговор, оборвать его «а этом было бы слишком безответственно. Я вот что скажу: ты меня извини, но ты только что окончил училище, и эта работа – твой первый преподавательский опыт. А в школах очень сильны личные взаимоотношения, и так просто, по-школьнически, дело не идет…

– Если просто не идет, то как же оно пойдет?

– Эх, опыта у тебя еще мало, а все потому, что ты такой прямой!

– У меня и не может быть большого опыта, и в автобиографии я писал, что мне двадцать три года и четыре месяца.

– Вот и бывает, что попадают под чье-нибудь плохое влияние.

– Честному человеку никакое влияние не страшно.

– Разумеется, не страшно… конечно, не страшно, но ведь попадают же… В самом деле, вот, например, твой предшественник – с ним так и получилось, потому-то я и говорю: нужно быть осторожным!

Заметив, что Нода притих, я оглянулся: оказывается, он незаметно перебрался на корму и там завел с лодочником разговор о рыбной ловле. Без Нода разговаривать стало легче.

– Мой предшественник… – под чье же влияние он попал?

– Назвать я тебе его не могу, будет задета репутация этого человека. К тому же точных доказательств нет; скажешь – и сам сядешь в лужу. Но, как бы там ни было, ты специально приехал сюда и если здесь потерпишь неудачу, то и для тебя будет плохо и нам нехорошо: зачем было тебя приглашать? Так что будь, пожалуйста, поосторожнее!

– Вы говорите: «Будь поосторожнее»! От этогоосторожности не прибавится. Лучше просто не делать ничего плохого.

«Красная рубашка» расхохотался. По-моему, я не сказал ничего такого, чтобы смеяться надо мной. До сих пор я был твердо уверен, что я прав. А посмотришь – оказывается, большая часть людей как раз поощряет плохие поступки. Повидимому, считают, что безгрешным путем не добьешься успеха в жизни. И когда случайно попадается им честный, чистый человек, то его называют «мальчуганом», «мальчишкой» и относятся к нему с пренебрежением. Так для чего же и в начальной школе и в средней школе преподаватели морали учат ребят: «Не лгите! Поступайте честно!»? Уж лучше бы тогда смело и открыто обучали искусству лгать или уменью не верить людям, сноровке надувать других, – от этого по крайней мере было бы больше пользы и для общества и для отдельных людей.

Вот и «Красная рубашка» расхохотался, – ясно, что потешался над моей простотой. Что будешь делать в такой среде, где простота и прямодушие вызывают смех! Киё в таких случаях никогда не смеялась. Она всегда восхищалась этим. Да, насколько Киё благороднее «Красной рубашки»…

– Конечно, лучше не делать ничего плохого, но если даже сам плохого не делаешь, а дурных поступков других не понимаешь, то все равно рано или поздно попадешь в беду. Видишь ли, есть ведь такие люди, они кажутся искренними и откровенными, они любезно устроят тебя на квартиру к хозяевам, но с ними нужно быть настороже… Что-то совсем холодно стало! Вот уже и осень. Смотри, из-за тумана берег кажется коричневатым. Какой красивый вид! Эй, Ёсикава! – повысив голос, окликнул он Нода. – Посмотри, как тебе нравится тот берег?

– В самом деле, удивительно красиво! Если будет время, обязательно напишу этюд, прямо жалко так оставить, – начал болтать Нода.

Когда в окне второго этажа гостиницы «Минатоя» зажегся огонек и в вечерней тишине прозвучал гудок поезда, наша лодка со скрипом врезалась в прибрежный песок и остановилась. Хозяйка гостиницы, стоя у воды, приветствовала «Красную рубашку»:

– С возвращением вас!

– Гоп! – воскликнул я и соскочил с лодки на берег.

Глава 6

Я терпеть не мог Нода. Привязать бы этому негодяю па шею большой камень, что кладут вместо груза в бочку с квашеной редькой, да утопить в море, – для всей Японии было бы лучше. А у «Красной рубашки» был противный голос. Он, видно, из кожи лез, только бы его тонкий голос звучал помягче. Напрасное занятие, все равно с такой рожей это ни к чему! Если и влюбятся в него, то разве только кто-нибудь вроде той Мадонны.

Старший преподаватель говорил более запутанно, чем Нода. Вернувшись домой, я перебрал в уме слово за словом то, что слышал от него, и мне все это показалось правдоподобным. Ничего определенного он не сказал, и трудно было догадаться, в чем дело, но ясно одно: «Дико-образ» скверный человек, и меня, видимо, предупреждали – «остерегайся!» Так надо бы и сказать об этом прямо, а то поступают, как бабы! «Дикообраз» плохой учитель? Тогда пусть его уволят скорее, и дело с концом. Этот старший преподаватель просто-напросто малодушный человек, хоть и кандидат словесности. Злословит за глаза, а открыто и имени не назовет. Трус он, вот что! А трусы всегда любезны, потому, наверно, и «Красная рубашка» так чисто по-жеиски любезен. Однако любезность любезностью, а голос голосом, и странно было бы пренебрегать его добрым отношением только потому, что мне не нравится его голос. Удивительная все-таки вещь жизнь: субъект, который тебе неприятен, относится к тебе сердечно, а приятель, который пришелся по душе, вдруг оказывается негодяем и издевается над тобой. Видно, одно дело Токио, а другое – провинция, – здесь все наоборот. Ну и местечко! Пожалуй, окажется, что тут и огонь замерзает и камни в творог превращаются!

Но какая нелепость – подстрекать учеников!… Что-то не похоже на «Дикообраза»! Тем более что он, говорят, пользуется большим авторитетом у ребят. Пожелай он что-нибудь сделать, ему, наверное, удалось бы это очень легко; если б он не действовал такими обходными путями, а затеял со мной ссору в открытую, он был бы избавлен от лишней канители. Раз я ему помеха, чего бы проще – взять и сказать: так, мол, и так, ты мне мешаешь, давай-ка увольняйся отсюда! Все можно уладить по взаимному соглашению. Если «Красная рубашка» гово-рит правду, я хоть завтра уволюсь. Не только здесь прокормиться можно. Уеду в другое место, там тоже не подохну под забором. А «Дикообраз», значит, такой человек, что с ним не очень-то поговоришь!…

Когда я приехал сюда, он первым делом угостил меня водой со льдом. Но от такого двуличного человека даже стакан холодной воды принять и то позор. Я выпил только стакан, значит это стоило ему всего одну сэну и пять рин [28]. Однако чувствовать себя в долгу у такого проходимца хоть на одну сэну, хоть на пять рин – значит до конца жизни мучить себя. Завтра, как приду в школу, верну ему эти деньги. Когда-то я взял у Киё три иены. С тех пор прошло пять лет, а я и сейчас все еще не вернул ей эти три иены. Не то, чтобы я не мог отдать, но так просто не отдал. Киё, конечно, и не ждала, что я скоро верну долг, и вообще она нисколько не рассчитывала на мой кошелек. А я отнюдь не чувствовал себя должником, как в том случае, если б одолжил деньги у чужого человека. Беспокоиться об этом долге было бы равносильно тому, что я сомневаюсь в душевных качествах Киё, в ее прекрасной душе. Я не вернул этих денег, но это совсем не значит, что я отношусь к Киё с презрением, – нет, просто я считаю ее своим человеком. Разумеется, невозможно сравнивать Киё и «Дикообраза», но все равно, раз молча принимаешь от другого какое-нибудь одолжение, будь это лимонад или вода со льдом, – значит, ты считаешь его за порядочного человека и сам по-дружески к нему расположен. Одно дело, когда можно заплатить, что причитается с тебя, и на том все кончить, и другое – признательность, которую хранишь в душе, – она дороже, ее за деньги не купить! Я простой

человек, без чинов и званий, но вполне самостоятельный и ни от кого не завишу. А если независимый человек склоняет перед кем-нибудь голову, то такая благодарность должна цениться дороже, чем миллион.

Я заставил «Дикообраза» потратить на меня одну сэну и пять рин, при этом своей признательностью, хранимой в душе, я сделал ему ответный подарок, дороже всяких денег. Так что «Дикообраз» должен быть мне благодарен. А он исподтишка делает подлости, – следователь-но, он последний негодяй. Завтра же, как приду, отдам ему эти деньги – и все, мы с ним квиты! Тогда можно будет и ссору затеять.

Пока я мысленно дошел до этого места, мне захотелось спать, и я крепко уснул. На следующий день я пришел в школу раньше обычного, так как мне нужно было еще кое-что обдумать, и стал дожидаться там «Дикооб-раза». Но его все не было и не было. Пришел «Тыква». Пришел и преподаватель классической китайской литературы. Пришел Нода. Наконец, пришел «Красная рубашка», а «Дикообраза» все еще не было. Я думал: «Вот как только войду в учительскую, сразу же и отдам», – поэтому, еще выходя из дому, зажал в кулаке (вроде как плату за ванну) одну сэну и пять рин, да так до самой школы и нес их. У меня вспотела ладонь, и когда я разжал руку, монетки были мокрыми. Вернешь ему эти потные деньги, а он, поди, еще что-нибудь окажет, подумал я и, положив на стол деньги, подул на них, а потом снова зажал в кулаке.

Тут подошел «Красная рубашка».

– Добрый день, – сказал он. – Ну как? Наверно, устал вчера?

– Да нет, не устал, только проголодался. «Красная рубашка» облокотился о стол «Дикообраза»

и приблизил вплотную к моему лицу свою физиономию так, что я даже подумал: «Чего это он?…»

– То, что я тебе говорил тогда, в лодке на обратном пути, держи в полном секрете! – сказал «Красная рубашка». – Ты ведь никому еще об этом не рассказывал?

Даже его бабий голос выдавал, что он встревожен. Конечно, я никому еще не рассказывал, но как раз теперь собирался об этом поговорить и деньги приготовил, уже в кулаке их держал, и его запрещение ставило меня в тупик. «Красная рубашка» – это «Красная рубашка»! Имени «Дикообраза» он прямо не называл, но по его намекам легко было догадаться, кого он имел в виду, – вот теперь и боится, что его намеки разгадали. Уж такой безответственности нельзя было ожидать от старшего преподавателя! По существу говоря, когда началось бы мое сражение с «Дикообразом», ему следовало бы в самый разгар перепалки вмешаться в спор и открыто стать на мою сторону.Когда я сказал, что пока еще никому ничего не говорил, но что как раз теперь собираюсь потолковать с «Ди-кообразом», старший преподаватель в большом замешательстве забормотал:

– Ну к чему тебе делать такую нелепость?… Не помню, чтоб я насчет Хотта говорил что-нибудь такое определенное… и если ты устроишь скандал, то мне будет крайне неудобно. Неужели ты пришел в школу шум поднимать?

Это был прямо-таки бессмысленный вопрос, и я только заметил:

– И жалованье получать и шум поднимать – разумеется, для школы это неприятно.

Но тут «Красная рубашка», вытирая пот с лица, просительно сказал:

– Знаешь, пусть вчерашний разговор останется только для твоего сведения, и никому, смотри, не проговорись!

Раз уж он меня так попросил, то я пообещал:

– Хорошо, мне и самому-то не очень хотелось; а если это к тому же поставит вас в неловкое положение, – ладно, не буду говорить.

– Ну, а ты не беспокойся, все будет в порядке, – уверял он меня.

Трудно даже представить себе, до чего он во всем был похож на женщину! Если все кандидаты словесности такие, как он, значит всем им грош цена. Совершенно спокойно обращается с такой бестолковой и лишенной всякой логики просьбой! Причем мне он не доверяет. И такой человек думает, что он мужчина!

В это время подошел кто-то из преподавателей, и «Красная рубашка» поспешно вернулся на свое место.

У «Красной рубашки» и походка была не как у всех людей, даже по комнате он ступал как-то бесшумно, мягко. Я теперь только заметил, что он особенно щеголяет своей бесшумной походкой. Но вряд ли он собирался заняться воровским промыслом, так что лучше бы ходил, как все люди.

Прозвучала труба, оповещающая о начале занятий. «Дикообраз» так и не пришел. Делать нечего, я положил свои монетки на стол и пошел в класс.

Я немного задержался на первом уроке, и, когда вер-нулся в учительскую, преподаватели все уже были в сборе и переговаривались, сидя за своими столами. «Дико-образ», оказывается, тоже появился. Я думал, что он не придет на занятия, а он только опоздал. Увидев меня, он сразу же объявил:

– Это из-за тебя я сегодня опоздал. Плати-ка штраф. Я взял лежавшие на столе одну сэну и пять рин.

– Вот, возьми! Это за ту воду со льдом: помнишь, ты меня угощал как-то на улице, – сказал я и положил деньги перед «Дикообразом».

– Что ты такое говоришь? – засмеялся он, но, вопреки его ожиданию, я был серьезен.

Тогда он сказал:

– Не валяй дурака! – и перебросил деньги на мой стол.

Вот тебе и на! «Дикообраз», а до чего гордый!

– Я не дурака валяю, а дело говорю! Незачем мне пить твою воду, так что вот – отдаю тебе деньги! Попробуй не возьми!

– Лучше взять, раз тебя так беспокоят эти гроши. Но почему ты вспомнил об этом, почему ты возвращаешь деньги именно теперь?

– Теперь или в другое время – все равно. Мне противно принимать угощение, потому и отдаю.

«Дикообраз» холодно взглянул на меня и сказал:

– Гм…

Кабы не «Красная рубашка», я здесь же разоблачил бы всю подлость этого человека и крупно поссорился бы с ним, но я обещал молчать и был связан в своих действиях. Но почему же «Дикообраз» густо покраснел, а сказал только «гм»?… Наверно, не зря это?

– Деньги за воду со льдом я взял. Ну, а ты съезжай с квартиры.

– Получил сэну и пять рин? И хорошо! А съезжать мне с квартиры или не съезжать – мое дело.

– Нет, это не твое дело. Вчера твой хозяин приходил ко мне и говорил, что он хочет от тебя избавиться; я послушал его доводы и понял, что он прав. Но все-таки, желая проверить его слова, я сегодня утром зашел к тебе домой и там, на месте, выслушал подробный рассказ обо всем.

Я не мог взять в толк, о чем говорит «Дикообраз». – Почем я знаю, что-тебе наговорил хозяин? Он чтоугодно может сказать. Ты расскажи, в чем дело, с этого и начинай. А то так вот сразу выпалил: «Хозяин прав!» Что за грубость такая!…

– Ну что ж, расскажу, коли так. Ты, оказывается, скандалишь, и тебя совершенно

невозможно терпеть в доме. Понимать нужно: хозяйка – это тебе не служанка, а ты, знай себе, ноги выставляешь, чтоб их обтирали. Чересчур зазнался!

– Я?… Да когда же это я заставлял хозяйку себе ноги вытирать?

– Заставлял или нет – не знаю, но во всяком случае ты для них в тягость. И хозяин сказал, чтобы ты отдал ему десять иен за квартиру и пятнадцать за какэмоно, что он тебе продал, и сразу же выкатывался оттуда.

– Негодяй и наглый лгун!… Так почему же он держал меня у себя?

– Почему держал? А я не знаю, почему, – ну держал и держал, а теперь ему это осточертело, вот он и говорит: съезжай с квартиры! И ты убирайся оттуда.

– Что за вопрос! И просить будут, не останусь! Собственно говоря, ты ведь сам рекомендовал меня в этот дом, где теперь на меня поклеп взводят. Тоже хорош! Нахал!

– Это я нахал? Ты, видно, вести себя не умеешь, вот что!

«Дикообраз» был вспыльчив не меньше, чем я, и, не желая уступать, громко выкрикнул эти слова. Вся компания, находившаяся в учительской, решила, что что-то стряслось, все разом обернулись в нашу сторону и застыли, вытянув шеи от изумления. Я не считал, что сделал что-нибудь постыдное, и, вставая, мельком окинул их взглядом. Все были поражены этой сценой, один только Нода смеялся и, видимо, с удовольствием. Я угрожающе посмотрел на него, и под моим пристальным взглядом Нода сразу как-то обмяк и принял серьезный и почтительный вид. Мне показалось, что он немного струхнул. В это время прозвучала труба на урок, и «Дикообраз» и я разошлись по своим классам.

После полудня должно было состояться заседание. Предполагалось обсудить, как поступать со школьниками из общежития, которые вели себя дерзко во время моего дежурства ночью. Я впервые в жизни шел на заседание и совсем не понимал, что к чему; я думал, что заседа-ние – это когда преподаватели высказывают каждый свое мнение, а потом директор разбирается во всех этих мнениях. Однако «разбираться» – говорят о таком деле, где трудно решить, кто прав, кто виноват. В данном же случае каждому понятно, что заседать по такому поводу – значит попусту тратить время. И, как там ни толкуй, ничего другого не выдумаешь. Все ясно. И лучше бы директор там же на месте с этим делом и покончил. Уж очень он действует вяло. Вот говорят – «директор», а судить по его делам, так это просто олицетворение нерешительности.

Заседание происходило рядом с директорским кабинетом, в узкой длинной комнате, которая в обычное время служила буфетом. Вокруг длинного стола стояло штук двадцать стульев, обитых черной кожей, что делало помещение слегка похожим на европейский ресторан. На одном конце этого стола сидел директор, рядом с ним пристроился «Красная рубашка». Дальше, говорят, рассаживались кто где хотел, только учитель гимнастики всегда скромно садился с самого краю. Я не знал, где выбрать место, и уселся между учителем естествознания и учителем китайской литературы. Я увидел, что напротив меня сидели рядом Вода и «Дикообраз». Все-таки противная физиономия у этого Нода! И настолько значительнее лицо у «Дикообраза» (хоть я и поссорился с ним). Когда хоронили моего отца, я видел в храме Ёгэн-дзи какэмоно с изображением, очень похожим на «Дикообраза». Монахи говорили, что это чудище Идатэн [29]. Сегодня «Дикообраз» был сердитый, водил кругом глазами и время от времени косился в мою сторону. Я в свою очередь тоже зло посматривал на него – мол, не запугаешь! У меня глаза некрасивые, но большие, редко у кого такие встретишь. Киё частенько говорила: «С такими глазами ты вполне можешь стать актером».

– Ну, наверно, все уже в сборе? – сказал директор.

Тогда секретарь Кавамура пересчитал всех присутствующих. Одного не хватало. Так и следовало ожидать: это «Тыква» не пришел.

Не знаю, может быть между мной и «Тыквой» была какая-нибудь, как говорят,

предопределенная судьбой связь, но с тех пор, как я в первый раз увидел его лицо,я никак не мог его забыть. Когда я входил в учительскую, мне прежде всего бросался в глаза «Тыква»; шел я по улице – мне всегда мерещился учитель «Тыква»; когда я приходил на горячие источники, то и там, в бассейне, иногда видел его бледное одутловатое лицо. Здороваясь со мной, он всегда как-то смущенно опускал голову, и мне становилось его жалко. Во всей школе не было человека более тихого, чем он. Смеялся он редко. Попусту не говорил. Из книг я знал выражение «благородный человек», однако думал, что это встречается только в словарях, а живых людей таких не бывает, – и лишь после того, как я встретился с «Тыквой», эти слова получили для меня живое воплощение.

Благодаря такому внутреннему тяготению я, едва лишь вошел в комнату заседания, сразу заметил, что «Тыквы» здесь не было. А я, по правде говоря, хотел сесть рядом с ним.

– Наверно, скоро появится, – заметил директор и, развязав лежавший перед ним сверток из лилового шелка, стал читать какие-то листки бумаги, отпечатанные на гектографе.

«Красная рубашка» принялся шелковым носовым платком протирать янтарную трубку – это было его любимое занятие, вероятно оно подходило к его красной рубашке. Остальные тихонько разговаривали и, не зная, чем заняться, писали на поверхности стола неизвестно что резинками, вделанными в концы карандашей. Нода время от времени заговаривал с «Дикообразом», но тот, не поддерживая разговора, произносил только «гм» да «угу», а иногда, сделав страшные глаза, поглядывал в мою сторону. Я тоже не уступал и отвечал ему сердитыми взглядами.

В это время с огорченным видом появился долгожданный «Тыква» и, вежливо поклонившись «Барсуку», извинился:

– Я был немножко занят и запоздал…

– Итак, открываем заседание, – объявил «Барсук» и передал секретарю Кавамура отпечатанные на гектографе листки, чтобы он роздал их присутствующим.

Первым пунктом стоял вопрос о дисциплине школьников, и затем еще два-три других вопроса. Со свойственной ему величавостью «Барсук», как бы являвший живое воплощение педагогики, изложил суть дела. – И преподаватели и ученики нашей школы допускают различные ошибки и промахи, – начал он. – Все это происходит по моей неосмотрительности. Поэтому каждый раз, когда что-нибудь случается, я, как директор, в душе всегда испытываю сильное смущение. К несчастью, в школе снова произошли беспорядки; и должен сказать, что я опять глубоко виноват перед вами, господа! Однако что произошло, то произошло, ничего не поделаешь, но нам необходимо принять какие-то меры. Что касается фактов, то они вам, господа, уже известны, поэтому я прошу вас откровенно высказать здесь ваши соображения относительно мероприятий по улучшению создавшегося положения.

Я слушал его выступление и восхищался: ай да директор! ай да «Барсук»! Выходит, что он берет на себя всю ответственность и объявляет, что это не то его собственная вина, не то результат его собственной халатности; а раз так, то нечего и наказывать школьников. Пожалуй, он начнет с того, что сам себя уволит! Но тогда зачем было созывать это канительное заседание? Все и так понятно, если руководствоваться просто здравым смыслом. Я тихо и мирно дежурил. Ребята стали хулиганить. Ни директор школы не виноват, ни я. Виноваты одни школьники. Если «Дикообраз» их к этому подстрекал, значит нужно выгнать вон и этих школьников и «Дикообраза», и все будет в порядке. Взвалил на себя чужую вину и твердит: «моя вина», «моя вина»! Где еще найдешь такого ловкача, как он? Нет, на этакий трюк, кроме «Барсука», никто не способен!

Высказав свои столь нелогичные соображения, директор с каким-то самодовольством обвел всех глазами. Никто не раскрыл рта. Учитель естествознания уставился на ворону, которая села

на крышу над первым классом. Учитель китайской литературы то складывал, то разворачивал повестку дня. «Дикообраз» попрежнему неприязненно посматривал на меня.

Знал бы, что заседание – такая чушь, ни за что не пошел бы, хоть поспал бы днем!

Раздосадованный, я решил поговорить здесь как следует и уже было приподнялся с места, как о чем-то заговорил «Красная рубашка», и я пока воздержался.

«Красная рубашка» отложил в сторону свою трубку и говорил, вытирая лицо полосатым шелковым носовымплатком. Наверно, выманил этот платок у своей Мадонны. Мужчины всегда пользуются белыми полотняными платками.

– Я слышал о безобразных выходках школьников из общежития и признаю, что я, как старший преподаватель, тоже виноват в том, что не досмотрел; и мне очень стыдно, что я не оказывал постоянное моральное воздействие на молодежь, – говорил он. – Таким образом, случай, о котором здесь идет речь, произошел из-за некоторых упущений. Если рассматривать этот инцидент сам по себе, то странно – получается, что у нас только ученики плохие; однако если разобраться поглубже, в самой сути дела, то мы увидим, что как раз наоборот, – вся ответственность за этот случай лежит скорее на школе, а не на учениках. И мне думается, что применение строгого наказания на основании одних лишь внешних проявлений вряд ли принесет пользу в будущем. К тому же ведь это все горячность молодости, – у молодежи энергия переливается через край, поэтому не исключено, что и свои проделки они совершают наполовину бессознательно, не задумываясь над тем, что хорошо и что плохо. Разумеется, какие нужно применить меры – решает директор, так что мне не приходится вмешиваться в этот вопрос, но я прошу учесть все эти обстоятельства и отнестись к ученикам по возможности снисходительно.

Вот уж действительно, «Барсук» – это «Барсук», но и «Красная рубашка» – это «Красная рубашка»: так во всеуслышание и объявил, что если школьники буянят – значит не школьники виноваты, а учителя. Словом, ежели сумасшедший трахнет человека по голове – это значит, что тот, кого трахнули, – плохой, потому, мол, сумасшедший и ударил его. Спасибо за такое удовольствие! Коли у этих ребят энергия через край бьет, шли бы на спортивную площадку да и занимались там борьбой. А кто это должен терпеть, когда ему в постель – «наполовину бессознательно» – кузнечиков напустят? Этак, если они тебе во сне шею свернут – ведь это тоже будет «наполовину бессознательно», значит все равно их нужно отпустить с миром?

Размышляя таким образом, я было подумал, не выступить ли и мне?… Но выступать, так нужно выступить красноречиво – так, чтобы всех удивить. А я если начинал говорить, когда злился, то обязательно на втором либо на третьем слове спотыкался – и конец! Взять хоть «Барсу-ка» или «Красную рубашку»: ведь каждый из «их как человек хуже меня, но поговорить – на это они мастера! А тут начнешь да еще запутаешься – радости мало! «Попробую-ка в уме составить в общих чертах план», – подумал я и принялся про себя сочинять фразы. Но тут, к моему удивлению, неожиданно поднялся сидевший против меня Нода. Шут-то шут, а разговор повел весьма развязно!

– Поистине недавний инцидент с кузнечиками и боевыми криками является прискорбным событием, которое вызвало у всех нас, преподавателей, вдумчиво относящихся к школьной жизни, тайные опасения относительно дальнейшего будущего нашей школы, – по обыкновению, скороговоркой начал Нода. – Все мы, преподаватели, должны теперь особенно внимательно оглянуться на самих себя, а также должны строгими мерами укреплять дисциплину во всей школе. Поэтому я полагаю, что предложения директора и старшего преподавателя, которые мы здесь слышали, являются вполне уместными и касаются самой сути дела; я целиком и полностью с ними согласен и прошу, чтобы меры наказания были бы как можно мягче.

В речи Нода были только слова, а смысла не было; к тому же из-за книжных выражений,

которыми он все время сыпал, вообще ничего нельзя было понять. Единственное, что я уловил из его выступления, – это что он «целиком и полностью согласен».

Что говорил Нода, я не понял, но почему-то ужасно разозлился и встал, так и не составив себе никакого плана.

– А я целиком и полностью против… – начал я, и вдруг меня застопорило. Потом я еще добавил: – Такие несуразные меры мне абсолютно не нравятся!… – И тут все присутствующие дружно расхохотались. – Ученики все поголовно виноваты! Их обязательно нужно заставить извиниться, а не то это войдет у них в привычку. Хоть из школы исключайте, им наплевать!… – Еще я сказал: – Что за хамство! Решили, что раз учитель – новичок… – И сел на место.

Тогда Естествознание, сидевшее справа от меня, робко произнесло:

– Виноваты-то ученики виноваты, но слишком строго наказывать их не следует. Это, наверно, вызовет обратную реакцию. Я, в соответствии с тем, что излагал здесь старший преподаватель, тоже за снисхождение.Сидевшая слева от меня Китайская литература в плавных выражениях сообщила, что она тоже – за. История также сказала, что она одного мнения со старшим преподавателем. Проклятые! Почти все они принадлежат к партии «Красной рубашки». И если такая компания будет верховодить в школе, то остается только махнуть на все рукой. Я решил, что одно из двух: или ученики вынуждены будут извиниться передо мной, или я уйду из школы; и если «Красная рубашка» одержит верх, то я немедленно иду домой укладывать вещи.

Во всяком случае, одолеть эту шайку своим красноречием мне явно не удалось!

Проситься к ним в компанию – это уж слуга покорный! А когда меня в этой школе не будет, не все ли мне равно, что тут случится? Скажи еще что-нибудь – они, конечно, опять захохочут. Нет уж, хватит с меня! И я сидел с видом полного безразличия ко всему происходившему.

В это время «Дикообраз», который до сих пор молча слушал, решительно поднялся с места. Негодяй! Тоже, поди, будет выражать свою солидарность с «Красной рубашкой»! Ну и пусть себе говорит сколько угодно, с ним-то я во всяком случае разругался.

«Дикообраз» заговорил голосом, от которого, казалось, задрожали оконные стекла:

– Что касается меня, то я совершенно не согласен с мнением старшего преподавателя и прочих выступавших. Инцидент, о котором идет речь, с какой точки зрения па него ни смотри, состоит в том, что пятьдесят школьников из общежития, издеваясь над новым учителем, хотели сделать его посмешищем; ничего другого в их поступках усмотреть невозможно. Причину этого старший преподаватель хочет, как мне кажется, отнести за счет личных качеств данного учителя! Простите, но я думаю, что он, наверно, просто обмолвился. Этот учитель был назначен на ночное дежурство вскоре после его приезда, и с того момента, как он впервые соприкоснулся со школьниками, прошло менее двадцати дней. За этот короткий двадцатидневный срок ученики не имели возможности оценить его как образованного человека.

Если бы имелись существенные причины для насмешек и учитель принимал бы эти насмешки, тогда, может быть, нашлись бы еще основания для более снисходитель-ного отношения к поведению учеников, но прощать таких легкомысленных школьников, которые просто издеваются над новым учителем, – это, я полагаю, подрывает авторитет школы. Я считаю, что педагогический дух заключается не только в том, чтобы обучать школьников наукам, но и в том, чтобы прививать им благородные, честные, добрые стремления и в то же время изживать у них дурные наклонности. Если и сегодня говорят о полумерах, опасаясь обратной реакции и усиления беспорядков, то вообще неизвестно – удастся ли когда-нибудь исправить эти вредные привычки. А ведь мы все работаем в школе именно для того, чтобы искоренять подобные привычки у наших учеников. Если же упускать это обстоятельство из

виду, то, по-моему, лучше с самого начала не идти в учителя.

Так вот, я считаю, что всех школьников из общежития нужно строго наказать и, кроме того, заставить их публично принести свои извинения в присутствии учителя, по отношению к которому они так вели себя. Вот что я понимаю как надлежащие меры! – Этими словами он закончил свое выступление и шумно опустился на прежнее место.

Все молчали. «Красная рубашка» снова принялся протирать свою трубку. А я почему-то очень обрадовался. Получилось так, что все, что я хотел сказать, все полностью за меня высказал «Дикообраз»! Я такой бесхитростный человек, что сразу же начисто позабыл о недавней ссоре и с искренне благодарным лицом обернулся к «Дикообразу», но «Дикообраз» сделал вид, будто ничего не замечает. Немного погодя он снова поднялся.

– Да, я забыл тут сказать. В тот вечер дежурный преподаватель ушел с дежурства и отправился, кажется, на горячие источники. Это недопустимо. Коль скоро человек принял на себя обязанность присматривать за школьным помещением, то воспользоваться тем, что его некому упрекнуть, и уйти принимать ванну – это серьезный проступок. Школьники школьниками, а по поводу этого случая, я надеюсь, директор особо укажет лицу, на котором лежала ответственность за помещение школы.

Странный тип! Только что, казалось, похвалил, и тут же сразу выставляет напоказ твою оплошность! Конечно, я пошел на источники без всякого умысла, – просто язнал, что прежние дежурные уходили, и думал, что здесь это в порядке вещей. Но теперь, когда меня так отчитали, я понял, что и в самом деле виноват. Ничего не скажешь – получил по заслугам! И я еще раз встал и сказал:

– Это верно, я во время дежурства уходил на горячие источники. Это очень нехорошо. Извините! – и снова сел.

Все снова расхохотались. Что ни скажу – они все равно смеются. Ну и люди! А вы-то сами могли бы так решительно при всех признать свою вину? Нет, не могли бы! Вот потому, наверно, и смеетесь.

Потом директор школы сказал:

– По всей вероятности, других мнений нет, так что я хорошо все обдумаю и приму меры.

Кстати, расскажу здесь и о результатах этого заседания: школьников из общежития на неделю посадили под домашний арест, и, кроме того, они передо мной извинились. Если бы они не извинились, я хотел тогда же уволиться и вернуться в Токио. Однако все вышло так, как я рассказываю, и из-за этого в конце концов получилась ужасная история.

Но об этом дальше, а в этот момент директор объявил, что заседание продолжается, и сказал:

– Что касается нравов наших учеников, то они должны совершенствоваться под облагораживающим воздействием учителей. И для начала желательно, чтобы учителя по возможности не посещали ресторанов и тому подобных заведений. Впрочем, могут быть и исключения – ну, если устраивается, скажем, обед по случаю чьих-либо проводов; но я прошу не ходить поодиночке в не очень-то первосортные места, например в закусочные, где торгуют гречневой лапшой или рисовыми лепешками…

Едва он это произнес, как все опять засмеялись. Нода, взглянув на «Дикообраза», сказал: «Тэмпура!» – и подмигнул ему, но «Дикообраз» не обратил на него внимания. И поделом!

Голова моя работала плохо, и я не очень-то понял, что говорил «Барсук», но когда он сказал, что учителю средней школы не годится ходить в закусочные с гречневой лапшой и тому подобным, я подумал, что для любителя поесть, вроде меня, это просто немыслимо. Раз так, пусть бы с самого начала выбирали да нанимали себеучителя, который бы не любил гречневую лапшу! А то, ничего не сказав, сперва объявили приказ о зачислении, а потом говорят о том, что

лапшу есть нельзя и рисовые лепешки тоже. Это серьезный удар для таких, как я, у кого нет других удовольствий.

В это время снова заговорил «Красная рубашка»:

– Учителя средней школы с давних пор занимают подобающее им место в высших слоях общества, поэтому они не должны стремиться к одним только чувственным наслаждениям. Это в конечном счете оказывает дурное влияние на характер. Однако человек есть человек, и очень трудно жить в провинции, в тесном городишке, где нет никаких развлечений. Следовательно, необходимо найти для себя какие-нибудь возвышенные, интеллектуальные радости – например, ходить на рыбную ловлю, или читать художественную литературу, либо сочинять стихи…

Молчал, молчал – и вдруг его прорвало! Ну, знаете, ежели выезжать в море удить «удобрения», повторять: «Горький – русский писатель», усаживать свою любимую гейшу под сосной да сочинять стихи про то, как «лягушка прыгнула в старый пруд» [30], – если это возвышенные радости, тогда глотать тэмпура и есть рисовые лепешки – тоже возвышенно! Чем поучать других, лучше хоть выстирал бы свою красную рубашку! Я не выдержал и крикнул ему:

– А свидания с Мадонной – это что? Тоже интеллектуальное развлечение?

На этот раз никто не засмеялся, только все удивленно переглянулись. А «Красная рубашка» потупился с удрученным видом. Я им покажу! Они у меня еще узнают!

Единственный, кому я сочувствовал, это был «Тыква». Когда я сказал о Мадонне, бледное лицо его побледнело еще больше.

Глава 7

В тот же вечер я съехал с квартиры. Когда, вернувшись домой, я принялся укладывать свои вещи, хозяйка спросила:

– Разве вам было здесь не совсем удобно? Может быть, вас что-нибудь раздражает, вы скажите, – мы все уладим!

Я очень удивился. Почему это на моем жизненном пути попадаются все вот такие бестолковые люди? Не то уезжай, не то оставайся – не поймешь, что им надо. Совсем с ума посходили. С такими даже ругаться не стоит, это ниже достоинства эдокко. Я привел рикшу и сразу же покинул этот дом.

С квартиры-то я съехал, а вот куда деваться, не знал.

Рикша спросил:

– Куда ехать?

– Ты молчи и поезжай за мной, а я пока соображу, – сказал я и быстро зашагал вперед.

Проще всего было отправиться пока что в гостиницу «Ямасироя», но оттуда все равно пришлось бы уезжать, так что по сути это только лишняя проволочка. Похожу по городу, авось попадется на глаза какой-нибудь дом с вывеской «Пансион» или что-нибудь в этом роде. Куда судьба приведет, там и сниму себе комнату.

Бродя по тихим, уютным кварталам, я попал в конце концов на улицу Кадзиямати. На этой улице располагались дворянские дома, а гостиниц и пансионов не было. Я уже было подумал, что нужно вернуться куда-нибудь в более оживленные кварталы, как вдруг счастливая мысль пришла мне на ум. Я вспомнил, что на этой улице живет дорогой моему сердцу учитель «Тыква». Он был местный уроженец, имел собственный дом, перешедший к нему от его предков, и, конечно, должен был хорошо знать все, что делается по соседству от него. Наверно, он сможет посоветовать мне, где поселиться. К счастью, я однажды заходил к нему, так что примерно представлял себе, куда идти, и мне не пришлось долго разыскивать его дом. «Кажется, здесь», – и, наудачу, подойдя к двери, я спросил:

– Простите, пожалуйста! Можно?…

Из дома вышла пожилая женщина лет пятидесяти, держа в руке старинный светильник. К молодым женщинам я тоже не испытываю неприязни, но когда вижу пожилых, у меня становится как-то очень хорошо на душе. Может быть, это оттого, что я был так привязан к Киё и мне казалось, что ее душа переселяется во всех старух. Эта женщина со вдовьей прической очень походила на самого «Тыкву», видимо это была его матушка. – Ах, заходите, пожалуйста, – сказала она.

– Да мне бы только на минутку, повидать…

Она позвала хозяина дома, и когда тот вышел, я рассказал ему о своих делах и спросил:

– Не знаете, нет ли где-нибудь подходящего жилья для меня?

– Да-а, вам, должно быть, нелегко… – заметил «Тыква»; подумав, он сказал: – У стариков Хагино, здесь рядом, в переулке, найдется, где поселиться. Их всего двое, и они даже как-то обращались ко мне с просьбой: «У нас, мол, есть свободная комната, и чем ей зря пустовать, порекомендовали бы какого-нибудь надежного человека. Мы смогли бы сдать». Не знаю, правда, как сейчас, сдают они или нет… А лучше всего пойдемте-ка вместе да спросим! – И он пошел со мной.

В тот же вечер я поселился у Хагино, сняв у них комнату со столом. Но самое удивительное: едва я выехал от Икагина, как на следующий же день Нода с полным спокойствием занял там мою комнату. Это даже меня поразило. Кажется, кругом одни только

прохвосты, и каждый готов надуть другого. Как это отвратительно!

Раз мир так устроен, то пропаду я в конце концов со своей прямолинейностью, если не стану поступать, как все. Выходит, что с ворами и сам воруй, а не то будешь жить впроголодь. Ну, а если честно не проживешь, стоит ли тогда и жить-то?… Эх, чем поступать в училище и зубрить там математику и прочие бесполезные вещи, лучше бы мне на те шестьсот иен открыть молочную лавку. Открыл бы я лавку, тогда и Киё была бы со мной неразлучно и мне не пришлось бы жить в далеких краях н беспокоиться, что там с моей бабушкой! Пока мы были с ней вместе, я этого не замечал, и только когда заехал в эту глушь, понял, какой Киё добрый человек. Женщин с таким хорошим характером редко встретишь, хоть всю Японию обойди! Когда я уезжал, бабушка была нездорова, а что с ней теперь, я не знал. Вот, наверно, обрадовалась, получив письмо, что я ей недавно послал! Однако пора бы и ответу быть, и я уже два-три дня только об этом и думал. Меня это очень травожило, и я часто спрашивал свою хозяйку, иет ли мне письма из Токио. Но она всякий раз с огорченным видом отвечала: «Нет, ничего нету».Здешние хозяева, в отличие от Икагина и его жены, были дворянского происхождения – следовательно, оба были люди благовоспитанные. Правда, старик хозяин по вечерам каким-то диким голосом читал нараспев утаи – тексты из старинных классических пьес, и это было трудно переносить, но зато он не приходил ко мне когда ему вздумается и не говорил: «заварю-ка чайку», как Ика-гин, – и это было очень отрадно. Старушка хозяйка иногда заходила ко мне в комнату и беседовала со мной на разные темы.

– А почему бы вам, знаете, не привезти сюда свою жену и не поселиться с ней вместе? – расспрашивала она.

– Да похож ли я на женатого?… К тому же мне ведь всего двадцать четыре года.

– Ну и что же, в эти годы вам вполне естественно, знаете, иметь жену, – начинала она и приводила с полдюжины различных примеров: такой-то женился в двадцать лет, а у такого-то в двадцать два года уже двое детей… и так далее. Я не знал, что и возразить.

– Так что ж, знаете, – говорил я, подделываясь под ее говор, – и я в свои двадцать четыре года тоже бы женился… Не похлопочете ли вы за меня?

– Правда? – простодушно спрашивала она.

– Истинная правда! Я ужасно хочу жениться!…

– И правильно. Все так, пока молоды. Я смущался и не мог найти, что ответить.

– А я решила, что у вас, господин учитель, уже есть молодая жена. Я ведь все время наблюдаю за вами.

– Вот оно что!… Какой острый глаз! А почему же вы стали наблюдать?

– Почему? А потому, что вы все спрашиваете: «Нет ли письма из Токио? Нет ли письма?» – и каждый день с нетерпением ждете писем. Не верно разве?

– Я просто поражен! Удивительная проницательность!

– Верно ведь? Угадала?

– Верно. Пожалуй что угадали!

– Конечно, нынешние женщины не то, что в старое время… тут зевать нельзя, лучше бы присматривать за ними…

– А что?… Вы думаете, моя жена заведет себе в Токио любовника?

– Нет, разумеется, ваша жена верна вам, но все-таки… – Уф, отлегло от сердца! Но тогда чего же за ней присматривать?

– Ваша верна, ваша-то верна, но…

– Но у кого-то не верна, да?

– Да почти что у всех здесь! Вы, господин учитель, знаете дочь этого Тояма?

– Нет, не знаю.

– Ах, еще не знаете? А она здесь первая красавица. Она, можно сказать, чересчур красива! И учителя из школы все называют ее «Мадонна, Мадонна»… Еще не слыхали?

– Гм… Мадонна? А. я-то думал, что это прозвище гейши!

– Нет, что вы! Мадонна – это иностранное слово, у иностранцев это, видно, означает «красавица».

– Вот оно что… Удивительно!

– Наверно, учитель рисования ее так прозвал.

– Кто? Нода прозвал?

– Нет, тот учитель, знаете… Ёсикава.

– Так что ж эта женщина, она изменяет?

– Да, пожалуй…

– Видно, много она беспокойства доставляет. Так ведь с давних пор известно, что если женщине дают прозвище, значит она ведет себя не так, как следует. Верно ведь?

– Верно, верно! Были же такие ужасные женщины, как о-Мацу Ведьма или о-Хяку Мегера.

– И эта Мадонна такого же сорта?

– Эта Мадонна?… Видите ли, дело в том, что учитель Кога, который вас к нам сюда рекомендовал, он, знаете, с ней помолвлен…

– Ну и чудеса! Этот «Тыква»?… Вот не думал, что он такой покоритель женских сердец! Верно, что нельзя судить о человеке по его наружности. Надо быть осторожнее!

– А в прошлом году скончался его отец. До тех пор у них и деньги были и банковские акции имелись, поэтому все шло хорошо, но потом, уж почему, не знаю, но только все пошло вкривь и вкось. Короче говоря, Кога-сан [31] слишком хороший человек, потому его и обманули. Свадьбу под каким-то предлогом отложили, а тут какраз появился этот старший преподаватель, и очень захотелось ему, говорят, отбить невесту.

– Как? Это – «Красная рубашка»? Ах мерзавец! Так я и думал, что неспроста он эту рубашку носит! Ну и дальше что?

– Кога повел переговоры через третье лицо, но Тояма все оттягивал, так как он многим был обязан Кога, и, не зная, что ответить, говорил только: «О, конечно… я хорошенько подумаю…» Тем временем «Красная рубашка» через кого-то познакомился с Тояма и, уже как знакомый, стал ходить к нему в дом и в конце концов, знаете, сблизился с его дочерью. «Красная рубашка» – это «Красная рубашка», а девица – это девица, – словом, все о них говорят плохое. Сначала она дала согласие выйти замуж за Кога, а тут явился этот кандидат словесности, и она уже меняет Кога на него! А теперь-то, знаете, это уж непростительно… (Как по-вашему?

– Конечно, непростительно! Ни теперь, ни завтра, ни послезавтра – да этого никогда простить нельзя!

– Потому-то и жалко Кога. Его товарищ, Хотта, решил пойти к старшему преподавателю и поговорить с ним по душам; но когда он пришел, тот ему заявил: «Я не намерен становиться между людьми, которые связаны помолвкой. Если помолвка будет расторгнута, тогда пожалуй… Но пока я ведь только поддерживаю знакомство с домом Тояма. В чем же я виноват перед Кога? В том, что я знаком с семейством Тояма?» Вот как он заявил! И Хотта пришлось вернуться ни с чем. Ходят слухи, что они с тех пор не ладят между собой.

– Как вы хорошо все знаете! И откуда вам известны все эти подробности? Я прямо восхищен!…

– Да тут такая теснота, здесь все кругом известно. Беда, когда слишком хорошо все знают! В таком

случае, она, вероятно, знает и о моей истории с тэмпура и с рисовыми лепешками. Беспокойное здесь место! Однако благодаря ей я узнал, кто такая Мадонна, узнал и о

взаимоотношениях между «Дикообразом» и «Красной рубашкой», – и это мне многое объяснило. Только вот что плохо: неясно, кто из них негодяй! Такому простаку, как я, пока ему не объяснят, самому не разобраться – что черное, а что белое; я и не знал, кого же из них мне держаться? – Скажите, вот «Дикообраз» и «Красная рубашка», кто из них двоих лучше?

– Какой дикообраз?…

– «Дикообраз» – это Хотта.

– Ах, вот что… Ну, если говорить, кто из них сильнее, то Хотта, видно, посильней будет; но, с другой стороны, «Красная рубашка» – кандидат словесности и человек способный… Теперь, если разбирать, кто симпатичней, то симпатичнее тоже «Красная рубашка». А вот школьники больше любят Хотта…

– Так в конце-то концов, кто ж из них лучше?…

– А в конце концов – кто больше жалованья получает, тот, наверно, и лучше!

При таком ответе дальше расспрашивать было не к чему.

Спустя два-три дня, когда я пришел из школы, вдруг, с сияющим лицом, явилась хозяйка.

– Вот оно, долгожданное! Наконец-то прибыло! – Это она принесла мне письмо. – Ну, читайте себе в удовольствие, – прибавила она и вышла.

Взяв письмо, я сразу увидел, что оно от Киё. Посмотрев наклейки, которые были на конверте, я понял, что из гостиницы «Ямасироя» письмо переслали к Икагину, а от Икагина переправили к Хагнио. При этом в «Ямасироя» оно пролежало с неделю, – раз гостиница, так хотят, чтоб хоть письма у них гостили подольше! Я вскрыл конверт и увидел, что письмо очень длинное.

«Я, как получила письмо от мальчугана, думала, что сразу же и ответ напишу, но вот беда – простудилась и неделю пролежала в постели; вот теперь только и смогла, ты уж меня прости. К тому же я, не то что теперешние девицы, читать и писать не очень-то умею, даже такими каракулями и то с большим трудом пишу. Хотела попросить племянника написать, а потом – нет, думаю, сама постараюсь, а то мне перед мальчуганом неловко будет, если я не сама ему напишу. Сначала нарочно написала черновик, а потом начисто переписала. Переписала-то я за два дня, а над самим письмом четыре дня просидела. Может, трудно тебе будет читать – неразборчиво, но только я изо всех сил старалась, и ты, пожалуйста, дочитай до конца».

Это вступление было так написано, что и в самом деле разобрать было трудно. Не только иероглифы кривые,это бы еще ничего, – Киё писала больше хираганой [32], и, хоть знаки препинания были расставлены, пришлось изрядно поломать голову, чтобы разобрать, где кончается одно слово и где начинается другое. При моем нетерпеливом характере, если бы мне кто-нибудь дал пять иен и попросил: «Прочти-ка вот это длинное неразборчивое письмо», я бы отказался, но тут я очень терпеливо прочитал все с начала до конца. Я прочитал, это верно, но потратил столько усилий на само чтение, что никак не мог уловить смысла, и пришлось перечитывать снова. В комнате стемнело, и стало еще хуже видно. Наконец, я вышел на веранду и, усевшись там, стал внимательно рассматривать письмо. Налетел осенний ветерок, пошевелил листья на банановом дереве, обвеял меня и потянул письмо за собой в сад. Последний листок бумаги зашелестел у меня в руках, – казалось, выпусти его, и он улетит вон туда, к плетню. Меня это нервировало.

«Мальчуган по натуре прямой, но только слишком вспыльчивый, и это меня беспокоит, – писала Киё.«- Надавал разных прозвищ, – смотри, восстановишь людей против себя, не нужно так делать. Уж если даешь прозвища, то об этом можно только Киё написать. Говорят, в провинции люди плохие, – будь поосторожней, не попади в беду. Погода тоже там непостоянная, не то, что в Токио, – смотри, не простудись, когда спишь. Письмо твое, мальчуган, слишком коротенькое, не понять мне, как там твои дела, уж в следующий раз

напиши мне подлиннее. Что в гостинице дал пять иен на чай – это хорошо, но не будет ли тебе потом трудно? В провинции ведь можно полагаться только на деньги, поэтому постарайся быть побережливее. С деньгами не пропадешь. Наверно, тебе не хватает на карманные расходы, вот я и посылаю переводом десять иен. А те пятьдесят иен, что ты мне дал, я думаю, пригодятся на то время, когда мальчуган вернется в Токио и будет обзаводиться своим домом, поэтому я снесла их на почту на хранение. Правда, пришлось взять оттуда эти десять иен, но сорок там еще осталось».

Вот уж действительно расчетливый народ эти женщины!Пока я, задумавшись сидел на веранде с письмом Киё в руках, старуха Хагино раздвинула фусума [33] и принесла мне ужин.

– Все еще читаете? Длинное какое письмо!

– Да-а… очень важное письмо… Я все боялся, чтоб его ветром не унесло, – невразумительно ответил я, садясь за столик ужинать.

Опять она наварила сладкого картофеля! В этом доме и относились ко мне сердечно, и обращались вежливее, чем у Икагина, и сами хозяева были люди достойные, – жаль только, что кормили здесь невкусно. И вчера был картофель, и позавчера, и сегодня тоже! Наверно, я как-нибудь обмолвился, что очень люблю сладкий картофель… Однако на одной картошке долго не протянешь! Я вот над «Тыквой» смеялся, а теперь самого скоро можно будет прозвать «Учитель Картошка». Была бы здесь Киё, она бы уж приготовила мое любимое блюдо – сасими [34] или жареную рыбу. Но что ты будешь делать, раз попал в дом к обедневшим дворянам, которые дрожат над каждым грошом? Все-таки плохо мне без Киё! Если все сложится так, что можно будет на долгое время остаться в этой школе, обязательно вызову Киё из Токио. А то что же получается? Тэмпура с гречневой лапшой не ешь, лепешки не ешь, выходит – лопай одну эту желтую сладкую картошку, которой хозяева кормят, и сам желтей! Что за горькая доля быть учителем! Даже монах секты Дзэн и тот, поди, питается роскошней, чем я!

Я съел целую тарелку картошки, потом достал из ящика стола два сырых яйца, разбил их о край чашки и тоже съел. Теперь кое-как заморил червячка. Хоть сырыми яйцами подкармливаться, а то так разве сможешь заниматься в школе двадцать один час в неделю?

В этот день из-за письма Киё я запоздал на горячие источники. Я так привык ежедневно ходить туда, что стоило не пойти один только раз, как у меня уже портилось настроение. Поеду поездом, решил я и, перекинув через плечо свое красное полотенце, отправился на станцию. Но оказалось, что поезд всего две-три минуты как ушел, – нужно было ждать следующего. Я сел на скамейку и закурил сигарету. Вдруг на перроне появился«Тыква». После того, что мне недавно о нем рассказали, я стал его еще больше жалеть. Он действительно всегда казался жалким, как будто он жил в этом мире на чужой счет, у кого-то на хлебах, и хотел только, чтоб его не трогали. Однако в этот вечер я меньше всего думал о жалости. Мне хотелось, чтобы ему удвоили жалованье и чтоб он завтра же вступил в брак с дочерью Тояма и увез ее на месяц в Токио.

– На источники едете? – спросил я. – Садитесь сюда, пожалуйста, – и я охотно уступил ему место.

Но «Тыква» смущенно ответил:

– Не надо, не беспокойтесь… – и по стеснительности, что ли, остался стоять.

– Придется ведь подождать немного, вы устанете. Пожалуйста, садитесь, – еще раз предложил я; мне так было его жаль, и хотелось, чтобы он хоть сел рядом со мною.

– А не помешаю я вам?… – сказал он, вняв, наконец, моим словам.

На свете есть и нахальные субъекты, вроде Нода, которые непременно суют свой нос куда не следует. Есть и такие, как «Дикообраз», которые носят свою башку на плечах с таким видом, будто говорят: «Трудно бы пришлось Японии без меня». Есть и типы вроде «Красной рубашки»,

которые воображают себя авторитетами по части косметики и любовных шашней. И такие, как «Барсук», который только что не говорит: «Чтобы стать, как я, нужно быть воспитанным и носить сюртук». Словом, каждый по-своему чем-нибудь да чванится. Но я еще не встречал таких тихих людей, как этот «Тыква», – до того тихих, что не слышно, есть они или нет. Правда, лицо у него одутловатое, но бросить такого на редкость хорошего человека и плениться «Красной рубашкой» – ну, знаете! Видно, эта Мадонна действительно ничего не понимающая вертихвостка! Даже из нескольких дюжин «Красных рубашек» все равно не получится один такой прекрасный муж, как Кога.

– Не больны ли вы? Что-то очень вид у вас усталый… – сказал я.

– Нет, ничего особенного, так что-то…

– Ну, тогда хорошо! А то если здоровье плохое, так и человек никуда не годится.

– А вы, кажется, очень здоровый? – Да, я хоть и тощий, но не хворый. И болезней терпеть не могу!

«Тыква» тихонько засмеялся. В этот момент у входа на перрон послышался молодой смеющийся женский голос. Я невольно обернулся. Вот это женщина! У окошечка билетной кассы стояла высокая красавица, белолицая, модно причесанная, и с ней дама лет сорока пяти – сорока шести. Я не из тех, что умеют описывать женскую красоту, поэтому я ничего не могу рассказать о внешности этой женщины, но, несомненно, это была совершеннейшая красавица! У меня возникло такое ощущение, будто я зажал в ладони изящный хрустальный шарик. Пожилая женщина была пониже ростом, но лицом они были очень похожи: наверно, мать и дочь. Совсем забыв о «Тыкве», я принялся глядеть только на эту молодую женщину. В это время «Тыква», сидевший возле меня, вдруг поднялся и потихоньку направился к ней. Я немножко удивился. «Не Мадонна ли это?» – подумал я. У билетной кассы они трое обменялись легким поклоном. От меня это было далеко, и я не мог разобрать, о чем они говорили.

Я посмотрел на станционные часы: через пять минут уже будет поезд. Скорей бы подошел, а то разговаривать мне теперь стало не с кем и ждать было скучно. Но тут еще один человек поспешно вбежал на перрон. Это был «Красная рубашка». Его развевающееся кимоно было подхвачено крепдешиновым поясом, золотая цепочка от часов, по обыкновению, болталась. Эта цепочка была фальшивая. Он, наверно, думал, что никто этого не знает, и выставлял ее напоказ, но я-то как раз знал.

На перроне «Красная рубашка» огляделся по сторонам, вежливо поклонился тем троим, что разговаривали у билетной кассы, сказал им два-три слова, потом сразу же повернулся в мою сторону и направился ко мне своей кошачьей походкой.

– А! Ты тоже на источники? Я-то спешил, боялся опоздать на поезд – оказывается, еще четыре минуты в запасе. Здешние часы, наверно, точные? – И он вынул свои золотые. – Расхождение на две минуты, – сказал он, усаживаясь возле меня; не поворачиваясь в сторону женщин, он сидел, опершись подбородком на тросточку, и глядел только перед собой.Пожилая дама по временам поглядывала на него, но молодая отвернулась в сторону. Ну конечно, это была Мадонна!

Вскоре послышался свисток паровоза, и поезд подошел к платформе. Пассажиры, толкая друг друга, бросились к вагонам. «Красная рубашка» влез в вагон первого класса. Особого шика в этом не было: до Сумита билет первого класса стоил пять сэн, второго – три сэны, так что разница всего-то в двух сэнах! Я знал это, потому что сам тоже держал в руке белый билетик первого класса. Впрочем, провинциалы ведь скупердяи, им, наверное, жалко даже лишние две сэны истратить, поэтому они больше садятся во второй класс. Вслед за «Красной рубашкой» в гот же вагон вошли Мадонна и ее мать. «Тыква» же ездил только во втором классе, это на нем как напечатано было. Он подошел к вагону, потом почему-то потоптался на месте, но, мельком

взглянув на меня, решительно вскочил в поезд. Мне вдруг опять стало очень жалко «Тыкву», и, недолго думая, я прыгнул следом за ним в тот же вагон. А удобно ли это – с билетом первого класса садиться во второй?…

На источниках я принял ванну, потом в купальном халате спустился вниз, в бассейн, где опять встретил «Тыкву». В критические минуты, как, например, это было на заседании, у меня всегда горло перехватывает и я не могу и слова вымолвить, а вообще-то я разговариваю очень бойко, и здесь, в бассейне, я пустился рассказывать «Тыкве» разные истории. Почему-то он был очень печален. Я считал, что утешить человека, когда у него нехорошо на душе, – это долг эдокко. Жаль, что «Тыква» не поддерживал этого веселого тона. Он говорил только «да»… «нет»… – да и эти-то «да» и «нет» ему как будто тяжело было произносить. И я, наконец, отстал от него.

Наверху, где принимают ванны, «Красную рубашку» я не встретил. Впрочем, это могло быть потому, что там много ванн. И в бассейне его не было. Но, хоть мы и приехали тем же поездом, необязательно в одно время встретиться в бассейне. Так что ничего особенного я в этом не усмотрел.

Когда я вышел, в небе сияла луна. Улица по обеим сторонам была обсажена ивами, и от ветвей этих ив на дорогу ложились круглые тени. Пойти разве прогуляться немножко?… Я пошел на север и, дойдя до окраины го-родка, увидел слева большие ворота; почти сразу за ними стоял буддийский храм, а справа и слева были публичные дома. Слыханное ли это дело, чтобы у самых ворот буддийского храма находились публичные дома! Я хотел было зайти, да потом подумал, что мне опять, пожалуй, достанется на заседании от «Барсука», и прошел мимо. Рядом с воротами стоял одноэтажный домик с маленькими зарешеченными окошками и темной бамбуковой шторой у входа, – это здесь я так влип тогда с рисовыми лепешками. У входа висели круглые бумажные фонари с надписями: «Суп из красных бобов с рисовыми пирожками», «Рисовые пирожки с овощами». Свет фонаря освещал ствол ивы у самого края крыши. «Поесть бы…» – подумал я, но сдержался и пошел дальше.

Как это жестоко, что не позволяют поесть рисовых лепешек, которых тебе хочется… Однако, если твоя невеста отдала свое сердце другому, это, пожалуй, еще более жестоко… «Да что там лепешки! – решил я, вспомнив «Тыкву». – Даже если дня три совсем ничего не есть – и то плакаться не стоит».

Вот уж верно, что нельзя доверять людям. Посмотришь на ее лицо – никогда и не подумаешь, что она способна на такой бесчеловечный поступок; однако на поверку выходит – человек с таким красивым лицом оказывается бессердечным, а вот Кога, похожий на водянистую белесоватую тыкву, – хорошим и благородным! Значит, нужно быть осторожнее. «Дикообраз», которого я считал честным и прямым, – по словам людей, оказывается, натравливал на меня школьников. Натравливал? Но он же заставил директора и наказать их. «Красная рубашка», вызывавший у меня неприятное ощущение чего-то скользкого, неожиданно проявил себя сердечным человеком и по-дружески намекнул, чтоб я был поосторожнее. Сердечный человек? Но он же обманул Мадонну! Обманул? Но говорят, что он не женится на Мадонне, если только Кога сам не расторгнет свою помолвку с ней. Икагин, придравшись к каким-то мелочам, выставил меня из своего дома. Он выставил? Но ведь это Нода сразу же и совершенно открыто въехал туда вместо меня. Словом, о ком ни подумай, никому верить нельзя! Написать обо всем этом Киё, вот бы удивилась! Наверно, сказала бы: «Да у них там, должно быть, одни оборотни собрались!»Характер у меня был такой, что я мало о чем беспокоился, и, что бы ни случилось, близко к сердцу не принимал. До этого времени все так оно и сходило, но за один месяц или того меньше, – в общем, с тех пор, как приехал сюда, – я вдруг с тревогой стал задумываться о жизни. Хотя я и не сталкивался еще с чем-нибудь

особенно серьезным, мне казалось, что я повзрослел уже на пять-шесть лет. Самое лучшее было бы поскорее все здесь бросить и вернуться в Токио.

Думая обо всем этом, я как-то незаметно перешел каменный мост и вышел к насыпи у реки Иодзэригава. Река – слишком громкое слово; собственно говоря, это был просто быстрый ручей шириной меньше двух метров, он протекал вдоль насыпи на протяжении примерно километра с лишним, а потом спускался к селу Аиои. В этом селе был маленький храм богини милосердия.

Оглянувшись на городок, я увидел, как при лунном свете поблескивали красные огоньки. Слышались звуки барабана, – это, разумеется, где-то в публичном доме. Ручей был мелкий, но быстрый, и неспокойная вода его все время сверкала. Я не спеша шел по насыпи и прошел, думаю, метров триста, когда заметил впереди силуэт. При свете луны я рассмотрел, что это были двое. Наверно, какие-нибудь молодые люди ходили на источники, а теперь возвращаются в село. Но песен они не пели, шли необычно тихо.

Я продолжал идти и, видимо, шел быстрей, чем они, потому что тени постепенно увеличивались. Одна из них как будто была женская. Когда я приблизился к ним на расстояние метров в двадцать, мужчина, услышав звук моих шагов, быстро обернулся. Луна светила мне в спину. «Неужели?…» – подумал я, увидев его. Мужчина и женщина снова пошли дальше. Но у меня мелькнула одна мысль, и я пустился вдогонку. Ничего не подозревая, они продолжали попрежнему не торопясь двигаться вперед. Теперь до меня отчетливо долетали их голоса. Насыпь была шириной около двух метров, так что трое людей еле-еле могли пройти рядом. Я легко нагнал их и, задев слегка рукав мужчины, обогнал его на два шага, потом, круто повернувшись на каблуках, посмотрел ему в лицо. Лунный свет падал прямо на меня, освещая все мое лицо от коротко остриженных волос до подбородка. Мужчина тихонько ахнул, но тут же отвернулся и стал торо-пить свою спутницу: «Пора домой!» И они сразу же повернули обратно в сторону городка.

Хотел ли «Красная рубашка» обмануть меня, или, смалодушничав, он не решился заговорить со мной?… Во всяком случае, в трудном положении был не только я один.

Глава 8

Из-за наговоров «Красной рубашки» после поездки на рыбную ловлю я стал с недоверием относиться к «Ди-кообразу». Когда же «Дикообраз» без всяких оснований заявил мне: «Съезжай с квартиры», я окончательно поверил, что это просто мерзавец. Однако, против моих ожиданий, на заседании «Дикообраз» горячо выступил за то, чтобы школьников крепко наказали. Тогда я задумался, – странно, черт возьми!… А когда от бабушки Хагино я узнал, что ради «Тыквы» он ходил уговаривать «Красную рубашку», я в восхищении воскликнул: «Вот здорово!» – и даже захлопал в ладоши. В общем получалось, что плохой-то, пожалуй, не «Дикообраз»… А вот «Красная рубашка» – наверно, человек бесчестный: разве он не старался придать правдоподобность шатким подозрениям и разными недомолвками вселить их в мое сознание? Я совсем было запутался в сомнениях, но тут помог случай: встретившись с «Красной рубашкой» у реки, когда он прогуливался там с Мадонной, я убедился, что он негодяй! Собственно негодяй он или еще кто, сразу не поймешь, – ясно только одно, что это скверный тип, двуличное существо. Человек – что бамбук: если не прямой, то ненадежный. С прямым человеком и подраться приятно. Но с таким, как «'Красная рубашка», с его вкрадчивостью, любезностью, с его «возвышенными интересами» и янтарной трубкой, которую он хвастливо выставляет напоказ, – с таким всегда нужно быть начеку, с ним просто так подраться нельзя. А если и подерешься, все равно это не будет настоящая, честная борьба. «Дикообраз», с которым мы, на удивление всем в учительской, препирались, перебрасывая друг другу одну сэну и пять рин, был все-таки куда лучшим товарищем, чем «Красная рубашка»! «Что за неприятный субъект!» – думал я на заседании, встречаясь с его гневными взглядами. Но потом, поразмыслив, нашел, что это все же лучше,нежели назойливый, вкрадчивый голос «Красной рубашки». Откровенно говоря, после собрания я даже подумал: «Хорошо бы помириться с «Дикообразом»… – и уже сунулся было заговорить с ним, но рн, грубиян такой, даже не ответил, только опять сверкнул на меня своими злыми глазами; ну, тогда я тоже разозлился, и все осталось, как было.

С тех пор «Дикообраз» не разговаривал со мной. Одна сэна и пять рин, которые я положил ему на стол, так на этом столе и лежали. Лежали и покрывались пылью. У меня, разумеется, рука не поднималась взять обратно деньги. «Дикообраз» тоже ни за что не хотел прикасаться к ним. Эти гроши легли между нами как барьер. Я все собирался заговорить с «Дикообразом», но не мог, а он упорно молчал. Оба мы проклинали эту сэну и пять рин. Наконец, уже стало тошно видеть их, приходя в школу.

С «Дикообразом» у нас все было порвано, но с «Красной рубашкой», напротив, я поддерживал прежние взаимоотношения. На следующий день после нашей встречи у реки Нодзэригава он первый подошел ко мне и завел разговор:

– Ну как, хорошо ли тебе на новой квартире? А не съездить ли нам снова поудить вместе русских писателей?

Меня это слегка раздражало, и я сказал:

– А ведь мы с вами встречались дважды.,, вчера вечером!

– Ах да, на станции… Ты что, всегда в это время ездишь? Не поздно ли? – заметил он.

Тут я нанес удар:

– Мы еще встретились у реки Нодзэригава!

– Нет, туда я не ходил; я принял ванну, а потом сразу обратно домой, – ответил он.

Хоть бы уж не скрытничал. Ведь на самом деле мы же встретились! Ну и лгун!… Если такой, как он, может быть старшим преподавателем в средней школе, то я, право же, гожусь в ректоры университета! С этих пор я потерял к нему всякое доверие. Но с «Красной рубашкой»,

которому я не доверял, я разговаривал, а с «Дикообразом», которым восхищался, не разговаривал. Удивительная все-таки вещь – жизнь!…

– Мне надо бы с тобой кой о чем побеседовать, – обратился ко мне однажды «Красная рубашка», – загляни ко мне домой.

«Экая досада», – подумал я, но все же не пошел на источники и часа в четыре отправился к нему.

«Красная рубашка» был неженат, но давно уже, только из-за того, что являлся старшим преподавателем, выехал из пансиона и снял себе дом с красивым подъездом. Говорили, что он платил девять иен пятьдесят сэн в месяц. Это был такой подъезд, что я подумал: «Эх, кабы я мог платить по девять с половиной иен в месяц, поселился бы я в таком доме и сразу вызвал Киё из Токио. Вот бы она обрадовалась!…»

На стук вышел младший брат «Красной рубашки». Этот младший брат занимался у меня по арифметике и алгебре, он плохо успевал да еще и бездельничал, так что учился даже хуже многих местных ребят.

Я спросил «Красную рубашку», какое у него ко мне дело. Выпуская из своей янтарной трубки вонючий табачный дым, он начал так:

– Видишь ли, с тех пор, как ты приехал, успеваемость учеников поднялась значительно выше, чем при твоем предшественнике; директор тоже очень доволен, что приобрел такого1 хорошего учителя. Словом, школа тебе доверяет, и хотелось бы, чтобы ты был поусерднее.

– Вон оно что? Поусерднее? Да ведь я и так усер: ден, больше некуда…

– Вообще-то ты неплохо работаешь и теперь. Только, знаешь, вот тот недавний разговор… Ты, смотри, о нем не забывай.

– Про того, кто хлопотал для меня комнату? Что он ненадежный человек? Этот разговор?

– Ну, не так откровенно, это уж чересчур, но… Э, ладно! Ты меня понял, так что… Короче говоря, если ты будешь и впредь стараться, то школа со своей стороны это оценит, а если обстоятельства позволят, тебе, наверно, и оплату изменят.

– А! Это насчет жалованья? По мне, и так хорошо, но, ясное дело, лучше, если б прибавили!

– На твое счастье, одного учителя как раз переводят, и таким образом… Правда, это еще не обсуждалось с директором, и я не могу, конечно, ручаться, но все же кое-какую прибавку, пожалуй, удастся получить. Припервом удобном случае я постараюсь поговорить об этом с директором.

– Большое спасибо! А кого переводят?

– Это уже известно, и я могу сказать. Это – Кога.

– Кога? Но разве он не здешний уроженец?

– Да, здешний, но по некоторым причинам… словом, это наполовину по его собственному желанию.

– Куда же он едет?

– В Нобэока, в провинцию Хюга. Он уезжает с повышением, потому что такое это, видишь ли, место…

– А кто его заменит?

– Вопрос о заместителе тоже в общем решен. За счет него-то и можно будет повысить тебе оплату.

– Вот как… Ну ладно! Впрочем, если и нельзя будет повысить, тоже не беда.

– Я во всяком случае хочу поговорить с директором. Кстати, он как будто согласен со мной. Однако имей в виду, что в дальнейшем тебе придется работать побольше; так что ты это учти.

– Мне дадут больше преподавательских часов, чем теперь?

– Нет, часов, пожалуй, будет меньше.

– Часов меньше, а работы больше? Что за чудеса!

– На первый взгляд действительно кажется странно, но сейчас, понимаешь, я не могу тебе сказать… Видишь ли, на тебя потом, вероятно, возложат большую ответственность, вот в чем дело.

Я абсолютно ничего не понимал. Ответственность больше, чем теперь… Что ж, я буду главным по математике, что ли? Но ведь главный – «Дикообраз», а уж он то, будьте спокойны, увольняться не собирается! Да и школьники его любят, так что его увольнение или перевод на новое место вряд ли будет на пользу школе.

«Красная рубашка» никогда не доводил разговор до конца. И теперь тоже, не договорив всего, он покончил с делами. Потом он еще просто так болтал на разные темы, рассказал, что «Тыкве» будут устраивать прощальный обед, в связи с чем поинтересовался, пью ли я сакэ [35], сказал, что учитель «Тыква» благородный человек и заслуживает любви и уважения. Наконец, неожиданно он спросил: – А ты умеешь сочинять хокку? [36] «Вот беда!» – подумал я и сказал:

– Нет, не умею… До свиданья!

Я сразу же распрощался и ушел домой. Хокку сочинять! Да что я – Басе? И разве это дело для учителя математики – беспокоиться о том, что вьюнок оплел колодезную бадью [37] или о чем-нибудь в этом роде?

Вернувшись домой, я задумался. Есть же такие непонятные люди! Ему, видите ли, опротивели родные места, где об благополучно служит в средней школе, уж не говоря о том, что у него здесь дом свой, и поэтому он отправляется в незнакомый чужой край искать себе забот и хлопот. Добро бы это был какой-нибудь большой город с трамваем, тогда еще куда ни шло, ну а что такое Но-бэока в провинции Хюга? Я все-таки приехал в сравнительно благоустроенный городок, где есть даже пароходная пристань, и то месяца не прошло, как уже хочется уехать отсюда. А эта Нобэока расположена среди гор, и кругом сплошь горы. «Красная рубашка» говорил, что туда нужно сначала плыть пароходом, потом, как сойдешь с парохода, целый день ехать лошадьми, – это только до Миядзаки, да от Миядзаки еще больше суток. И место дикое. Кажется, там население состоит наполовину из людей, наполовину из обезьян. Даже такой святой человек, как «Тыква», и то, поди, не захочет дружить с обезьянами. Что за чудак! В это время бабушка Хагино принесла мне ужин.

– Никак сегодня опять картошка? – начал было я.

– Нет, сегодня соевый творог. Ну, одно другого стоит!

– Знаете, бабушка, Кота, говорят, в Хюга уезжает. Правда, жалко его?

– Верно, жалко, но ничего не поделаешь, раз он сам по доброй воле едет. – По доброй воле? Это кто?…

– Как это – кто? Да он! Разве Кога не по собственной прихоти едет?

– Что вы?… Откуда это взяли?…

– Но мне сегодня сказал об этом «Красная рубашка»! Если я ошибаюсь, значит «Красная рубашка» лгун!

– Старший преподаватель? Ну что ж, он правду говорит, но правда и то, что Кога не хочет ехать.

– Значит, и то правда и это, – как же так? Посудите сами, бабушка. И какие у него собственно причины?

– Сегодня утром заходила мать Кога и в разговоре со мной слово за слово выложила все.

– Что же она рассказала вам?

– Дело, знаете, вот как было: после смерти отца их семья уже не могла жить в прежнем достатке, тогда мать посоветовала Кога, чтобы он обратился к директору школы и попросил его:

я, мол, уже четыре года старательно работаю, так нельзя ли теперь немного повысить мне жалованье.

– Правильно!

– Директор сказал: «А, да-а… подумаем, посмотрим». Мать на том и успокоилась и с нетерпением ждала, что вот-вот будет распоряжение о прибавке, не в этом месяце, так в будущем. А в это время директор позвал к себе Кога. И когда тот пришел, сказал ему: «К сожалению, у школы мало средств и нет возможности повысить вам жалованье. Но в Нобэока есть вакансия, и поскольку там ставка на пять иен в месяц больше, я решил, что это совпадает с вашим желанием, так что, когда все формальности будут закончены, можете ехать». Вот что он ему сказал.

– Как же так? Значит, не посоветовался с ним, а просто взял и приказал – езжай?…

– То-то и оно! Кога попросил: «Чем ради этой прибавки уезжать, я лучше останусь здесь на прежних условиях. Здесь у меня и дом, здесь и мать…» Но директор сказал: «Теперь ничего сделать нельзя, все решено и уже заместителя на ваше место нашли». Вот что директор сказал.

– Они его одурачили, это не дело! Стало быть, Кога вовсе не хочет уезжать? Я и то подумал, что это очень странно. Олух он, что ли, из-за лишних пяти иен отправляться в эту горную глушь, дружить там с обезьянами!

– Почему олух? Он учитель.

– По всему судя, это проделки «Красной рубашки». Некрасиво же он действует! Бьет из-за угла! И потому прибавляют мне жалованье? Ну разве это не подло? Говорит: «Прибавим», да кто возьмет эту прибавку?

– Ах, вам жалованье повышают?

– Так мне сказали, но я решил отказаться.

– Как это так отказаться?

– Обязательно откажусь. Знаете, бабушка, этот «Красная рубашка» – дурак! Да и подлец!

– Ну и пусть себе подлец, но если вам жалованье прибавляют, значит нужно спокойно согласиться с этим. Вам же лучше. В молодости часто вот так сердятся, а как постарше станут да поразмыслят – и пожалеют, что в свое время не сдержались! И, конечно, потом плачутся: ах, мол, какой убыток потерпел из-за того, что вспылил! Послушайте вы бабушку, и если «Красная рубашка» предлагает вам прибавку, скажите спасибо и берите!

– А вы хоть и пожилой человек, но лучше бы вам не вмешиваться в чужие дела!… Прибавят мне или убавят – вам-то что? Ведь это мое жалованье!

Хозяйка молча вышла из комнаты. Старик хозяин беззаботно читал нараспев свои утаи.

Я думаю, что нарочно распевать тексты на такую мелодию – это особый способ затруднить их понимание. Я не мог понять этого старика, который каждый вечер без устали тянул свои напевы. Мне же было совсем не до утаи.

Мне сказали, что прибавят жалованье. Что ж, я хоть не особенно стремился к деньгам, но подумал, что другим тоже ни к чему копить лишние деньги, и согласился. А тут оказывается, что человека принудительно переводят на новое место, а на его жалованье будет наживаться другой. Мыслима ли такая жестокость?… А тот человек? Правда, он попрежнему, на словах, согласен ехать, но собственно какие соображения заставляют его бросаться в такую глушь, как эта Нобэока? Нет, я не успокоюсь, пока не пойду к «Красной рубашке» и не откажусь от этой прибавки.

Я натянул хакама и снова отправился к старшему преподавателю. Подойдя к солидному подъезду, я постучался; на стук опять вышел младший брат «Краснойрубашки». «Опять пришел?» – прочел я в его взгляде. Когда нужно, так приходят и дважды и трижды! Бывает, что и среди ночи с постели поднимут. Может быть, ему взбрело в голову, что я пришел справиться о

здоровье старшего преподавателя? Ничего подобного, я пришел заявить, что не нуждаюсь в прибавке к жалованью.

– У него сейчас гости, – сообщил младший брат.

– А мне только на минутку его повидать, – сказал я, – пусть сюда выйдет.

И брат ушел. Посмотрев под ноги, я увидел сброшенные гэта [38] с плетеными подошвами. Из комнаты донеслось: «Банзай!» Гость был Нода. Кроме Нода, ни у кого не было такого пронзительного голоса, и никто, кроме него, не носил такой изысканной обуви.

Немного погодя вышел «Красная рубашка» с лампой в руке.

– А, заходи, заходи, – сказал он, – у меня Ёсикава, свой человек.

– Хорошо и здесь, – ответил я, – мне только несколько слов сказать.

Физиономия у него была что помидор. Кажется, они там с Нода выпивали.

– Вы говорили, что мне жалованье увеличат, но я передумал и вернулся сказать, что отказываюсь.

«Красная рубашка», протянув вперед лампу, уставился на меня, но не нашелся что ответить и стоял в растерянности. То ли ему казалось подозрительным, откуда это взялся такой парень, что отказывается от прибавки, то ли его поразило – почему мне понадобилось для этого сейчас же возвращаться, когда я только что отсюда ушел, а может быть, его удивляло и то и другое, – но он так и стоял столбом, открыв рот от изумления.

– Я тогда согласился потому, что вы сказали, будто Кога переводится по собственному желанию.

– Кога едет всецело по собственному желанию, ну… и отчасти по назначению.

– Это неверно! Он хочет остаться здесь. Пусть на прежнем жалованье, но он хочет остаться в родных краях.

– Ты это что, от Кога слышал? – Нет, не от него.

– Так от кого?

– Моя хозяйка слышала это от матери Кога и сегодня рассказала мне.

– Стало быть, тебе старуха хозяйка сказала?…

– Ну да!

– Извините, но она, вероятно, несколько ошибается. И, судя по вашим словам, выходит, что своей хозяйке вы верите, а старшему преподавателю нет? Так по крайней мере все это звучит, значит в таком смысле и нужно понимать ваши слова.

Я замялся. И ловкач же этот кандидат словесности! Здорово выворачивается! Отец частенько говорил мне: «Нельзя все делать наспех, нельзя!» И в самом деле, я, кажется, немного поторопился. Старуха сказала, и я уже моментально помчался к «Красной рубашке», а ведь, собственно говоря, сам я ни «Тыквы», ни его матери не видел и ничего от них не слышал. И когда «Красная рубашка» этак меня обрезал, мне трудно было отразить его удар. Отразить удар я не смог, это верно, но в душе я уже был окончательно убежден в его вероломстве. Старуха хозяйка, конечно, скряга и жадина, но не лгунья и не двуличный человек, вроде него. Что делать?

– Может быть, то, что вы говорите, и верно, – возразил я ему, – но так или иначе, а от прибавки вы уж меня увольте!

– Ну, тогда это совсем смешно! Знаешь, ты вот сейчас специально примчался, и это выглядит так, как будто ты обнаружил что-то позорное в этой прибавке. После моего разъяснения ты убедился, что был неправ, и, несмотря «а это, все же от прибавки отказываешься. Не совсем просто объяснить твой отказ.

– Пусть не совсем просто, но все равно я отказываюсь!

– Ну что ж, раз тебе не нравится, принуждать не стану. Но имей в виду, что такая внезапная

перемена решения за какие-нибудь два-три часа, и притом без особых причин, подрывает доверие к тебе.

– Пусть подрывает, наплевать!

– Нет, так нельзя. Доверие к людям – это самое важное! Если бы даже, допустим на минуту, твой хозяин… – Не хозяин, а хозяйка.

– Ну, это все равно… допустим, твоя хозяйка сказала правду, но и тогда твоя прибавка не отразится на заработке Кога. Кога уезжает в Нобэока. Приезжает его заместитель. Заместитель приезжает на несколько меньший оклад, чем получал Кога. Эту разницу и хотят передать тебе, так что тебе нет надобности кого-нибудь жалеть. Кога будет занимать в Нобэока более высокое положение, чем здесь. А с вновь назначенным учителем с самого начала такая договоренность: он приезжает на более низкий оклад. И я полагаю, что если уж сделать тебе прибавку, то это самый удобный случай. Не хочешь – как знаешь… но, может быть, ты еще разок дома все это хорошенько обдумаешь?

Я не очень-то быстро соображаю, и обычно, если мой противник умел ловко говорить, я всегда был готов сказать, что ошибся, и смущенно ретировался. Однако не так было на этот раз. С первого дня, как я сюда приехал, «Красная рубашка» мне не понравился. Одно время я было переменил свое мнение и находил, что он просто весьма любезный женоподобный мужчина. Но какая же это любезность? В результате какой-то внутренней реакции я почувствовал, что не выношу его. Поэтому ни его логические доводы, ни его красноречие – все это меня ничуть не тронуло. Тот, кто искусно спорит, не обязательно хороший человек. А тот, кого переспорят, не обязательно плохой. По форме «Красная рубашка» вполне прав. Но как бы ни была прекрасна форма, из-за этого невозможно заставить себя полюбить душу человека. Если деньги, власть и красноречие могли бы привлекать к себе сердца людей, тогда люди, наверно, больше всех любили бы ростовщиков, полицейских и университетских профессоров.

Мог ли «Красная рубашка» тронуть мое сердце своей логикой?! Все поступают согласно своим склонностям, а не по логике.

– Вы, может быть, и правы, но мне эта прибавка не по душе, поэтому я и отказываюсь. Вот и все. Буду я еще обдумывать или нет, все равно скажу то же самое. До свиданья!

И я вышел на улицу. Лента Млечного Пути протянулась над моей головой.

Глава 9

В день проводов «Тыквы», утром, я только что явился в школу, как вдруг ко мне подошел «Дикообраз».

– Послушай-ка, – начал он, – не так давно ко мне приходил Икагин и жаловался, будто ты скандально ведешь себя, что им с тобой трудно; он просил как-нибудь передать тебе, чтоб ты уходил от них. Я, понимаешь, все это принял всерьез, ну и сказал тебе: «Съезжай с квартиры!» А потом, когда я порасспросил людей, оказалось, что этот Икагин – жулик, что он ловко подделывает подписи и печати художников и всучивает подделки за настоящие вещи. И на тебя он, конечно, просто-напросто наговорил что в голову взбрело. Видно, хотел нажиться, навязывая тебе свои какэмоно и «редкости», а раз ты на это не пошел, стало быть выгоды ему от тебя никакой нет, вот он и состряпал эти небылицы и мне голову заморочил. А я тогда еще не знал, что он за человек, и оскорбил тебя… Ты уж, пожалуйста, меня прости…

«Дикообраз» извинился очень длинно. Я молча сгреб с его стола одну сэну и пять рин и сунул их в кошелек.

– Ты берешь это обратно?… – нерешительно спросил «Дикообраз».

– Ну да! – сказал я. – Мне было неприятно, что ты меня угощал, и хотелось обязательно расплатиться с тобой, а потом подумал, подумал, да и решил, что лучше все-таки принять угощение, вот и забрал деньги обратно.

«Дикообраз» громко расхохотался.

– Так что ж ты их раньше-то не брал? – смеясь, спросил он.

– По правде говоря, я собирался взять, да все как-то неловко было… ну, так и оставил. А на днях прихожу в школу, и до того мне тошно стало видеть эту сэну и пять рин, что…

– Однако ты из тех, кто не сразу уступает, – заметил он.

– А ты и сам-то тоже достаточно упрям! – возразил я.

Дальше между нами произошел следующий диалог:

– Ты, собственно говоря, откуда родом?

– Я эдокко. – Ах, эдокко? Тогда вполне понятно, почему ты никогда не уступаешь.

– А ты откуда?

– Я из Аидзу.

– А, из Аидзу? Ну, тогда ясно, что ты упрямый! Слушай, ты пойдешь сегодня на проводы?

– Конечно. А ты?

– Непременно! Я, знаешь, хочу даже поехать проводить его до побережья.

– Интересная штука – прощальный обед. Приходи, посмотришь! Ох, и напьюсь же я сегодня!…

– Ну и пей, сколько тебе угодно! А я поем – и сразу же домой. Дураки, кто пьет сакэ!

– Да ты сразу же с кем-нибудь ссору затеешь! Легкомыслие эдокко уж непременно скажется.

– Знаешь что, перед тем, как идти на банкет, забеги на минутку ко мне, с тобой кое о чем поговорить нужно.

Как мы условились, «Дикообраз» зашел ко мне домой. В последние дни, каждый раз, когда я видел «Тыкву», мне становилось очень жаль его, а сегодня, в день его проводов, это чувство жалости до того обострилось, что казалось, если б можно, сам вместо него поехал. Мне очень хотелось на этом обеде хоть речь произнести и пожелать ему всяческого благополучия, но при моем неуменье говорить у меня ничего бы не вышло, поэтому мне и пришло на ум попросить «Дикообраза» с его зычным голосом, чтобы он выступил вместо меня и припугнул как следует

«Красную рубашку». Для этого я и позвал «Дикообраза» к себе.

Я начал с того, что рассказал ему о случае с Мадонной, но «Дикообраз», разумеется, знал о Мадонне больше моего. Рассказывая про встречу у реки Нодзэригава, я назвал «Красную рубашку» дураком, а «Дикообраз» заметил:

– У тебя все дураки. Сегодня в школе, никак, и себя так же назвал? Но если ты дурак, то «Красная рубашка» им быть не может. Ведь ты же утверждаешь, что вы с ним совсем разные люди.

– Ладно, тогда, значит, он болван!

– А, это другое дело! – согласился «Дикообраз». «Дикообраз» был сильным малым, это верно, но разобраться в словах «дурак» и «болван» ему, наверное,было труднее, чем мне. Видно, из Аидзу все такие непонятливые.

Потом я рассказал ему о том, что «Красная рубашка» говорил мне насчет прибавки жалованья и о будущем значительном повышении по службе.

– Хм! – фыркнул «Дикообраз». – Это они, выходит, меня задумали уволить!…

– Допустим, они хотят тебя уволить, а ты-то сам согласишься на это? – спросил я.

– Кому охота? Но если я уйду отсюда, то я уж постараюсь, чтобы и «Красную рубашку» уволили со мной вместе! – самонадеянно заявил «Дикообраз».

– А зачем тебе стараться, чтоб вместе уволили? – допытывался я.

. – Я и сам еще толком не знаю…

«Дикообраз», верно, был здоров и силен, но вот разума у него, видать, было маловато. Я сообщил ему, что отказался от этой прибавки.

– Молодец! – обрадовался он. – Эдокко так и должен поступать! Правильно сделал! – похвалил он меня.

– Если «Тыкве» так все это неприятно, то почему, скажи, ты не похлопотал, чтобы его оставили на прежнем месте?

– Видишь ли, когда он рассказал мне, все уже было решено. Я пытался говорить, дважды ходил к директору, один раз к «Красной рубашке», но ничего уже нельзя было изменить. Беда в том, что Кога слишком мягкий человек. Если бы он наотрез отказался, когда «Красная рубашка» сказал ему об этом, или хоть бы уклонился от прямого ответа – мол, еще подумаю, посмотрю, – тогда другое дело; а то его уговорили, и он тут же на месте согласился. А уж потом, когда и мать стала умолять со слезами и я пошел разговаривать, ответ был один: «Как ни жаль, но ничего сделать невозможно».

– Это работа «Красной рубашки»! Всю эту махинацию он, надо полагать, устроил, чтобы удалить отсюда «Тыкву» и тогда прибрать к рукам Мадонну, – решил я.

– Разумеется! Я в этом и не сомневаюсь. Ведь «Красная рубашка» такой ловкач! Он с милым видом делает гадости, а если кто что-нибудь и скажет – у него уже готова лазейка, чтобы ускользнуть. С таким прохвостом может быть только одна расправа – кулачная! – И он, засучив рукава, показал свои мускулистые руки.Воспользовавшись случаем, я спросил:

– Руки у тебя, как видно, сильные, а дзюдзицу [39] ты владеешь?

Тогда он богатырски напряг бицепсы обеих рук и предложил:

– Ну-ка, дотронься, посмотри!

Я концами пальцев попробовал помять его мускулы, – не поддаются, что камень! Я был восхищен.

– Ну, с этакими ручищами ты, поди, за один раз можешь уложить пять-шесть таких, как «Красная рубашка»! – воскликнул я.

– Еще бы! Конечно, могу! – самодовольно согласился он, то сгибая, то выпрямляя руки, при этом мускулы так и перекатывались у него под кожей. Это было здорово!

Потом «Дикообраз» сказал, что если он обвяжет бицепсы скрученным вдвое бумажным шпагатом и согнет руку, то шпагат лопнет.

– Если шпагат бумажный, тогда и я так смогу.

– Сможешь? А ну-ка попробуй!

«А что, если не выйдет? Вот будет конфуз!…» – подумал я и отложил этот опыт.

– Знаешь что? Вот ты сегодня вечером на банкете хорошенько напьешься, а потом вздуй-ка ты «Красную рубашку» и Нода, а? – полусерьезно посоветовал я.

– Вот это идея! – воскликнул «Дикообраз» и задумался, а потом сказал: – Сегодня вечером… м-м… сегодня не стоит…

– Почему?

– Да потому, что Кога жалко… И притом если уж бить, так бить, поймав их с поличным. Иначе это обернется против нас же, – резонно добавил он.

Оказывается, тут у «Дикообраза» было больше сообразительности, чем у меня.

– Тогда вот что, – решил я, – нужно побольше расхваливать Кога! Ты понимаешь, если я буду говорить, то у меня это получится слишком коряво, К тому же я как дойду до чего-нибудь серьезного, так у меня сразу изжога начинается, к горлу подступает комок – и всё, я уже не могу говорить. Так что речь я уступаю тебе.

– Странная болезнь… Значит, ты при публике и сказать ничего не можешь? Это, наверно, очень тяжело? – спросил он.

– Ну, не так уж тяжело, – ответил я.

Пока мы болтали, подошло время, и мы с «Дикообра-зом» отправились.

Ресторан, где должен был происходить прощальный банкет, назывался «Прекрасное весеннее утро» и считался здесь первоклассным. Я еще ни разу не переступал его порога. Рассказывали, будто этот дом купили чуть ли не у бывшего сановника да так, ничего не переделывая, и открыли в нем заведение. В самом деле, по внешнему виду это было внушительное здание. Превратить такой дом в ресторан – это все равно что мундир перешить на фуфайку!

Когда мы пришли, почти все уже были в сборе и толпились по двое, по трое в просторном зале на пятьдесят цыновок. В этом большом зале и стенная ниша была очень большая. Ниша в гостинице «Ямасироя», в той комнате, которую я там занимал, и в сравнение с этой не годилась. Наверно, в ней было больше трех с половиной метров ширины. Справа, в нише, стояла фарфоровая ваза сэтомоно [40] с красным узором, и в ней большая ветка сосны. Почему туда воткнули сосновую ветку? Должно быть, потому, что она может стоять много месяцев не осыпаясь, значит расходов меньше.

– Где эти сэтомоно изготовляют? – спросил я учителя естествознания.

– Это не сэтомоно, это имари [41].

– А разве имари не сэтомоно?

Учитель в ответ засмеялся. Потом мне сказали, что сэтомоно – фарфор, который изготовляется в Сэто, потому он так и называется. А я – эдокко, откуда мне это знать? Я считал, что все, что сделано из глины, фарфора или фаянса, – все это сэтомоно.

В самой середине ниши висело огромное какэмоно, на котором было написано двадцать восемь больших иеро-глифов, который величиной этак с мою голову. Очень неважно написано. Это была такая мазня, что я спросил учителя китайской литературы:

– Почему такую неудачную вещь вывесили на самом видном месте?

– Это написал знаменитый каллиграф Кайоку, – объяснил он мне.

Кайоку или не Кайоку, а я и посейчас считаю, что это очень плохо написано!

Спустя некоторое время секретарь Кавамура пригласил:

– Занимайте, пожалуйста, места!

И я занял удобное место где можно было прислониться к колонне. Прямо против какэмоно работы Кайоку уселся «Барсук», одетый в хаори и хакама, а по левую руку от него устроился «Красная рубашка», тоже в хаори и хакама. Справа сел, так сказать, виновник торжества – учитель «Тыква», также в японской одежде. А я был в европейском костюме, сидеть выпрямившись мне было неудобно – всюду жало, поэтому я сразу же сел, поджав под себя ноги. Мой сосед, учитель гимнастики, был в черных брюках, но сидел совершенно прямо. Выправка у него была хорошая – недаром учитель гимнастики!

Вскоре внесли обеденные столики [42]. Расставили фарфоровые бутылочки с сакэ. Секретарь встал и, открывая банкет, произнес краткую речь. Затем поднялся «Барсук», а после него «Красная рубашка». Все они один за другим произносили прощальные речи, и все трое, словно сговорившись, превозносили «Тыкву» как хорошего педагога и прекрасного человека; каждый высказывал глубокое сожаление о том, что он скоро покидает нас, и каждый утверждал, что не только для школы, но и лично для него, оратора, это крайне огорчительно; однако, поскольку «Тыква» уезжает по собственному настоятельному желанию, то ничего не поделаешь, говорили они.

Таков был общий смысл всех этих выступлений. Хоть бы постыдились открывать банкет таким враньем! Особенно «Красная рубашка» больше всех нахваливал «Тыкву». Он договорился до того, что в конце концов воскликнул: – Лишиться такого хорошего друга – для меня поистине тяжкая утрата!

При этом его манера говорить была в самом деле убедительна, и говорил он все это своим тонким голосом, звучавшим еще мягче обычного, так что наверняка ввел в заблуждение всех, кто его слушал впервые. Такими же приемами он, верно, и Мадонну обольщал!

В самый разгар речи «Красной рубашки» «Дикооб-раз», сидевший напротив, взглянул на меня и слегка подмигнул. Я в ответ подал ему знак указательным пальцем и скорчил гримасу.

Я с трудом дождался, пока «Красная рубашка» сел, наконец, на свое место. И когда, неожиданно для всех, встал «Дикообраз», я так обрадовался, что невольно захлопал в ладоши. «Барсук» и за ним все остальные обернулись в мою сторону, и мне стало как-то неловко.

«Что-то скажет «Дикообраз»?» – подумал я. А он уже начал:

– Вот тут директор и особенно старший преподаватель выражали крайнее сожаление по поводу отъезда Кога-кун на новое место, я же, напротив, желаю Кога-кун, чтобы он как можно скорее покинул ваши края. Но-бэока – это захолустье, и, по сравнению с нашим городом, там, вероятно, много бытовых неудобств. Но, по слухам, это местность, где сохранились очень простые и честные нравы, и говорят, что там все, и преподаватели и школьники, отличаются старинной прямотой и честностью. Я верю, что в Нобэока не найдется ни одного наглого франта из тех, что рассыпают направо и налево лживые комплименты и с милым видом обманывают благородных людей! И я не сомневаюсь, что такого славного и хорошего человека, как он, разумеется встретят там с распростертыми объятиями! Со своей стороны я от души поздравляю Кога-кун с этим назначением. В заключение хочу пожелать, чтобы, прибыв на новое место в Нобэока, он выбрал себе среди тамошних жительниц достойную, благородную женщину, хорошо если б из состоятельного дома, и, не теряя времени, создал свою семью, полную мира и спокойствия. А та неверная, непостоянная кокетка пусть умрет со стыда! – и, громко откашлявшись, «Дикообраз» сел на свое место.Я хотел было опять похлопать, но постеснялся, как бы все снова не стали оглядываться на меня.

«Дикообраз» уселся, и тогда поднялся «Тыква». Он учтиво обошел всех до последнего столика в зале, вежливо кланяясь каждому из присутствующих, и затем сказал:

– По случаю моего близкого отъезда на Кюсю, вызванного личными обстоятельствами, вы,

господа преподаватели, устроили для меня этот торжественный банкет, – это оставит в моей душе поистине неизгладимый след… С особенно глубокой благодарностью я навсегда сохраню в своей памяти речи, только что произнесенные директором, старшим преподавателем и другими коллегами. Я уезжаю в далекие края, но я прошу вас, как и прежде, неизменно сохранить ваше ко мне расположение!

И он тихонько вернулся на свое место.

Это просто непостижимо, до чего «Тыква» хороший человек! Он почтительно поблагодарил директора и старшего преподавателя, которые его же одурачили! Кланялся он, как этого требовали приличия, однако, судя по всему его виду, и по тому, как он говорил, и по выражению его лица, – он, казалось, и в самом деле благодарил от души.

Если такой святой человек всерьез высказывает свою благодарность, то становится грустно за него и как-то стыдно за себя. Но и «Барсук» и «Красная рубашка» вполне серьезно и внимательно слушали его – и хоть бы что!

Когда речи закончились, принялись за еду, и со всех сторон слышно было только, как шумно прихлебывают суп. Я тоже попробовал этот суп, он показался мне невкусным.

На столиках была расставлена закуска – заливная рыба, но только приправу к ней приготовили неудачно; было и сасими – нарезанная ломтиками сырая рыба с подливкой, однако ломтики нарезали слишком толсто, и получилось так, словно ешь просто ломти сырого тунца. Тем не менее соседи мои ели и причмокивали, как будто это очень вкусно. Видно, не приходилось им есть кушанья, приготовленные по-эдоски!

Тем временем бутылочки с сакэ начали все чаще переходить из рук в руки, в зале стало шумно. Нода почтительно подошел к директору и принял от него чашечку с сакэ. Вот мерзкий тип! «Тыква» пил со всеми по порядкуи, видимо, собирался обойти таким манером всех кругом. Нелегкое дело!

Подойдя ко мне и расправляя складки хакама, он предложил:

– Выпьем по чашечке?

Я тоже выпрямился в своих тесных брюках и поднес ему сакэ.

– Вы уезжаете… как мне жаль, что мы скоро расстанемся, – сказал я. – Когда вы отправляетесь? Я непременно хочу поехать проводить вас до побережья.

– Нет, что вы, – возразил «Тыква», – ни в коем случае не затрудняйте себя!

Несмотря на его возражения, мне хотелось взять в школе отпуск и поехать его проводить.

Через час в зале был полный беспорядок. Два-три человека уже напились до того, что едва ворочали языком. Раздавались восклицания:

– Ну-ка чашечку!

– Я говорю – выпей, а ты…

Мне становилось скучно. Я пошел в уборную и при свете звезд стал смотреть на сад, разбитый в старом стиле. В это время сюда же пришел «Дикообраз».

– Ну, как тебе моя речь?… Понравилась?

Это было сказано с торжеством.

– Да, очень… только вот одно место не понравилось. Услыхав, что у меня есть какие-то возражения, он

спросил:

– Что же тебе не нравится?

– А вот что: «в Нобэока нет таких наглых франтов, которые с милым видом обманывают людей…» – так ты, кажется, сказал?

– Ну и что?…

– Это слишком мало, сказать только «франт»!

– Так как же еще-то назвать?

– Наглый франт, мошенник, проходимец, волк в овечьей шкуре, жулик, дрянь, шпион, гавкающий пес! – вот как его нужно было обозвать!

– Ну, знаешь, мне всего и не выговорить! Но смотри-ка, как ты здорово говоришь! И как много слов таких знаешь! Чего же ты сам не выступил?

– Да видишь ли, я хотел эти слова во время драки в ход пустить и предусмотрительно оставил их про запас. А для речи это не годится. – Вот оно что! Но все-таки болтать ты можешь… А ну-ка повтори еще разок!

– Сколько угодно! Понравилось? Ну слушай: мошенник, проходимец…

Только я начал, как на веранде послышалась возня и, пошатываясь, вылезли двое.

– Господа! Куда же это годится? Почему вы сбежали? Не пущу… Э, пойдем выпьем! «Проходимец»… интересно! «Проходимец»… – это чудно! Давайте-ка выпьем!… – И они потащили нас с «Дикообразом».

Вообще-то они шли в уборную, но были до того пьяны, что, наверно, забыли пойти, куда им было нужно, и принялись тащить нас. Видно, пьяный всегда хватается за то, что ему попадается на глаза, и тут же забывает, за чем раньше шел!

– Эй, господа! Проходимцев притащили!… Дайте-ка им выпить! Напоите допьяна этого мошенника! Не улизнешь от меня!…

И чтобы я не мог улизнуть, меня притиснули к стене. Озираясь по сторонам, я заметил, что на всех столиках уже не было ни одного нетронутого блюда с закуской и моя доля была начисто съедена. Нашлись же ловкачи – свое съели и все вокруг опустошили!

Директора нигде не было видно, наверно он незаметно ушел домой.

В этот момент послышалось:

– Здесь банкет? – и вошли три или четыре гейши.

Я даже слегка удивился, но так как я был прижат к стене, то лишь глядел, не шевелясь.

«Красная рубашка», который до сих пор сидел, прислонившись к колонне, и с довольным видом держал в зубах свою янтарную трубку, вдруг встал и направился к выходу. Одна из гейш, смеясь, поклонилась, идя ему навстречу. Это была самая молоденькая из всех и самая хорошенькая девчонка. Издали не слышно было, что она сказала, и я уловил только что-то вроде «ах, добрый вечер!» Но «Красная рубашка» прошел с видом, как будто незнаком с ней, и больше не показывался. Очевидно, он тоже ушел домой, вслед за директором.

С появлением гейш сразу сделалось веселее, со всех сторон неслись ликующие возгласы. Стало очень шумно. Начались разные игры. Восклицания играющих были так громки, будто здесь, в зале, проводились занятия по фех-тованию. Некоторые затеяли игру в кэн [43]. Игроки выкрикивали: «Четыре!» – «Восемь!…» – лихорадочно выкидывая то одну, то другую руку. Это получалось у них куда лучше, чем в кукольном театре. В дальнем углу кто-то крикнул:

– Эй, дайте сакэ! – и, показывая пустую бутылочку, повторил: – Сакэ! Сакэ!…

Кругом стоял невероятный шум и гам. Среди всего этого разгрома один только человек чувствовал себя неловко, он сидел опустив глаза и погрузившись в раздумье. Это был «Тыква».

Прощальный банкет был устроен из-за него. Но это вовсе не означало, что все огорчены его отъездом, – нет, все пришли, чтобы выпить и повеселиться. И только ему одному было горько и неловко. Такие проводы лучше бы вовсе не устраивать!

Потом стали петь низкими, грубыми голосами, и каждый свое. Одна из гейш подошла ко мне и спросила:

– Почему же вы не поете? – в руках она держала сямисэн [44].

– Я не пою, – ответил я, – ты спой сама. Она спела одну песню, а потом воскликнула:

– Ох, устала!…

– Устала, ну так пой что-нибудь, что полегче.

Но тут вмешался Нода, который как-то незаметно подошел и сел рядом с нами.

– Судзу-тян [45], когда я подумал о том, что ты, наконец, встретилась с тем, с кем так хотела встретиться, а он сразу ушел, – мне стало жаль тебя… – сказал он, подделываясь под завзятого балагура.

– Не понимаю, – сдержанно ответила гейша.

Нода, не обращая внимания на ее тон, затянул неестественным голосом, подражая гидаю [46]:

– Случайная встреча… и встретившись… – Перестаньте! – сказала гейша и хлопнула ладонью Нода по колену; тот в восторге засмеялся.

Это была та самая гейша, что поздоровалась с «Красной рубашкой». Нода смеялся, чувствуя себя чуть ли не на седьмом небе от радости: ведь гейша его стукнула по коленке!

– Судзу-тян! Сыграйте мне, – попросил он, – я станцую.

Нода еще и плясать был готов.

В другом углу старый учитель китайской литературы, кривя свой беззубый рот, благополучно спел первые две строки песни.

– А дальше как? – спросил он гейшу. Плохая память у этих стариков.

Одна из гейш завладела учителем естествознания.

– Сыграть вам? – сказала она. – Но смотрите, если не будете внимательно слушать… – и стала играть и петь.

– I am glad to see you [47], – в заключение пропела она по-английски, с трудом выговаривая слова.

– Вот интересно-то! – восхитился учитель естествознания. – Даже по-английски!

«Дикообраз» оглушающе громко крикнул:

– Эй, гейша! Я буду танцевать «пляску с мечом», – и скомандовал: – Ну-ка сыграй мне на сямисэне!

Гейша, ошеломленная грубым выкриком, даже не ответила ему. А «Дикообраз», не смущаясь, схватил тросточку, вышел на середину комнаты и, сам себе подпевая, стал демонстрировать свои таланты, которых от него никто не ожидал.

Тут Нода, тем временем сплясавший уже несколько танцев, разделся почти догола и, оставшись в одной только узкой набедренной повязке, взял подмышку метлу, вышел на середину зала и стал торжественно маршировать, выкрикивая:

– Японо-китайские переговоры прерваны!… Совсем, видать, с ума спятил!

У меня с самого начала душа болела за «Тыкву», который сидел с удрученным видом. «Хоть это и его проводы, но зачем же ему-то, одетому как подобает, терпеливо смотреть, как другие пляшут чуть ли не нагишом?» – подумал я и, подойдя к нему, предложил: – Кога-сан, пойдемте домой!

– Что вы, – сказал Кога, – ведь меня сегодня провожают, как же я раньше всех уйду домой? Это будет невежливо! А вы, пожалуйста, не стесняйтесь… – Он так и не двинулся с места.

– Что вам за дело до них? Если это проводы, так пусть бы и были ими, а то… посмотрите – ведь это какое-то сборище сумасшедших! Нет, пойдемте отсюда!

Он не хотел, но я почти силой вытащил его из зала, и мы пошли; в тот же момент откуда-то выскочил Нода, который до этого все время вышагивал, размахивая своей метлой.

– Э, хозяин-то раньше всех домой собрался! Это не дело! Японо-китайские переговоры!… Не пущу! – крикнул он и, вытянув руку, метлой загородил нам дорогу.

Я уже давно был раздражен, а теперь не выдержал и заорал:

– Японо-китайские переговоры! А, так ты, наверно, китайская куртка! – и, размахнувшись, ударил Нода кулаком по голове.

Нода сначала был совершенно ошеломлен, потом стал отбиваться, бессмысленно бормоча:

– Ой, ужас какой!… Как ты меня ударил!… Разве можно меня так бить… японо-китайские переговоры…

Тут «Дикообраз», заметив из глубины зала, что началось что-то неладное, оборвал свою «пляску с мечом» и подбежал к нам. Увидев всю эту картину, он схватил нас каждого за шиворот и стал растаскивать.

– Японо-китайские… Ой, больно! Да больно же! Безобразие!… – отбивался Нода.

Но тут нас растащили, и Нода грохнулся на пол, а я ушел, и что было там дальше – не знаю.

По дороге я распрощался с «Тыквой», и когда вернулся домой, был уже двенадцатый час ночи.

Глава 10

По случаю празднования дня Победы занятий в школах не было. Сообщили, что на городском плацу будет происходить торжественная церемония и вся школа, во главе с «Барсуком», должна там присутствовать. Я, как преподаватель, тоже пошел вместе со всеми.Когда мы вышли в город, все кругом пестрело национальными флагами [48]. Учащихся было много, человек восемьсот; учитель гимнастики построил их рядами, класс за классом; в небольших интервалах между классами шли по одному, по два учителя для надзора за порядком. Задумано это было очень хорошо, но на деле ничего не получилось. Ученики ведь дети, да еще сорванцы такие, – они, например, считают, что подчиняться дисциплине – значит позорить честь школьника. Какое же могло иметь значение – сколько тут идет учителей?

Без всякого приказа, они сами то запевали военные песни, то, бросив петь, вдруг принимались испускать торжествующие крики, хотя для этого не было никаких причин. Словом, все это выглядело так, как будто по улицам города шествовала процессия бродяг-ронинов [49]. Если же они не пели и не издавали воинственных криков, то начинали громко галдеть. Казалось, можно бы идти спокойно, не разговаривая, но японцы, известное дело, всегда рады горланить, – поэтому, сколько бы замечаний ни делали школьникам, они их не слушали. Причем, они не просто шли и болтали между собой, а отпускали крепкие словечки по адресу своих учителей. Словом, вели себя из рук вон скверно.

Я добился того, что ребята извинились за свои проделки во время моего дежурства, и я думал: «Ну, теперь все будет хорошо!» Но я глубоко ошибался. Их извинения отнюдь не были вызваны чистосердечным раскаянием, – это было сделано чисто формально, и то лишь потому, что директор велел. Как торговец кланяется, а сам не перестает плутовать, так и наши ученики – просили прощения, а сами вовсе и не думали бросать озорничать. Вдумаешься во все это и начинаешь понимать, что весь свет состоит из людей, подобных нашим школьникам. И если извинения и просьбы о прощении принимать за чистую монету и действительно прощать, то тебя, пожалуй, сочтут дураком за излишнюю чистосердечность. Раз извиняются только для виду, значит и извинять нужно только для виду, – так-то лучше будет. А если хочешь,чтобы человек вправду раскаялся, значит нужно бить его до тех пор, пока он в самом деле не начнет раскаиваться.

Я шел в интервале между двумя классами и все время слышал выкрики: «Тэмпура!…» «Рисовые лепешки!…» Но школьников было много – поди узнай, кто кричит! А, допустим, и узнаешь, – они скажут, что «тэмпура» – это вовсе не обо мне, и «лепешки» – это тоже не про меня. «Просто у господина учителя нервы не в порядке, вот ему и мерещится!» – вот что они скажут.

Такие подлые души – порождение феодальной эпохи – в здешних краях встречаются сплошь да рядом, и сколько ты им ни вдалбливай, сколько ни объясняй, они все равно неисправимы. Поживет здесь год такой честный человек, как я, и сам, того и гляди, станет на них похож…

Нашли себе средство, чтобы поудобней вывернуться, – очернить меня! Разве это честная игра? Они – люди, а я что – не человек? Пусть школьники, пусть дети, но ростом-то они больше меня. И я сам буду виноват, если не отплачу им каким-нибудь наказанием. Однако, если при такой «расплате» я буду действовать простым, обычным способом, они в два счета побьют меня моим же оружием. Попробуй скажи такому: «Ты виноват!» Он тут же оправдается, у них уже давно лазейки заготовлены. Нагородят всяких небылиц, себя выставят паиньками, а потом начнут разбирать меня по косточкам. Нет, если я хочу с ними расквитаться, нужно сначала

вытащить наружу все их грешки, иначе мне не удастся себя защитить, ломаного гроша не будет стоить моя защита.

Короче говоря, если они постараются, то смогут представить все это происшествие на ночном дежурстве как драку, которую я сам затеял. Очень невыгодное положение!

Когда к их поступкам относятся просто как к проделкам мальчишек-бездельников, они только еще хуже ведут себя. Словом, говоря по-ученому, они непригодны для общества.

Но тут уж ничего не поделаешь! И пока меня самого еще «не зацапали» (выражаясь их стилем), я должен отплатить им так, чтобы никто и подкопаться не смог. Однако поступить так – для эдокко не годится. Не годится? Но если над тобой будут издеваться целый год, то с этим считаться не станешь! Я тоже человек.Остается одно: непременно, и как можно скорее, вернуться в Токио и поселиться там вместе с Киё. Такая жизнь в провинции приводит к тому, что- человек опускается. И лучше в Токио газеты разносить, чем дойти до нравственного падения.

Размышляя об этом, я неохотно шел вместе со всеми. Как вдруг впереди начался какой-то переполох. В то же время колонна разом остановилась. Странно что-то… Я вышел из строя и увидел, что на перекрестке улиц Отэмати и Якусимати образовалась пробка, передние теснили задних, задние нажимали на передних, и началась какая-то неразбериха.

– Что случилось? – окликнул я учителя гимнастики, который охрипшим голосом кричал: «Тише! Тише!…»

– Наша школа на том углу столкнулась с педагогическим училищем, – ответил он.

Говорят, что средние школы и педагогические училища во всех префектурах искони враждуют между собой, как обезьяна с собакой. Неизвестно отчего, но и по своим нравам школы и училища очень отличались друг от друга. Чуть что – и драка. Вероятно, в этих тесных провинциальных городишках очень скучно жилось, и, может быть, драки просто были развлечением.

Я сам любил драки, да и посмотреть было интересно, поэтому я почти бегом бросился к месту происшествия.

Передние возмущались: «Что за безобразие! Не напирайте». А сзади орали: «Нажимай! Нажимай!»

Расталкивая школьников, я уже почти пробился к перекрестку, как вдруг послышалась громкая и резкая команда: «Вперед!» – и педагогическое училище с торжеством двинулось. Как видно, столкновение из-за того, кому идти впереди, уладилось, и в результате школе пришлось потесниться. Говорят, что по рангу педагогическое училище выше средней школы.

Торжественная церемония празднования дня Победы оказалась очень несложной. Сначала командир бригады прочитал поздравление, потом губернатор прочитал поздравление. И все присутствующие закричали «банзай!» На том все и кончилось. Насчет увеселений было сказано, что они состоятся после полудня, поэтому я пошел домой и решил покуда что ответить на письмо Киё, а то меня все время это беспокоило.Она просила: «следующий раз напиши поподробнее», так что нужно было написать ей как можно обстоятельнее. Я взял листок писчей бумаги и приступил к делу, но, хотя писать и было о чем, я не мог придумать, с чего мне начать. Одно казалось скучным, другое – неинтересным. «Что-нибудь бы такое, о чем писать легко, чтобы голову себе не ломать, и в то же время чтобы и Киё интересно было…» – соображал я. Но такого как раз и не находилось. Я натер тушь, смочил кисточку и стал глядеть на бумагу, потом опять смочил кисточку, опять развел тушь и опять глядел на бумагу, – но сколько я ни повторял эту процедуру, ничего сочинить так и не мог. В конце концов, убедившись, что письмо мне не написать, я закрыл тушечницу. Очень уж это канительно – письма писать! Вот приеду в Токио, там при встрече обо всем и расскажу, – это куда проще. Не то, чтобы меня никак не трогало

беспокойство Киё, но, право же, мне легче было бы выдержать тридцатисемидневный пост, чем написать ей подробное письмо, как она просила!

Я отбросил в сторону кисть и бумагу, растянулся, подложив руки под голову, и стал смотреть в сад. Но мысль о Киё не оставляла меня. Я думал: если здесь, вдали, я тревожусь о ее судьбе, то Киё непременно должна почувствовать это. А раз почувствует, то к чему письмо? Если ничего не писать, она подумает, что я живу благополучно. Письма нужно писать, когда кто-нибудь помер, или заболел, или еще что-нибудь стряслось…

Хозяйский садик занимал примерно тридцать квадратных метров. Здесь не было хороших садовых деревьев, росло только одно мандариновое дерево, оно было выше ограды и служило как бы отличительной приметой нашего дома. Возвращаясь, я всегда им любовался. Для меня, никогда не покидавшего Токио, видеть, как растут мандарины, было в диковину. Зеленые плоды, постепенно созревая, станут желтыми, вот будет красота! Они и теперь уже наполовину пожелтели. Хозяйка говорила, что это очень сочные, вкусные мандарины. «Как поспеют, кушайте, сколько хотите», – сказала она. И я решил, что каждый день буду понемножку есть их. Недели за три можно вволю наесться. Вряд ли я уеду отсюда в течение этих трех недель.

Я думал о мандаринах, когда зашел «Дикообраз».

– Раз сегодня праздник, я решил, что мы с тобойотметим его, – объявил он, – вот я и купил говядины, – и, вытащив из рукава [50] сверток, он бросил его посреди комнаты.

Дома хозяйка кормила меня одним сладким картофелем да соевым творогом, а посещать закусочные, как известно, было запрещено. Словом, я сказал: «Прекрасно», быстренько взял у своей старухи кастрюлю и немного сахара и мы принялись готовить.

– Слушай-ка, – сказал «Дикообраз», уплетая за обе щеки мясо, – ты знаешь, что у «Красной рубашки» есть гейша, с которой он близок?

– Конечно, знаю. Это одна из тех, что приходили на банкет, когда провожали «Тыкву».

– Вот именно. Но я только теперь заподозрил это, а ты прямо молодец, сразу догадался! – одобрительно сказал «Дикообраз». – И ведь надо же, – продолжал он, – через два слова в третье говорит о «достоинстве человека» да о «духовных радостях», сам же, оказывается, с гейшами путается! Вот дрянь-то. Хоть бы он другим не мешал развлекаться, так еще куда ни шло, а то, смотри, – если ты, например, зашел разок поесть гречневой лапши или рисовых лепешек, так он уже кричит, что это подрывает порядок и дисциплину, да еще через директора действует! Верно ведь?

– Н-да… по его мнению, покупать гейшу – это, наверно, духовные радости, а, скажем, тэмпура или лепешки – это чувственные наслаждения! Ну, если его наслаждения духовные, то нечего ему и скрывать это. А то что ж такое? Близкая ему гейша входит, а он тут же срывается с места и убегает! Всегда готов обманывать всех кругом. Гадость какая! А скажи ему что-нибудь, он сейчас начнет туману напускать: то примется говорить о русской литературе, то скажет, что хокку и синтайси [51] – названые братья, или еще что-нибудь в этом роде. Это слизняк, а не мужчина. Слушай, да ведь мясо-то недоварено. Поешь, а потом еще солитер заведется…

– Ну да? Э, ладно, сойдет! Знаешь, я слыхал, что «Красная рубашка» тайком ходит в тот городок, где источники, и там в «Кадоя» встречается со своей гейшей. – В «Кадоя»? В той гостинице?

– Вот-вот! Там такая гостиница с ресторанчиком. Давай-ка накроем его с поличным! Выследим, когда он придет туда с гейшей, тут его и прижмем к стенке, а?

– Выследить? Так это нужно будет дежурить ночью?

– Не доходя «Кадоя», есть еще гостиница, называется «Масуя». Займем там на втором этаже комнату, чтоб выходила на улицу и оттуда будем наблюдать через окошечко в сёдзи [52].

– А придет ли он, когда мы будем оттуда смотреть?

– Придет наверно. Хотя за один вечер, это, пожалуй, не удастся. Надо быть готовыми сидеть там недели две!

– Этак совсем вымотаешься…Когда у меня отец помирал, я одну неделю не спал, ухаживал за ним, так потом ходил как в тумане, из сил выбился.

– Ну, устанем немного, подумаешь беда! Зато, когда застигнем эту каналью на месте преступленья, я сам устрою ему небесную кару!

– Очень хорошо! А я помогу. Что ж, давай с сегодняшнего вечера начнем.

– Нет, сегодня не выйдет, надо ведь еще условиться в гостинице «Масуя».

– А когда же?

– В самое ближайшее время. А ты, как только я тебе сообщу, приходи помогать.

– Ладно, я в любой момент приду. На выдумки я не мастер, но ежели драться – тут я быстро соображаю.

Пока мы с «Дикообразом» оживленно строили планы посрамления «Красной рубашки», вошла хозяйка.

– Там пришел один школьник, спрашивает господина Хотта. Выйдите к нему, пожалуйста. Он только что был у вас, но не застал вас дома и пришел сюда, – говорила она, почтительно стоя у порога в ожидании ответа «Дико-образа».

– Вот как? – сказал «Дикообраз». Он вышел на крыльцо и быстро вернулся обратно.

– Слушай-ка, – сказал он, – этот школьник просит меня пойти посмотреть праздничное гулянье. Он говорит, что сегодня будут выступать танцоры из Коти, их много сюда понаехало; наверно, это будут такие пляски, какиене всегда увидишь. Давай пойдем вместе, – предложил мне «Дикообраз», которому, видимо, очень захотелось пойти.

Танцев я и в Токио достаточно нагляделся. Каждый год во время праздника в честь бога войны Хатимана на улицы Токио вывозили передвижные эстрады для танцев, так что этого я уже много видел. У меня не было особой охоты осмотреть какие-то дурацкие пляски, но так как приглашал «Дикообраз», то меня невольно тоже потянуло пойти, и мы вышли вместе.

«Кто же пришел звать «Дикообраза»? – подумал я. Оказывается, младший брат «Красной рубашки»! Занятно!…

На площади, где устраивалось гулянье, там и сям виднелись длинные, в несколько рядов, знамена, не то как во время состязаний по борьбе, не то как на буддийском празднике в храме Хоммондзи; повсюду мелькали необычайно оживлявшие небо флаги всех стран мира, перекинутые с каната на канат, с одной натянутой веревки на другую. На восточном краю площади за одну ночь был сооружен помост, – здесь, как нам сказали, и должны происходить эти… как их… пляски Коти. Справа, метрах в пятидесяти от помоста, за бамбуковой загородкой, были выставлены декоративные растения в вазах. Все с восторгом смотрели на них. А ведь это сущая нелепость! Восхищаться тем, что травам и бамбуку придали такие неестественные изгибы, все равно что похваляться, например, горбатым любовником или хромым мужем.

На другой стороне площади, против сцены, беспрерывно пускали фейерверки. Среди ракет взвился аэростат, на нем было написано: «Империя – банзай!» Аэростат пролетел над соснами и опустился во двор казармы. Затем раздался треск, и темный шар, врезаясь в осеннее небо, с шипением взлетел вверх, потом он с шумом разорвался над моей головой, голубоватый дым раскинулся, как зонтик, и, постепенно расплываясь, растаял в воздухе. Снова поднялся аэростат, на этот раз на нем была надпись белым по красному: «Армия и флот – банзай!» Он закачался на ветру и полетел в сторону деревни Аиои. Наверно, опустился где-нибудь возле храма богини милосердия.

Собралась огромная толпа, во время парада такой не было. Даже не верится, что в провинции живет столько народу, – просто кишмя кишит. Правда, умных лиц попадалось не очень-то много.Тем временем начались эти знаменитые пляски Коти. Мне сказали: танцы, и я подумал, что увижу нечто вроде танцев Фудзима, но это была большая ошибка.

Мужчины с повязками на голове, одетые в туго-накрахмаленные хакама, выстроились на подмостках в три ряда, по десять человек. Эти тридцать человек, все с обнаженными мечами, произвели на меня потрясающее впечатление. Расстояние между рядами было не больше полуметра. Промежутки между танцорами, стоявшими в одном и том же ряду, были, пожалуй, и того меньше. Лишь один человек стоял на краю сцены, отдельно от рядов. Он тоже был в хакама, но без повязки на голове; вместо обнаженного меча у него был барабан, висевший на груди. Вскоре этот актер звонко, нараспев, прокричал: «Ияа!… Хаяа!…» – и затянул какую-то странную песню, отбивая такт на барабане: «боко-бон, боко-бон!» Напев был диковинный. Казалось, что в нем сочетались и песня уличного жонглера и буддийские песнопения. Мелодия была тягучая, как тянучки в летнюю жару, и какая-то расслабленная, но во время пауз вступал барабан: «боко-бон… боко-бон…» – и это придавало напеву однообразную ритмичность. Повинуясь этому ритму, тридцать обнаженных мечей, сверкая, мелькали так быстро, что при одном их виде сердце замирало. Живые люди, каждый из которых отделен от другого сбоку и сзади расстоянием в полметра, все как один размахивают острыми мечами, а ведь если кто-нибудь собьется с такта, то заденет и поранит своего товарища. Стоять на одном месте и только размахивать мечом взад и вперед, вверх и вниз – это бы еще не опасно, но ведь здесь все тридцать человек то одновременно делают выпад и поворот в сторону, то поворачиваются кругом, то приседают. Если кто-нибудь из стоящих рядом жонглеров сделает движение хоть на секунду быстрее, чем нужно, или хоть на секунду запоздает, то ему, чего доброго, могут нос отрубить. А у соседа, не ровен час, и голова с плеч слетит. Движения блестящих мечей совершенно свободны, но пределы этих движений ограничиваются пространством меньше чем в половину квадратного метра. Мало того, каждый меч должен вращаться с той же скоростью и в том же направлении, что и мечи справа, слева, сзади и спереди. Я был поражен. Куда токиоским пляскам до этих!Когда я стал расспрашивать, мне рассказали, что даже у очень искусных мастеров не всегда легко получается такой ритм. А особенно трудно приходится тому жонглеру, который отбивает такт на барабане. И движенья ног, и работа рук, и приседания тридцати человек определяются одним только этим «боко-бон!» И что удивительнее всего – со стороны кажется, что этот молодец совершенно беззаботно и весело распевает свое «ияа!… хаяа!…», а на самом-то деле у него очень ответственная и трудная роль.

Мы с «Дикообразом» с восторгом смотрели, не отрываясь, на эти пляски, как вдруг с другой стороны, невдалеке от нас, послышался громкий боевой клич; в публике, до сих пор тихо и мирно созерцавшей выступление на подмостках, сразу же возникло волнение, толпа беспокойно начала передвигаться из стороны в сторону.

Раздались крики: «Дерутся! Дерутся!…» И в ту же минуту, проталкиваясь между локтями, к нам подбежал брат «Красной рубашки».

– Господин учитель! – крикнул он. – Опять драка!… Школа решила отомстить за утреннее поражение и снова затеяла бой с ребятами из педагогического… Идите скорей!… – Выпалив все это, он нырнул в толпу и куда-то исчез.

– Вот надоели мне эти мальчишки, – буркнул «Дико-образ», – опять начали! Надо ж и меру знать!…

И он пустился бежать, лавируя между прохожими. Нам нельзя было только наблюдать, видно он хотел ути-хомирить мальчишек. Ясное дело, что я и не подумал оставаться в стороне. Вслед за «Дикообразом» и я бросился на место происшествия.

Драка была в самом разгаре. «Педагогических» ребят было человек пятьдесят – шестьдесят, а школьников, наверно, втрое больше. Воспитанники училища были в форменной одежде, а школьники после парада все переоделись в японское платье, так что враждующие стороны сразу можно было различить. Однако в пылу сражения все перемешались, то сцепляясь, то разделяясь, и уже невозможно было понять, кого куда растаскивать.

«Дикообраз» некоторое время наблюдал этот хаос с таким видом, будто хотел сказать: «Что же делать-то, черт возьми!…»И действительно, что было делать? Придет полиция – хлопот не оберешься!

– А ну, давай разнимай их! – крикнул он мне.

И я, не говоря ни слова, ринулся в самую гущу потасовки.

– Перестаньте! Бросьте!… – заорал я. – Вы же школу позорите своим хулиганством! Да перестанете вы?… – Еще раз крикнул я и стал проталкиваться на линию границы между противниками, но это оказалось не так-то просто. Я продвинулся на два-три шага и застрял – ни взад, ни вперед. Прямо передо мной рослый парень из педагогического училища дрался с школьником лет пятнадцати – шестнадцати.

– Стой! – завопил я и, схватив парня за плечо, хотел было силой разнять их, но в этот самый момент кто-то снизу поддал мне под ногу. Застигнутый врасплох, я отпустил воспитанника и плашмя грохнулся на землю. Какой-то мальчишка в жестких ботинках прыгнул мне на спину. Опираясь на обе руки и на колени, я сначала встал на четвереньки, потом вскочил на ноги, а мальчишка покатился с моей спины и упал. Поднявшись, я огляделся и не дальше чем в пяти-швсти шагах от себя увидел огромную фигуру «Дикообраза».

– Стойте!… Стойте! Прекратите драку!… – кричал он, тщетно пытаясь выбраться из свалки.

– Эй!… Совсем плохо дело! – окликнул я его; но он ничего не ответил, наверно не услышал.

Неожиданно камень, со свистом прорезав воздух, ударил меня в скулу, и в тот же миг кто-то треснул меня сзади палкой по спине. Раздались голоса:

– Куда лезешь, а еще учитель!

– Бей его, бей!…

– Ребята, да их всего двое, учителей-то! Один большой, а другой маленький!

– Камнями их!…

– Эй, вы! Не смейте грубить! Деревенщина, а туда же!… – закричал я и быстро ухватил за волосы стоявшего рядом воспитанника. Опять просвистел камень; на этот раз он только слегка задел мою стриженую голову и упал где-то сзади.

Что происходило с «Дикообразом», мне не было видно. Что оставалось делать? Сначала сам ввязался, чтоб прекратить эту драку, а теперь сбежать, испугавшись,как бы меня не побили и не забросали камнями? За кого они меня считают? Хоть я росту небольшого, но на поле боя совсем не новичок!…

И, подумав так, я снова принялся как попало раздавать и получать тумаки.

Но тут раздался крик:

– Полиция! Полиция!… Бегите, бегите!…

До сих пор здесь пошевельнуться было так же трудно, как плавать в застывшем клее, а теперь, смотрите-ка, разом стало свободно, – удивился я.

Обе враждующие стороны моментально отвели свои войска. Ишь ты! Деревенские, а отступать умеют не хуже Куропаткина!

Я оглянулся – посмотреть, что с «Дикообразом». «Дикообраз» стоял поодаль и утирал нос. Его легкое хао-ри было разорвано в клочья. Видно, ему разбили нос, и шло много крови. Нос у

него распух и стал багровым, смотреть и то было больно. Мое авасэ с крапчатым рисунком хоть и было все в грязи, однако пострадало меньше, чем хаори «Дикообраза». Но скула невыносимо ныла.

– Сильно раскровянили, потому и болит, – объяснил мне «Дикообраз».

Появилось человек пятнадцать полицейских, но школьники успели скрыться, так что захвачены были только я и «Дикообраз».

После того, как мы назвали свои фамилии и в общих чертах рассказали, как обстояло дело, нам было сказано:

– Идемте в полицию, там разберемся.

И мы отправились в участок. Там мы все подробно изложили полицейскому начальнику, после чего нас отпустили.

Глава 11

Проснувшись утром, я почувствовал, что у меня невыносимо болит все тело. Видимо, давали знать себя последствия вчерашней драки.

«Да, особенно-то хвалиться нечем…» – думал я, лежа в постели.

Хозяйка принесла местную газету «Сикоку симбун» и положила ее у моего изголовья. По правде говоря, мне даже читать и то трудно было, но я сказал себе: «Развеможно мужчине раскисать из-за таких пустяков?» – и, с трудом повернувшись на живот, развернул газету на второй странице. Взглянул – и ахнул: там как раз было напечатано о вчерашней потасовке. Собственно ничего удивительного нет, что в газете помещена заметка о драке, но там было сказано следующее:

«Учитель средней школы, некто Хотта, и некий хлыщ, недавно прибывший сюда из Токио, подговорив добронравных и послушных школьников, подбили их устроить драку; больше того, оба они, присутствуя на месте происшествия, сами всем этим руководили и без всякого повода учинили хулиганские выходки против учеников педагогического училища…»

Вот что там писали! И дальше было еще:

«…Средняя школа нашей префектуры благодаря царящим здесь добрым нравам и послушанию издавна во всей стране служила предметом восхищения и зависти, ко теперь из-за этих двух легкомысленных типов преимущественное положение нашей школы утрачивается; и поскольку позор тем самым ложится на весь наш город, то мы должны решительно и настоятельно потребовать привлечения их обоих к ответственности. Мы уверены, что надлежащие инстанции не только применят по отношению к этим хулиганам должные меры, но и добьются, чтобы в дальнейшем для них был закрыт доступ в педагогическую среду».

Каждое слово было выделено курсивом.

– А чтоб вас разорвало! – вскричал я, вскакивая с постели.

Удивительное дело: до этого момента я чувствовал сильную боль во всех суставах, но как только вскочил, все прошло, как не бывало!

Я скомкал газету и вышвырнул ее в сад, но потом мне показалось этого мало, я подобрал ее, специально отнес в уборную и бросил туда.

Как же это газета печатает такую возмутительную ложь? Спроси – кто больше всех на свете врет? Разве не газеты? А про меня-то ведь совсем все переврали! И потом что это значит: «некий хлыщ, недавно прибывший сюда из Токио»? Разве найдется у нас в стране человек по фамилии «некий»? Нет, вы подумайте! У меня ведь есть своя честная фамилия и свое имя. А если посмотреть мою родословную, то там можно проследитьвсех моих предков до единого, начиная с Тада-но-Мандзю.

Пока я умывался, разболелась скула.

– Дайте мне на минутку зеркало, – обратился я к хозяйке.

– Вы просмотрели утреннюю газету? – спросила она.

– Прочитал и выбросил в уборную. Если угодно, можете ее там подобрать!

Изумившись, она ушла. Я посмотрел в зеркало и увидел, что ссадина как была вчера, так и осталась. Важный, однако, у меня вид! И физиономия изуродована, и еще «неким» обозвали… добро бы просто «>некиим», так еще – «некиим хлыщом».

Если про меня скажут, что я не пошел на занятия оттого, что испугался этой заметки в газете, то это будет позор на всю жизнь, поэтому, позавтракав, я отправился в школу и явился туда раньше всех.

Каждый, кто ни входил, взглянув на меня, начинал хохотать. А что тут было смешного?

Пришел Нода.

– Ого! – воскликнул он. – При вчерашних подвигах изволили получить почетное ранение?

Нода сказал это издевательским тоном, – должно быть, в отместку за то, что я поколотил его тогда на банкете.

– Нечего молоть зря! – прикрикнул я на него. – Иди облизывай свои кисточки!

– Ах, извините!… – проговорил он. – Наверно, изрядно болит?

– Болит или не болит – не твое дело, это мое лицо! И чего ты суешься? – огрызнулся я.

Тогда он отошел, сел на свое место и, посматривая в мою сторону, принялся, посмеиваясь, шептаться о чем-то со своим соседом, учителем истории.

Затем явился «Дикообраз». Нос у него стал лиловый и распух так, словно внутри был нарыв, готовый вот-вот прорваться. Может быть, он пострадал из-за своей самонадеянности, но, как бы там ни было, его носу досталось крепче, чем моему лицу!

Мой стол и стол «Дикообраза» стояли один возле другого и, как нарочно, находились прямо против двери. И вот две такие морды уселись рядом! Учителя, чуть им становилось скучно, сразу же оборачивались на нас. Вслух они говорили: «Какое несчастье, какое несчастье!»,а про себя, разумеется, думали: «Вот идиоты-то!» Иначе чего бы им перешептываться и хихикать?

Когда я вошел в класс, ученики встретили меня аплодисментами. Кто-то даже крикнул: «Браво, учитель!»

Не то мои акции повысились в их глазах, не то они издевались надо мной – не поймешь.

Мы с «Дикообразом» стали центром всеобщего внимания. Подошел «Красная рубашка».

– Какое ужасное несчастье! Я вам очень сочувствую, – сказал он, – что же касается газетной заметки, то мы с директором ее обсудили и решили принять все необходимые меры для того, чтобы было помещено опровержение, так что вы не волнуйтесь. И подумать только, что все получилось из-за того, что мой братишка зашел позвать Хотта! Это, конечно, непростительно для меня… Я готов приложить все усилия, чтобы замять этот инцидент, только вы не поймите меня превратно!… – полуизвиняясь говорил он.

После третьего урока из своего кабинета вышел директор.

– Плохо, что это попало в газету, – сказал он. – Лучше бы не было такого осложнения…

Директор казался несколько встревоженным. А я ничуть не волновался. Они думают меня уволить, а я сам раньше подам заявление об уходе – только и всего! Однако, если я, «и в чем не виновный, уберусь отсюда, то эти газетные врали еще пуще зазнаются! Поэтому я решил, что правильнее будет заставить их напечатать поправки к этому сообщению, а самому, хотя бы из самолюбия, не увольняться и продолжать служить.

«Зайду-ка на обратном пути в редакцию выяснить это дело», – подумал я, но тут же вспомнил, что школа, как мне сказали, уже предприняла шаги, чтобы опротестовать эту заметку, и не пошел.

Мы с «Дикообразом», улучив момент, когда у директора и «Красной рубашки» был перерыв между занятиями, рассказали им все, как оно было, начистоту.

– Ах, вот оно что?… Значит, у газеты какой-то зуб на школу и она нарочно поместила такую заметку! – сделали вывод директор и старший преподаватель.

«Красная рубашка» обошел всю учительскую, объясняя и оправдывая наше поведение. Особенно он напирал на то, что его младший брат заходил позвать «Ди-кообраза» и что это вроде его собственный недосмотр. Тогда все заговорили:

– Это газетчики виноваты! Возмутительно!… Двое учителей действительно тяжело пострадали!

– Знаешь, что-то подозрительно ведет себя «Красная рубашка»… Смотри, будь начеку, не

то как раз в беду попадешь! – предостерег меня «Дикообраз», когда мы возвращались с ним из школы.

– Конечно, подозрительно, – согласился я, – но ведь не с сегодняшнего же дня он стал вызывать подозрения.

– Ты еще не догадался? Ведь он вчера нарочно за нами посылал и заранее рассчитал, что мы непременно ввяжемся в драку, – пояснил мне «Дикообраз».

До этого я и в самом деле не додумался. Я был в восхищении!

Да, «Дикообраз», конечно, грубоват на вид, но он куда умнее меня!

– А когда нас втянули в драку, он сразу же потихоньку донес об этом в редакцию газеты и убедил, чтобы там поместили такую заметку. Действительно прохвост.

– Как? И в газете тоже его рук дело? Подумать только!… Но скажи мне, почему же в редакции так легко его послушались?

– Его и не слушались. Что, у него в редакции не может быть приятеля?

– У него там приятель есть?

– А почему не быть? Он ему наврал, рассказал, что вот, мол, все было именно так, а тот и настрочил.

– Но это ужасно! Подумай, если все это в самом деле подстроено по замыслу «Красной рубашки», так нас за эту драку, чего доброго, со службы уволят.

– Да, в худшем случае, может быть, и уволят.

– Тогда я завтра подаю заявление об уходе и сейчас же уезжаю обратно в Токио. Противно служить в таком гнусном месте. Не останусь я здесь, далее если просить будут!

– Допустим, ты подашь заявление об уходе – ну и что? «Красной рубашке»-то наплевать?

– Тоже верно!… А что же сделать, чтоб ему было не наплевать?

– Ты понимаешь, этот прохвост все делает так, чтоулик не остается, а раз улик нет – попробуй-ка изобличи его!

– Очень сложно. Но ведь нас-то с тобой несправедливо обвинили! Хорошенькое дело! Неужели нет небесного правосудия?…

– Не выждать ли нам еще денька два-три? Посмотрим, как все обернется. Ну а если положение ухудшится, тогда мы его изловим в Сумита, ничего другого не придумаешь!

– А с дракой-то как же быть? Так все это и оставить?

– Да, придется. Мы должны поймать своего противника на его слабостях.

– Ладно, пусть так! Я не мастер на хитрости, я полагаюсь во всем на тебя. Но когда наступит нужный момент, я буду делать все что угодно.

На этом мы с «Дикообразом» расстались. Если он прав и все это действительно проделки «Красной рубашки», то какой же это гнусный человек! Во всяком случае его не перехитришь! Придется прибегнуть к физической силе, иначе ничего не выйдет. Собственно говоря, по той же причине и войны на свете не прекращаются. Так и между отдельными людьми – в конечном счете все решает сила.

На другой день я едва дождался, пока принесут газету, развернул, поглядел, – не только исправления от редакции, но и опровержения-то нет.

Придя в школу, я стал донимать «Барсука», но он сказал:

– Наверно, поместят завтра.

А назавтра в газете появилось коротенькое опровержение, набранное петитом. Однако от имени редакции никаких исправлений помещено не было. Когда я снова пошел поговорить с директором школы, он объяснил:

– Ничего другого сделать не удалось.

А еще директор! И вид как у барсука, и в сюртуке ходит – и вдруг оказывается, что он

никакого влияния не имеет. Не может даже заставить извиниться какую-то деревенскую газету, которая поместила лживое сообщение! Я был взбешен.

– В таком случае я пойду один, – заявил я, – и сам потолкую там с главным редактором!

Но он возразил: – Это не годится. Пойми, если ты начнешь спорить, только и добьешься, что они снова напишут что-нибудь ругательное. Словом, то, что пишут в редакции, будь то ложь, будь то правда, исправить уже никак невозможно. Лучше махнуть рукой, ничего больше не поделаешь! – закончил он.

Ну, если газета – такая штука, так нужно как можно скорее разгромить там все вдребезги, это и для нас полезнее будет! Выходит, если уж в газете напечатают, так это все равно что черепаха вцепилась мертвой хваткой. Что там, что тут – не отдерешь! Об этом я.узнал только теперь, из объяснений «Барсука».

Прошло еще дня три. И вот однажды, после полудня, прибежал взбешенный «Дикообраз».

– Наступил критический момент, – объявил он мне, – и я хочу теперь осуществить наш план.

– Вот как? В таком случае и я с тобой! – тут же присоединился я.

Но «Дикообраз», опустив голову, сказал:

i – Слушай, а может быть, тебе лучше не впутываться?

– Почему это? – удивился я.

– Тебя вызывали к директору? Говорили тебе: «Подайте заявление об уходе»? – спросил он.

– Нет! А тебе говорили? – в свою очередь спросил я.

– Да, сегодня в директорском кабинете мне сказали: «Это очень прискорбно, но обстоятельства вынуждают, вам придется подать в отставку».

– Ну, знаешь, наверно «Барсук», зазнавшись, всякое соображение потерял! Мы же с тобой вместе ходили на парад, вместе смотрели пляски с мечами, потом, чтоб прекратить драку, вместе ввязались в нее, – не так разве? И если говорят: «Подайте заявление об уходе», то, по справедливости, это нужно было сказать нам обоим. Должно быть, в этих деревенских школах вообще не понимают, что значит разумно поступать?

– Это все сделано по наущению «Красной рубашки». Дело в том, что такие люди, как я и «Красная рубашка», никак не могут работать в одной школе. Ну а ты, он считает, если и останешься, то для него безвреден.

– Значит, я такой, что могу сработаться с «Красной рубашкой»? И он считает, что я для него безвреден?… Нахальство!

– Понимаешь, ты чересчур бесхитростный человек,поэтому он думает, что, если ты и останешься, он так или иначе всегда сможет тебя провести.

– Еще того хуже! Кто это может с ним вместе работать?

– Кроме того, смотри-ка: Кога недавно уехал, а с заместителем что-то случилось, и он, вероятно, совсем не приедет. Теперь, если нас с тобой одновременно выгонят, то у школьников получатся пустые часы, а это помешает ходу занятий.

– И мне, значит, хотят отвести роль затычки для пустых мест? Так, что ли?… Скоты! Кто им даст себя провести?

Придя на следующий день в школу, я зашел в кабинет директора.

– Почему вы не предложили мне подать заявление об уходе? – начал я.

– Что такое? – опешил «Барсук».

– Хотта сказали: «подавай», а я чтоб не подавал? Разве это справедливо?

– В школе так сложились обстоятельства, что…

– Обстоятельства? Неверно! Если я могу оставаться, то и Хотта незачем уходить.

– Я затрудняюсь все это объяснить, но дело обстоит так, что Хотта придется отсюда уйти,

это неизбежно. Вам же нет необходимости подавать такое заявление, так что…

Вот уж действительно «Барсук»! Всегда он говорит так, чтоб понять было невозможно, и при этом совершенно спокоен.

Мне ничего другого не оставалось, как объявить ему:

– В таком случае и я ухожу! Вы увольняете одного Хотта и полагаете, наверно, что я так и останусь в сторонке, буду сидеть сложа руки. Но я считаю недостойным такое бессердечие!

– Как же быть?… Если и Хотта и вы уйдете, тогда в школе совершенно не будет занятий по математике…

– Ну и не будет! Мне какое дело?

– Но нельзя же так ни с чем не считаться, надо немножко войти и в положение школы! К тому же со времени твоего приезда не прошло и месяца, а ты уже говоришь: «увольняюсь»; ведь это скажется и на твоем послужном списке, ты лучше подумай-ка хорошенько.

– Какой там еще послужной список? Разве это так важно? Долг для меня важнее! – Ты совершенно прав! Во всем, что ты говоришь, ты вполне прав. Но все-таки подумай и о том, что я говорю!… Ну, хорошо, если ты непременно хочешь уволиться – что ж, увольняйся. Но пока не будет заместителя, ты уж как-нибудь веди занятия… И во всяком случае дома обдумай все это еще раз, пожалуйста.

У меня были совершенно определенные причины и обдумывать тут было нечего, но «Барсук» то бледнел, то краснел и, наконец, стал таким жалким, что, уходя, я сказал, что еще немножко подумаю.

«Красной рубашке» я не сказал ни слова. Если на что-нибудь решился, так уж крепись!

Я в общих чертах передал «Дикообразу» свой разговор с «Барсуком».

– Ну, я так и предполагал, – оказал он. – А что касается твоего заявления об уходе, то кто тебе мешает оставить все так, как есть, пока не наступит решительный момент?

Я так и поступил, как советовал «Дикообраз».

«Дикообраз» подал заявление об уходе, попрощался со всеми преподавателями и даже для виду переселился в гостиницу «Минатоя», но потом незаметно вернулся в Сумита. Он остановился там в гостинице «Масуя» на втором этаже, в комнате, выходившей на улицу, и принялся караулить, наблюдая через сёдзи. Об этом знал я один.

Если «Красная рубашка» ходит туда тайком – ясно, что он приходит ночью. Вечером он мог бы попасться на глаза школьникам или еще кому-нибудь, поэтому мы решили, что он придет не раньше, чем в десятом часу. Первые два вечера я тоже караулил часов до одиннадцати, но «Красная рубашка» не показывался. На третий день мы вели наблюдение с девяти до половины одиннадцатого, и опять зря. Что может быть глупее, чем возвращаться домой среди ночи, понапрасну потратив время!

На четвертый-пятый день моя хозяйка немного заволновалась:

– У вас ведь жена есть, а вы по ночам развлекаетесь! Прекратили бы лучше, – посоветовала она мне.

Но мои поздние отлучки были совсем не похожи на развлечения. Я хотел сам вместо небесного правосудия покарать «Красную рубашку» – вот для чего были всеэги мои «развлечения». Уже целую неделю я регулярно ходил подстерегать его, и все напрасно. Мне стало скучно. У меня характер порывистый, когда я с жаром за что-нибудь берусь, то могу и ночь без сна провести, но зато долго бездействовать – это не по мне. Даже если это нужно для того, чтобы выступить в роли правосудия, рано или поздно все равно надоест. Словом, на шестой день мне все это наскучило, а на седьмой я подумал: «Может, перерыв сделать?…» Но «Дикообраз» держался стойко. С девяти часов вечера и пока не переваливало за полночь, не отрывая глаз от сёдзи, он следил за всеми, кто проходил под газовым фонарем у «Кадоя». А

когда я приходил, он поражал меня своими статистическими данными: сколько было посетителей, сколько пришло постояльцев, сколько женщин.

– А тебе не кажется, что он не придет?… – спрашивал я.

– Гм… обязательно должен прийти, – отвечал он, скрестив руки на груди и по временам вздыхая.

Бедняга! Ведь если «Красная рубашка» не придет сюда, так «Дикообразу» во всю жизнь не удастся покарать его небесной карой!

На восьмой день я ушел из дому часов в семь. Сперва я не спеша пошел принять ванну, потом там же, в Сумита, купил восемь штук яиц. Это была необходимая мера, ибо моя квартирная хозяйка совсем замучила меня своим сладким картофелем. Яйца я положил в рукава – четыре в правый рукав и четыре в левый, свое красное полотенце перекинул через плечо и, заложив руки за пазуху, пошел в гостиницу «Масуя»; там я поднялся по лестнице, раздвинул перегородку и вошел в комнату «Дикообраза».

– Ты знаешь, есть надежда, есть надежда!… – встретил меня «Дикообраз», и лицо его вдруг просияло. До сих пор он держался несколько угрюмо, и в конце концов даже на меня стало находить уныние, когда я его видел, но теперь, взглянув на него, я тоже сразу повеселел и воскликнул: «Ура-а!», еще не зная, в чем дело.

– Сегодня, примерно так в полвосьмого, туда зашла эта гейша, Судзу.

– С «Красной рубашкой»?

– Нет.

– Так это нам ни к чему! – Гейши пришли вдвоем, но, право, похоже, что есть надежда!…

– Почему?

– Почему? А потому что такие, как он, всегда хитрят: такой сначала пошлет вперед себя гейшу, а потом сам тайком придет.

– Может быть, и так… Наверно, уже часов девять?

– Двенадцать минут десятого, – ответил «Дико-образ», взглянув на свои никелированные часы, которые он вытащил из-за пояса. – Ну-ка, погаси лампу, а то покажется странным, если на сёдзи будут видны тени двух коротко остриженных голов. Хитрая лисица насторожится сразу!

Я задул лампу, стоявшую на лакированном столике. Теперь только сёдзи чуть-чуть освещались светом звезд. Луна еще не взошла. Мы прильнули к сёдзи и затаили дыхание. Стенные часы пробили половину десятого.

– Слушай, а он придет сегодня? Если он и этой ночью не придет, то мне больше невтерпеж! – сказал я.

– Я буду тут караулить, покуда у меня деньги не кончатся.

– А сколько ж у тебя денег?

– Я расплачиваюсь каждый вечер, чтоб удобно было выехать отсюда в любое время. На сегодня, это значит за восемь дней, я заплатил здесь пять иен шестьдесят сэн.

– Ты, я вижу, заранее все подготовил. А в гостинице не удивляются?

– Вообще-то здесь спокойно, только плохо, что внимание ослабить нельзя.

– А днем ты, должно быть, отсыпаешься?

– Днем сплю. Но страшно неудобно, даже на улицу не выйдешь.

– Небесная кара тоже, брат, нелегкое дело! Но если теперь он ускользнет от правосудия, это будет черт знает на что похоже!

– Сегодня ночью он обязательно придет! Ой, смотри!… Смотри!… – вдруг зашептал «Дикообраз».

Я невольно замер. Мужчина в черной шляпе остановился под фонарем «Кадоя», посмотрел наверх, потом пошел дальше по темной улице.«Ошиблись! Какая досада!» – подумал я. В это

время часы безжалостно пробили десять. И сегодня, видно, тоже впустую!

Кругом все затихло. Из публичных домов отчетливо доносились звуки барабана. Из-за гор вдруг показалась луна. На улице стало светло. И в этот момент внизу послышались голоса. Высунуться было нельзя, и установить, кто это, было трудно, но, по всей видимости, кто-то шел сюда. Раздался звук шаркающих гэта на толстой подошве, потом краем глаза я уловил очертания двух фигур; они приближались.

– Теперь уже все в порядке! Помеха ведь устранена…

Вне всякого сомнения, это был голос Нода.

– Только куражится, а мер никаких не принял, вот и получил по заслугам, пусть пеняет на себя!

Это был «Красная рубашка»!

– А тот парень тоже, видно, безмозглый! Верно? Когда этот осел приехал сюда, он мне сразу понравился, очень уж лихой мальчуган!

– Прибавки не хочет, подал заявление об уходе. Неврастеник, должно быть, ясное дело!

«Открыть бы окно, спрыгнуть со второго этажа да исколотить их как следует, хоть бы душу отвел!…» – подумал я и еле-еле удержался от этого.

Двое внизу засмеялись и, пройдя под фонарем, вошли в «Кадоя».

– Ага! – воскликнул «Дикообраз».

– Ага! – отозвался я.

– Пришел!

– Пришел-таки!

– Прямо гора с плеч!…

– Нода, скотина, обозвал меня «лихим мальчуганом»!

– А меня? Меня «помехой» назвали! Хамье!

Мы собирались подстеречь их и напасть, когда они пойдут обратно. Но когда они оттуда выйдут? Кто их знает!…

«Дикообраз» спустился вниз в контору и предупредил:

– Может случиться, что сегодня ночью я уйду по делам Скажите, чтоб меня выпустили, – попросил он.

Хорошо, что в конторе были предупреждены, а то могли бы принять нас за воров.Очень трудно было дожидаться, пока «Красная рубашка» придет, но сидеть неподвижно и ждать, когда он выйдет, было еще труднее. Лечь спать нельзя, а высматривать его все время в окошечко было невыносимо, и я никак не мог успокоиться. Никогда еще мне не приходилось переживать такие мучения!

– Давай лучше ворвемся туда и накроем их с поличным! – не вытерпел я.

Но «Дикообраз» сразу же отверг мое предложение.

– Если мы сейчас ворвемся, скажут, что мы хулиганы, и нас задержат на полдороге. Если же мы расскажем о том, что нам нужно, и будем добиваться встречи с ними, то нам ответят, что их здесь нет, а они либо совсем сбегут, либо перейдут в другую комнату. Допустим даже, что мы вломимся туда, – но ведь там, может быть, десятки комнат, почем мы знаем, в какой они? Нет, брат, ничего другого не придумаещь, как потерпеть здесь, пока они выйдут.

Пришлось хоть и через силу, а терпелизо ждать до пяти часов утра.

Едва заметив две фигуры, вышедшие из «Кадоя», мы в тот же миг пустились вслед за ними. Было рано, первый поезд еще не шел, так что они все равно должны были идти пешком до города. От окраины Сумита вела аллея криптомерии, справа и слева от нее лежали рисовые поля. Кое-где виднелись соломенные крыши; дальше начиналась насыпь, которая проходила прямо посередине рисового поля и тянулась до нашего призамкового города. Надо только выйти

за пределы Сумита, а там не важно, где именно мы их нагоним, – хотя все-таки лучше, если б удалось настичь их в аллее, в безлюдном месте. Мы шли за ними, держась на некотором расстоянии, а когда вышли на окраину, сразу пустились бегом и налетели на них сзади.

– Что такое? – обернувшись, изумился «Красная рубашка», но «Дикообраз» крикнул:

– Стойте! – и схватил его за плечо.

Нода, повидимому, струсил и, казалось, готов был сбежать, поэтому я зашел вперед и преградил ему путь.

– Почему это старший преподаватель школы ходит ночевать в «Кадоя»? – тут же начал «Дикообраз».

– А что, разве есть правила, где сказано, что старшему преподавателю нельзя ночевать в «Кадоя?» – воз-разил «Красная рубашка», как всегда выбирая вежливые выражения. Однако лицо его слегка побледнело.

– Как же такой блюститель морали, который утверждает, что даже в закусочную зайти лапши поесть и то неприлично, сам вдруг к гейшам ходит?

Нода, улучив момент, хотел было улизнуть, но я мигом стал перед ним.

– Безмозглый мальчуган, говоришь?… Это что такое? – заорал я на него.

– Да это ж я не про тебя говорил, вовсе не про тебя! – бесстыдно стал отпираться Нода.

Вдруг я спохватился, что обеими руками сжимаю концы своих рукавов. Когда я побежал вдогонку, яйца в рукавах стали кататься и мешали мне, поэтому на бегу я придерживал их руками. Я сунул руку в рукав, вытащил оттуда два яйца и, крикнув: «А, черт побери!» – смаху залепил ими прямо в физиономию Нода.

Яйца с хрустом разбились, и желток потек по его носу. Совсем обалдев, Нода вскрикнул «ай!» и, присев от неожиданности, завопил:

– Помогите!…

Я покупал яйца, чтоб съесть их, и в рукава прятал совсем не для того, чтобы бросаться ими. Только в порыве бешенства, сам не сознавая, что делаю, я швырнул их в Нода. Но, увидев, как Нода с перепугу сел на землю, я понял свою удачу и, приговаривая: «Ах ты скотина, ах скотина! …», расколотил об него остальные шесть яиц, так что лицо его стало совсем желтым.

Пока я бил яйца об морду Нода, «Дикообраз» и «Красная рубашка» находились еще в разгаре переговоров.

– А у тебя есть доказательства, подтверждающие, что я привел гейшу и с ней ночевал в гостинице?

– Я сам видел, как твоя гейша под вечер прошла туда. Попробуй отопрись!

– Мне нечего и отпираться. Мы с Ёсикава ночевали вдвоем. А приходили туда под вечер гейши или нет, почем я знаю!

– Замолчи!… – заорал тогда «Дикообраз» и ударил его кулаком.

«Красная рубашка» пошатнулся.

– Это разбой!… Это хулиганство! – завопил он. – Без всякого права прибегать к физической силе – это беззаконие!…

– Незаконно, зато здорово! – И «Дикообраз» опять сильно ударил его. – Такой негодяй, как ты, не поймет, пока его не поколотишь!… – говорил он, продолжая осыпать своего противника тумаками; а в это же время и я жестоко исколотил Нода.

В конце концов оба они скорчились у ствола криптомерии. Не в состоянии пошевелиться и не пытаясь бежать, они только моргали глазами.

– Ну как, хватит с тебя? – осведомился «Дикообраз». – Мало, так еще всыплю!

Но «Красная рубашка» взмолился:

– Хватит!…

– А тебе как? Тоже довольно? – спросил я Нода.

– Конечно, довольно!… – ответил тот.

– Оба вы негодяи, поэтому вас и покарало небо! – объявил им «Дикообраз». – После такого урока будьте впредь осмотрительнее! Сколько бы вы ни оправдывались, справедливость свое возьмет.

Оба молчали. И действительно бесполезно было что-нибудь говорить.

– Я не собираюсь ни бежать, ни прятаться, – продолжал «Дикообраз», – сегодня до пяти часов вечера я буду в гостинице «Минатоя». Если угодно, можете присылать полицейского или кого хотите.

И я сказал:

– Я тоже не сбегу и не хочу прятаться. Я буду там же, где Хотта. Можете жаловаться в полицию сколько угодно.

И мы вдвоем быстро ушли.

Когда я вернулся домой, было уже около семи часов. Я сейчас же начал укладывать вещи.

– Что это вы делаете? – с удивлением спросила хозяйка.

– Я еду в Токио, бабушка, и вернусь оттуда вместе с женой, – ответил я, расплатился с ней и сразу же отправился к поезду.

Когда я доехал до побережья и пришел в гостиницу «Минатоя», «Дикообраз» спал в своей комнате во втором этаже. «Немедленно напишу в школу заявление об уходе», – решил я, но не знал, как это делается, и написал так: «По личным обстоятельствам я покидаю школу и возвращаюсь в Токио. Прошу на это вашего согласия». Письмо адресовал на имя директора и отослал по почте. Пароход отходил в шесть часов вечера. И «Дикооб-раз» и я очень устали и поэтому спали крепко, а когда проснулись, было уже два часа дня.

– Полицейский не приходил? – спросил я служанку.

– Нет, не приходил, – ответила она.

Значит, «и «Красная рубашка», ни Нода жаловаться не ходили! И мы оба громко расхохотались.

Вечером я и «Дикообраз» распрощались с этим грязным городишкой.

Чем дальше пароход отходил от берега, тем легче становилось у меня на душе. От Кобэ до Токио было прямое сообщение, и когда я прибыл на вокзал Симбаси, мне казалось, что я, наконец, вышел из тюрьмы на свободу.

С «Дикообразом» мы тут же на вокзале расстались, и с тех пор нам так и не пришлось больше встретиться.

Остается рассказать о Киё.

Приехав в Токио, я не пошел искать себе комнату, а прямо, как был, с чемоданом в руке, влетел к Киё:

– Киё! Это я!

– Ох, мальчуган! Как хорошо, что ты уж вернулся!… – И слезы закапали из ее глаз.

Я тоже был ужасно рад.

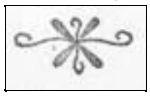
– Больше я в провинцию не поеду, – сказал я, – останусь здесь, в Токио, и мы вместе с Киё обзаведемся своим домом.

Вскоре по рекомендации одного лица я устроился техником на городскую железную дорогу. Жалованья я получал двадцать пять иен в месяц, а за квартиру платил шесть иен. И хотя у нашего дома не было шикарного подъезда, Киё была очень довольна. Но, к несчастью, в феврале этого же года она заболела воспалением легких и умерла. За день до смерти она подозвала меня и сказала:

– Мальчуган, очень прошу тебя, когда я умру, похорони меня в своем семейном храме.

Тогда в могиле я буду спокойно и радостно ожидать, когда придет мой мальчуган…

Вот почему могила Киё находится в Кобината, в храме Егэндзи.



---

notes

[1] У нас издавалась позднее под названием «Ваш покорный слуга Кот» – *Saneshka.*

[2] Нацумэ Сосэки, Сердце (роман, перевод с японского и предисловие Н. И. Конрада), Гослитиздат, Л. 1935.

[3] Авасэ – подобие халата на подкладке, без ваты.

[4] Хибати – жаровня в виде круглого или четырехугольного глиняного сосуда.

[5] Кодзимати и Адзабу – названия кварталов в Токио.

[6] То есть с дощатым полом и обставленная европейской мебелью.

[7] Омори – в то время деревня в окрестностях Токио; теперь – заводской район Токио.

[8] Хакама – длинные шаровары.

[9] Хаори – верхнее короткое кимоно. из тонкой шелковой ткани.

[10] Эдокко – коренной уроженец Эдо (Эдо – название Токио до 1867 года).

[11] В Японии при входе в дом снимают обувь.

[12] Цыновка – единица измерения жилой площади. Одна цыповка немногим больше полутора квадратных метров.

[13] Огромная полая статуя Будды, которую осматривают не только снаружи, но и изнутри, где имеется специальная лесенка.

[14] Личные печати имеют в Японии широкое распространение. Личная печать художника на его картине обязательна.

[15] Какэмоно – японская картина, написанная на продолговатой полосе бумаги или шелка; такую картину вешают обычно в токонома, то есть в стенной нише.

[16] Танкэй – плитки для растирания туши; изготовлялись в Китае в Танскую эпоху (VI-IX вв. н.э.) из камня, который добывался в долине Танкэй (отсюда и название этих плиток), находящейся в теперешней провинции Гуандун; считаются редкостью и ценятся за высокое качество.

[17] Тэмпура – гречневая лапша с жареной рыбой.

[18] Сила – это право.

[19] Хатамото – непосредственный вассал сегуна; сёгун (в эпоху феодализма) – верховный правитель Японии.

[20] Цурэбори – небольшой пруд, где специально разводят рыбу и за плату разрешают удить.

[21] Биссямон – буддийский праздник в честь бога Биссямон, одного из семи богов счастья; карп – его эмблема.

[22] Нодайко – шут, прихвостень, подпевала.

[23] Тернер Джозеф Вильям (1775-1851) – крупнейший английский пейзажист.

[24] Коданна – барчук, молодой господин, молодой барин.

[25] Таи – морской лещ, считается в Японии самой вкусной рыбой.

[26] Горуки – название мелкой рыбы.

[27] Катакана – особые знаки, которыми пишутся, в частности, все иностранные имена и слова, вошедшие в японский язык.

[28] Одна сэна равнялась примерно одной копейке; один рин – одной десятой сэны.

[29] Идатэн – один из четырех хранителей буддийского храма.

[30] Цитата из стихотворения Басе, классика японской поэзии (XVII в.).

[31] Сан – приставка после имени; более фамильярная – кун.

[32] Хирагана – одна из двух японских азбук, по написанию похожа на скорописные иероглифы.

[33] Фусума – раздвижные ширмы в японской комнате.

[34] Сасими – японское кушанье из сырой рыбы.

[35] Сакэ – рисовая водка.

[36] Хокку (или хайку) – короткие японские стихотворения в три строки, написанные размером в 5-7-5 слогов.

[37] Имеется в виду известное хокку поэтессы Тиё-ни:

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца.
У соседа воды возьму.

(Перев. В. Н. Марковой)

[38] Гэта – японская деревянная обувь.

[39] Дзюдзицу – японская борьба вольного стиля и система самозащиты.

[40] Название «сэтомоно» идет от деревушки Сэто (провинция Овари), с XIII века известной производством фарфора.

[41] Имари – фарфор производства провинции Хидзэн.

[42] В Японии обычно обедают за низенькими столиками, сидя на полу на плоских подушках; каждому полагается отдельный столик.

[43] Кэн – игра, при которой двое играющих одновременно выбрасывают вперед несколько пальцев руки, выкрикивая при этом цифру. Общее количество пальцев, выброшенных обоими игроками, должно составить названную цифру. Угадавший выигрывает.

[44] Сямисэн – щипковый трехструнный музыкальный инструмент.

[45] Тян – приставка к имени.

[46] Гидаю – актер, исполнитель пояснений к классической японской драме; «ведущий».

[47] Я рада видеть вас.

[48] Японский национальный флаг – красный круг (солнце) на белом фоне.

[49] Ронин – самурай, покинувший свой клан; в переносном значении: бродяга, человек без определенных занятий.

[50] Японцы обычно используют широкие мешкообразные рукава кимоно вместо карманов.

[51] Синтайси – японская поэзия нового стиля, то есть не ограниченная традиционным размером.

[52] Сёдзи – часть наружной стены в виде раздвижных рам, затянутых очень плотной, непрозрачной бумагой.